

Суть времени

Сергей Кургинян

Суть времени

ТОМ **1**

*Философское обоснование
мессианских претензий России в XXI веке*

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

УДК 327.56
ББК 66.4(0)
К93

Кургинян С.Е.

К93 Суть времени. В 4-х томах – М.:МОФ ЭТЦ, 2012.

ISBN 978-5-7018-0523-9

Том 1. – 2012. – 316 с.

ISBN 978-5-7018-0524-6

«Суть времени» – это цикл видеолекций Сергея Кургиняна, политического и общественного деятеля, режиссёра, философа и политолога, президента Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр». Лекции транслировались в интернете с февраля по ноябрь 2011 г. на сайтах www.kurginyan.ru, www.eot.su.

Необычный, интеллектуально глубокий и острый, эмоционально окрашенный и несущий яркий отпечаток личности автора, этот цикл лекций вызвал огромный интерес аудитории и стал «стартовым толчком» и одновременно концептуальной основой для формирования виртуального клуба сторонников С.Кургиняна «Суть времени».

В книге «Суть времени» собраны стенограммы всех 41 лекций цикла. В каждой из них – размышления Сергея Кургиняна о сути нынешнего времени, о его метафизике, диалектике и их отражении в ключевых аспектах актуальной российской и глобальной политики. Центральная тема цикла – поиск путей и механизмов выхода из системного глобального общечеловеческого тупика во всех его измерениях: от метафизического до гносеологического, этического, антропологического. И, как результат, тупика социально-политического, технологического и хозяйственно-экономического.

Автор, показывая контуры этого тупика и подчеркивая необходимость понимания всей глубины, сложности и трагичности нарастающих проблем, доказывает, что именно Россия, в силу особенностей своей исторической судьбы, сохраняет шанс на то, чтобы найти и предложить миру выход из тупика. Но реализовать шанс возможно лишь в том случае, если для «критической массы» активных людей с общим глубоким пониманием проблем это станет высшим смыслом жизни и деятельности.

Идеи С.Кургиняна нашли отклик, виртуальный клуб «Суть времени» разрастается в широкое общественное движение «Суть времени». И на наших глазах становится реальной политической силой.

УДК 327.56

ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-7018-0524-6 (т.1)

ISBN 978-5-7018-0523-9

© Сергей Кургинян, 2012

© ЭТЦ, 2012

1 февраля 2011 года

Выпуск №1

Мы начали выпуск новой видеопередачи в интернете и решили назвать ее «Суть времени». Не потому, что в этом есть забавное созвучие с «Судом времени» – большим шоу-проектом «Пятого канала», в котором я полгода активно участвовал, а потому, что действительно хотим обсудить СУТЬ времени, СУТЬ эпохи, в которой мы живем, ее проблемы, ее болевые точки, перспективы, а также генезис, происхождение той ситуации, в которой мы все оказались. Это и есть главное. Но это невозможно обсудить в телевизионном шоу, особенно когда споришь с людьми противоположных убеждений, причем страстно отстаивая свою позицию. Это можно обсуждать только спокойно, когда не боишься задевать болезненные проблемные точки, когда ищешь ответ вместе с другими в реальном масштабе времени, что называется, онлайн, т.е. прямо вот здесь и сейчас.

Новая передача никоим образом не является попыткой продолжить «Суд времени». «Суд времени» – это шоу, выполненное профессионалами, с огромным количеством камер, с дежурно аплодирующей массовой, с очень компетентными экспертами. Участник такой передачи ограничен жестким лимитом времени. Ты должен говорить компактно, четко, энергично, понимая, что споришь с людьми, которые имеют диаметрально противоположные представления о случив-

шемся и которые предпримут все меры, чтобы добиться победы в этом ристалище.

То, что будет происходить в передаче «Суть времени», не имеет к этому никакого отношения. Я не хочу повторять шоу в интернет-варианте. Я хочу, чтобы это было не шоу, а АНТИшоу. Рано или поздно люди совсем устанут от шоу, особенно если речь идет о политических событиях. Рассуждать надо неспешно, сосредоточенно, настойчиво выясняя, в чем истина, и осознавая, что, может быть, ты ее и не найдешь сразу.

Станет ли новая передача постоянной, зависит от того, кому это будет нужно. Дело не в количестве зрителей. Я понимаю, что передачу «Суд времени» смотрели миллионы, а «Суть времени» будут смотреть, наверное, сотни людей. Вопрос заключается в качестве этих людей, в том, насколько для них важны проблемы, которые я собираюсь затронуть, насколько эти проблемы имеют для них фундаментальное, я бы сказал, экзистенциальное значение.

При этом я никоим образом не рассчитываю, что с первого раза произойдет попадание «в десятку». Давайте выбирать жанр вместе с теми людьми, кто станет смотреть и слушать эту передачу. Давайте обсуждать, должны ли мы действовать в режиме монологов вашего покорного слуги или в режиме коллективной полемики. Я настаиваю только на одном – чтобы это была полемика между людьми, способными понять друг друга, способными в ходе диалога сблизить свои позиции или уточнить их. А не с людьми, которые всегда будут стоять на своем и в любой ситуации будут оппонентами, то есть «стенками», от которых брошенный теннисный мяч доказательств упруго отскочит – и только.

Начать передачу «Суть времени» я хочу с выяснения того, в чем действительно состоит суть нашего времени. Потому что разговоры о времени – это очень известная и ключевая в исторической литературе, а также в художественной, философской литературе вещь. Я мог бы добавить сюда и Евангелие, потому что именно в нем говорится: «Ваше время и власть тьмы». В другом, художественном,

произведении на библейскую тему, по поводу Иосифа, которого братья продают в рабство, один из братьев, мне помнится, говорит: «Будем, друзья, в ладу со временем и продадим Иосифа». Я имею в виду произведение Томаса Манна «Иосиф и его братья».

Я могу также сказать: «Профессор, снимите очки-велосипед! Я сам расскажу о времени и о себе», – и это будет Маяковский, ну а уж дальше – со всеми остановками.

*Время –
 начинаю
 про Ленина рассказ.
Но не потому,
 что горя
 нету более,
время
 потому,
 что резкая тоска
стала ясною,
 осознанною болью.*

Тот же Маяковский.

Список размышлений и высказываний по поводу времени («Давай с тобой, Время, покурим», – говорит Андрей Вознесенский) можно продолжить. Сутью времени занимались специалисты разных профессий. В конечном итоге, тайна самого этого времени есть еще и физическая тайна. Что такое активное и пассивное время, обсуждал астрофизик Козырев. Способно ли время само создавать что-нибудь из себя – тема, обсужденная многими астрофизиками. Что такое время, начиная с взрыва нашей Вселенной – первые десять в минус двадцать четвертой (или в минус двадцать пятой) степени секунды, – обсуждают до сих пор. Спорят, каково оно было, чем являлось, было ли похоже на то время, которое существует сейчас? Чем время в музыке отличается от обычного времени? Что такое время художественного восприятия произведения? И так далее, и тому подобное...

Аспектов, связанных с проблемами времени, много. Ну, а что есть, в конце концов, история? Это процесс, развивающийся во времени. Если мы обсуждаем историю и смысл истории, мы не можем миновать проблему времени. Тесно, кстати говоря, связанную в религиозно-философской литературе с проблемой души. Время и душа – понятия близкие.

Но я-то хочу говорить о нашем времени и хочу говорить о нем с позиции одновременно и философской, и политически актуальной. Итак, мне хотелось бы, прежде всего, обсудить степень катастрофичности того времени, в котором мы живем. Степень катастрофичности ситуации в России сегодня, а значит и перспективы, способы выхода из этой ситуации. А также, собственно, и судьбы тех, с кем я разговариваю, и свою собственную, потому что я лично из России уезжать не собираюсь, что бы здесь ни случилось. Так что же произошло со страной и чем является то, что одни называют «революцией здравого смысла», победившей «революцией демократов», которые «вывели страну на магистральный путь истории», а другие называют «катастрофой», «преступлением» и еще неизвестно чем? И те, и другие названия уже ни о чем не говорят, потому что на сегодняшний день надо попытаться понять, в чем качество ситуации. Как я неоднократно говорил в передаче «Суд времени», сейчас время не проклинать и не прославлять, а понимать.

Выскажу по этому поводу свою точку зрения. Она, безусловно, спорна и, может быть, в чем-то является усложненной, но иначе я ее сформулировать не могу. И мне кажется, что я не видел, к сожалению, формулировок, которые давали бы (пусть усложненные) рецепты того, как действовать, исходя из того, что случилось. А отрывать «что случилось?» от «как действовать?», от «как преодолевать случившееся?» невозможно. Как нельзя, в принципе, отрывать диагноз болезни от способов ее лечения. Конечно, может оказаться, что болезнь неизлечима, но и в таком случае люди волевые и мужественные идут до конца и лечат больного, даже не имея никаких шансов на успех. И, как говорит опыт медицины подобного типа, иногда достигают успеха, и совершается

чудо, которое для меня, например, является не чудом, а предельным сосредоточением воли, интеллекта, желания добиться результата вопреки всему, а также таланта того, кто этого результата добивается.

Так что же все-таки случилось со страной, как я понимаю случившееся, все то, что Путин, будучи президентом, назвал «геополитической катастрофой»? Я говорил об этом и в своей книге «Исав и Иаков», и во множестве статей, в выступлениях в клубе «Содержательное единство», выступлениях по телевидению и на радио. Я говорил много раз о том, что, с моей точки зрения, определение «геополитическая катастрофа» недостаточно. Конечно, произошла геополитическая катастрофа – распад СССР, – но перед этим или параллельно с этим произошла другая и гораздо более важная для граждан страны катастрофа, которую я называю катастрофой метафизической, или падением. Я постараюсь, принося заранее извинения за некоторую усложненность, разъяснить, что я имею в виду под метафизической катастрофой, особенно для тех, кто, как и ваш покорный слуга, в принципе, не сопричастен религии. Я считаю себя человеком, как бы это сказать... обладающим определенной метафизикой и при этом вполне светским.

Итак, что же все-таки произошло?

Обсуждая это, мы не можем не давать представление о человеке, о человеческом обществе. Мы должны договориться сначала (и это всем очевидно), что, кем бы ни был человек, тайна человека велика, и она будет исследоваться до тех пор, пока человек существует, и, вероятно, до этих же пор так и останется не до конца разгаданной. Что в любом случае человек не зверь, мы все понимаем. И что он не зверь не только потому, что имеет разум. Он обладает чем-то еще. Кто-то называет это душой, кто-то говорит о том, что он обладает сверхсознанием или чем-то еще, какой-то способностью ориентироваться на смыслы.

В любом случае, человек принадлежит не только природе, хотя он принадлежит, конечно, и природе тоже. Он, как и зверь, ест, спит, пьет, производит потомство, защищает

территорию, конкурирует с себе подобными, с кем-то кооперируется в коллективы (что на зверином языке называется стаей) и т.д., и т.п. Он во многом подобен зверю, но он не равен ему, не тождествен. Он представляет собой качественно другое. Разница между человеком и зверем столь же велика, как разница между культурой и природой. Человек создает свой социальный мир, свою среду, в которой он живет.

Внутри этого различия между человеком и природой возникает двуслойность или бинарность. Человек, с одной стороны, является в каком-то смысле зверем, а в каком-то смысле чем-то иным. В том смысле, в каком он является зверем, у него есть потребности физические, отчасти психофизиологические и другие. В том смысле, в котором он является чем-то иным, у него есть высшие мотивы, он реагирует на смыслы, он живет в мире ценностей, он имеет представление о чести, долге и о многом другом.

Это можно называть по-разному. Можно просто остаться при тех определениях, которые я сейчас даю, и их совершенно достаточно. Но мне почему-то захотелось, и я об этом не жалею, адресоваться здесь к библейским сюжетам и сказать, что все, в чем человек является зверем, и все, что связано с ним материального, животного, элементарного, – это все можно назвать «чечевичной похлебкой». А все то, что в человеке есть сверх этого, – высокое, идеальное, духовное, устремленное к чему-то, кроме скотского звериного существования, – вот это все и есть «первородство».

Я использую эти понятия (или эти символы, метафоры, эти лингвемы) условно и прошу не требовать от меня, чтобы я глубоко вдавался в библейские сюжеты, размышлял, чем колено Иакова отличается от колена Исава и что произошло на самом деле между Иаковом и Исавом, в каком смысле Иаков совершил мошенничество, обменяв чечевичную похлебку на первородство... Мне в данном случае это совершенно неинтересно. Я очень люблю эти сюжеты и готов бесконечно их обсуждать, но сейчас не в них дело. Хотите, говорите «высшее – низшее», хотите, «первородство – чечевичная похлебка», главное, что человек бинарен, в нем есть и то, и другое.

Те, кто обрушил Советский Союз, послали в наше общество, которое почему-то к этому было готово, два главных месседжа.

Месседж №1 состоял в том, что, знаете ли, ваше первородство настолько тухлое, что дальше некуда! Сталин убил десятки миллионов людей, чуть не сто миллионов людей. Каждый день вас убивали, ели живьем, унижали, топтали, договаривались с Гитлером, творили чудовищные дела – ни одной живой молекулы чести и совести в вашей истории нет. И если вы будете держаться за это первородство – вы сумасшедшие.

Это был первый месседж. И за время передачи «Суд времени» я очень хорошо понял, как он был организован. Это довольно забавно, и я считаю, что тут есть о чем поразмыслить.

Американцы, не будь дураками, заказали своим нормальным, вменяемым, не слишком талантливым, но достаточно добросовестным исследователям идеологически ориентированные исследования по каждому эпизоду нашей советской истории. По стахановскому движению, по началу войны, по коллективизации, по чему угодно еще – по всему! Это был широкий спектр среднеоплачиваемых исследований, которые исследователи провели в меру добросовестно и в меру тенденциозно, поскольку тенденциозность была им задана. Они должны были каждую молекулу нашей истории разделить, как бог черепаху. Они должны были дискредитировать нашу историю достаточно убедительно, на основе фактического материала. Они это сделали, и результаты легли на полки. И если бы они продолжали лежать на полках, ничего бы не было. В сущности, в СССР тоже занимались американским империализмом и критиковали его сколько угодно.

Но! Американские исследования не остались на полках, они перешли в наш спецхран, были переведены на русский и... начали функционировать под рубрикой «для служебного пользования», малой серией, неважно как еще, это зависело от того, какие были авторы: Коэн, Конквест, Бжезинский... Все это существовало для некоего круга, который должен был

знакомиться с буржуазными теориями и с тем, как они навоят тень на наш плетень, дабы лучше вести идеологическую информационную войну. Среди этих людей были фрондеры, то есть люди в погонах или с соответствующими допусками и при довольно высоких политических функциях, но давно уже относящиеся весьма скептически к советской истории и советскому обществу. Не говорю, что наша история и наше общество не давали к этому определенных оснований, но сейчас не в этом дело.

Итак, такие люди были, и я их называю «фрондерами». Фрондерами в погонах или фрондерами при определенном общественном положении. И они это все читали. Не скажу, что ксерокопировали, но каким-то образом давали с этим знакомиться своим друзьям-диссидентам. И рано или поздно вся упомянутая литература, переведенная на русский язык, чаще всего нашими и доставленная сюда тоже чаще всего нашими, становилась достоянием диссидентских кухонь, где ее десятилетиями обсуждали люди, которые уже окончательно разорвали отношения с советским обществом по тем или иным основаниям. Не буду вдаваться в подробности, насколько эти основания были глубокими, насколько поверхностными, насколько корыстными, насколько идеальными, – они были разные. Короче говоря, эти люди разорвали отношения со своим обществом по принципу того известного анекдота, где диссидент пишет объявление в газету: «Пропала собака, сука... – дальше матерное слово – ...как я ненавижу эту страну!»

Диссиденты, собиравшиеся на кухнях, могли быть «в отказе» или преследоваться властями, а могли находиться и в достаточно комфортном положении – в любом случае они подолгу все это обсуждали. Обсуждали детально, подробно, накапливая яд ненависти, обучаясь на этих книгах, запоминая все, что там написано, в основном факты, факты, факты, которые им казались убийственными и неоспоримыми. Так постепенно формировался наш отечественный диссидентско-фрондерский дискурс. То есть объем определенной литературы по каждому элементу истории, который обсуждался и проговаривался в достаточно узких кругах.

Он мог проговариваться до Второго пришествия, и это ничего бы не изменило.

Но! Произошло следующее. Как только началась перестройка, немногочисленные высокие партийные функционеры, которые ее замыслили (а в сущности, один человек – Александр Николаевич Яковлев), осуществили следующий прием. Они соединили диссидентов, уже пропитанных ядом, владевших проработанным контентом или дискурсом (потому что все эти знания были не только выучены наизусть, но и оформлены в определенные идеологемы, в определенные интеллектуальные комплексы), – всех этих самообразовавшихся и отточивших на диссидентских кухнях свою злость и аргументированность людей соединили со средствами массовой информации, которые на тот момент монополично контролировались правящей партией. Прежде всего, конечно же, с телевидением, но и не только. Таким образом они дали диссидентам излить весь яд на общество, весь накопленный ими яд, который, опять-таки повторяю, был изготовлен по принципу: сначала американские исследования, потом их перевод и хранение в спецхранах, потом их обсуждение на диссидентских кухнях, детальная проработка, формирование дискурса и, наконец, – вперед!

Являлась ли эта ситуация смертельно опасной – настолько опасной, что общество было обречено? Никоим образом. Достаточно было разрешить нормальную демократическую дискуссию и людям, которые обладали другим представлением о процессе, а главное – тем людям, которые умели разговаривать и спорить, дать возможность вести полемику. Тогда, возможно, Советский Союз был бы спасен, а население не сошло бы с ума настолько, насколько оно сошло. Крыша бы поехала не так сильно, удар был бы не так силен, это бы не носило характер когнитивного шока, характер широкой социокультурной травмы. Травмы не индивидуальной, хотя и индивидуальной тоже, но коллективной, общественной, национальной, назовите ее как хотите.

Но тем, другим, людям говорить не дали. Или им дали говорить на таких площадках, на которых их не слышали. Или

же вместо них выдвигались оппоненты, которые заведомо могли только дискредитировать саму идею оппонирования таким замечательным интеллигентным образованным противникам, какими были диссиденты, которых Яковлев пустил на телеэфир и в наиболее популярные газеты (а СМИ в то время, повторяю, полностью контролировались правящей партией).

Итак, удар был чудовищно силен! Никакого противодействия этому удару не было. Более того, на этом этапе полемика носила заведомо тупиковый характер. С одной стороны, были люди, которые обладали знаниями или тем, что они называли знанием, дискурсом, совокупностью фактов, аргументов: «Вот как это было на самом деле, вот архивы, вот данные, вот факты» и так далее. А с другой стороны, находились люди, которые говорили: «Злопыхатели, не смейте трогать наш советский миф, нашу замечательную легенду о стране и обществе!»

Если бы наше общество было традиционным и охраняло бы свой миф так, как католики в каком-нибудь XVII веке охраняли миф о непорочном зачатии... то есть на любое оскорбление своих святынь отвечали бы просто ударом или, скажем, выхватыванием шпаги, то, возможно, в этом бы не было ничего страшного. Но наше общество было уже модернизированным, современным, оно не сакрализовало свои мифы и не готово было подобным образом их защищать. Оно хотело не мифов, а правды. И как только сторонники Советского Союза и советского общества начинали говорить о том, что вот-де, мол, у нас есть священное, у нас есть мифы, их оппоненты говорили: «Подождите, подождите, а может, на самом-то деле, все было пакостным, может, вы нам просто врете, может быть, это идеологическая мультка?» – и так далее и тому подобное.

Таким образом, произошел колоссальный, непоправимый, фантастический разгром, который начался, по-видимому, все-таки где-нибудь в году 1986-м либо в конце 1986-го – начале 1987-го и закончился в 1990-м, 1991-м. Это был недолгий период, который определил очень многое в нашей истории.

Потому что за это время широчайшим общественным слоям было доказано, что их первородство тухлое, порченное! И слои это признали. Слои нашего общества, наши соотечественники. Я видел это, я являюсь очевидцем, я участвовал тогда в дебатах на какой-нибудь «горячей линии», на московском телевидении, на различных открытых площадках. Я видел людей с безумными глазами, которые уже приняли в себя дозу этого диссидентского яда и которые просто сходили с ума от злобы, ненависти, разочарования, от ощущения того, насколько они обмануты, как им вешали лапшу на уши так много лет и как «на самом деле» все это было.

В оправдание своих соотечественников могу сказать, что по ним ударили очень сильно. По ним ударили так сильно, как никогда. Это случилось, повторяю, из-за монополии правящей партии, которая, конечно, во всем виновата в первую очередь, ибо всегда виноват тот, кто властвует. Но если бы одновременно с этим была бы свободная равноправная дискуссия, которую не допустила все та же правящая партия... Если бы это все было в нормальных демократических формах полноценной равновесной дискуссии, то, возможно, наши соотечественники не были бы так сильно травмированы.

Но это было так, как это было. В этом смысле история не имеет сослагательного наклонения. Это уже произошло! Сознание было взорвано! Этим страшным ударом, этим первым месседжем...

Но был и второй месседж, ничуть не менее важный. Он заключался в следующем, этот месседж №2: «А зачем вам вообще нужно первородство?! Одна живем! Мы живем сегодняшним днем, дайте пожить! Откуда все эти бредни о том, что необходимы какие-то идеалы, что нужна жертвенность, что мы должны жить какими-то смыслами? Да не этим живем!»

В конце 80-х годов вышло много публикаций, где идеалы были вообще – вообще! – дискредитированы. Очень сильно, всеми возможными способами. Речь шла не только о советских идеалах, но об идеалах вообще! Американская мечта не может быть отменена, она всегда существует, как

американская миссия и многое другое. Русским же сказали, что ни миссии, ни мечты быть не должно вообще. Не только советской, которая «ложна и порочна, ужасна и омерзительна», но и вообще никакой! Жить надо интересами, то есть «чечевичной похлебкой». Эрих Фромм называл это «гуляш», но мне ближе термин «чечевичная похлебка».

Оба эти месседжа проникли в сознание наших соотечественников, огромного количества соотечественников, и в итоге они отказались от своего первородства. Причем в 1990 году, в 1991-м и даже в 1992-м можно было считать, что отказались они во имя демократии, свободы, права и всего прочего, то есть во имя другого идеала, что, в принципе, является допустимым. В конце концов, что такое революция 1917 года? Один идеал – православная империя (крест над Святой Софией, православная симфония и все прочее) – меняется на другой идеал – коммунизм. Идеал на идеал – это такой бартер, такая рокировка.

Это и есть История. Она каждый раз зависает над бездной, потому что каждый раз обрушение одного идеала тяжелейшим образом травмирует общество, но тут же другой идеал заменяет прежний идеал, и что-то устанавливается.

К 1993 году стало ясно, что наши соотечественники в значительном количестве поддержали Ельцина. Уже поняв, что они обмануты. Уже имея некий символ в виде Белого Дома, над которым были подняты все знамена, включая красное. Уже зная, что Ельцин к этому моменту нарушил Конституцию и выпустил указ 1400, который был заведомо неправовым, они все равно не поддержали другую сторону. Некоторые ссылались на то, что там «неприятный чеченец Хасбулатов», но это полная чушь, потому что управлял не Хасбулатов, а Верховный Совет, избранный самими этими гражданами, которые могли, в конце концов, его потом переизбрать, и большинство в котором составляли люди с очень разными убеждениями, как некоммунистическо-патриотическими, так и отчасти коммунистическими. Поэтому эти все адресации к Хасбулатову не имеют совершенно никакого права на существование.

Граждане просто поверили обещанию Ельцина, что он ляжет на рельсы, если рынок и вообще реформы не наполнят корыто очень вкусной чечевичной похлебкой. Гораздо более вкусной похлебкой, чем та похлебка, которую предлагал советский, во многом действительно аскетический и скудный, строй. Граждане в это поверили и в этот момент завершили, оформили, подвели черту под этапом, который называется метафизическим падением. Ибо смена первородства на чечевичную похлебку и есть такое метафизическое падение.

Должен сказать, что интеллигенция, которая в этом участвовала (и не просто участвовала, а фактически науськивала граждан, двигала их этим путем) совершила нечто чудовищное. Ибо она действительно к месседжу №1, согласно которому советское первородство порченное, добавила месседж №2, согласно которому идеалы – это вообще фуфло.

Ни одно общество, если оно хочет существовать, ни одна власть, если она хочет властвовать, никогда не рубит сук, на котором сидит. Она не уничтожает идеальное вообще. Уничтожая какое-то исторически обусловленное Идеальное, например советское или досоветское, она тут же вставляет на его место другое Идеальное. Ленин мучительно размышлял над тем, от какого наследства мы отказываемся, а от какого не отказываемся, потому что он понимал, что от всего отказаться невозможно, ведь тогда не сумеешь никуда вставить эти свои новые идеалы. Они не срастутся, а если они не срастутся немедленно, если не возникнет нового идеального содержания, то ты обществом управлять не можешь, власти быть не может, не может быть легитимности, не может быть ничего! Есть только полужвериное стадо, растерянное и беспомощное, которое не способно быть опорой никакой власти.

В этом смысле интеллигенция совершила двойное преступление. Она, во-первых, действительно огульно дискредитировала то, в чем не разобралась (я имею в виду советское общество). Во-вторых, она дискредитировала Идеальное вообще. Дискредитировав его, она и себя лишила будущего, потому что оказалась не нужна. Интеллигенция была жрецом идеального. Если она отказалась от идеального, то зачем

она нужна вообще? И власть была обречена на жалкое прозябание, потому что опереться на общество без Идеального невозможно, можно только плыть вместе с ним по какому-то страшному течению. Это даже не река Стикс, это бесконечно вонючая, зловонная речка, которая постепенно-постепенно течет в какие-то поля орошения, даже не в поля Аида или в Элизиум. Нет, она течет в нечто гораздо более страшное и стыдное. И можно только, лавируя, плыть по этому течению. Вот что было сделано.

С того момента как это было сделано, а это было окончательно сделано, конечно, в 1993 году – 1991-й я не могу считать окончательной вехой просто потому, что существовали неоднозначность фактора Горбачева, растерянность, непонятность будущих перспектив, частичная незаконность действий ГКЧП и многое другое, там была неопределенность... В 1993 году была полная определенность, но к Белому Дому пришло не 500 тысяч человек и не 300 тысяч человек, а 40–50 тысяч, что бы кто ни говорил.

На расстрел Белого Дома смотрели достаточно хладнокровно. После расстрела оказалось растоптанным все: право в его демократическом понимании, демократические выборы в том подлинном смысле слова, который мог бы как-то ассоциироваться со свободой, а свобода – величайшая ценность. И уже было понятно, что все это сделано только ради того, чтобы кто-то обогатился, и после этого развился вот этот самый капитализм. Но ведь это делалось не ради капитализма как такового, потому что никто уже не воспринимал в этот момент капитализм как нечто идеальное. Я подчеркиваю: Идеальное рухнуло! Это делалось ради каких-то конкретных приобретений именно материального характера. Ради большего процветания (процветания), ради большего количества чечевичной похлебки, которая окажется в корыте. Граждане, отбросив первородство, совершили метафизическое падение и этим завершили первый этап своей мистерии.

Но возник второй этап. Этап расплаты. Потому что когда ты продаешь первородство за чечевичную похлебку, то потом начинает медленно или быстро исчезать эта чечевичная

похлебка. Так действует князь мира сего... Хозяин времени тьмы. Он именно таким способом – в этом его суть – разбирается с теми, кто отказался от Идеального.

Почему же граждане считали, что они каким-то образом получают больше чечевичной похлебки? Если, скажем, советское общество давало некий X этой похлебки, то почему граждане считали, что ее будет больше?

То, что я здесь назвал метафизическим падением, для людей, которым не близка религиозная терминология, может быть названо регрессом, сбросом, социокультурным падением или инволюцией. Эти все слова уже не имеют строго религиозного смысла, они имеют другой смысл и очень сходный. Если действительно считать, что суть в том, что отказ от Идеального, этот слом, эта катастрофа общественного сознания, порождает регрессивный процесс. А я в этом убежден, вижу это каждый день и не могу в своих прогнозах, оценках или рекомендациях исходить из чего-нибудь, кроме того, что я вижу.

Я буду страшно рад обмануться. Я буду очень рад, если процесс не так неблагоприятен. Потому что единственное, что я хочу, – это жить в стране, которая не превращается на моих глазах в место одной из самых главных катастроф XXI века, и жить в ней вместе с другими, работать. Мне вполне было бы достаточно просто ставить спектакли и радовать ими зрителей. Если бы я еще мог при этом издавать журналы, разговаривать с людьми по массмедиа и прочее, то это была бы абсолютно наполненная жизнь и никакого другого типа жизни мне не нужно. Вопрос заключается в том, что просто эта катастрофа, естественно, пройдет по мне так же, как и по всем остальным гражданам, и все, что мне хочется, это ее избежать. Но если я вижу, как дело к ней идет, то закрывать на это глаза и говорить: «Нет, нет, это не катастрофа, не сброс, не регресс, а что-то совсем другое – ну что ли происки мафии, козни ЦРУ и больше ничего», – я не могу.

Я не говорю, что ЦРУ не участвовало в процессах, которые здесь происходят, и не говорю, что мафия не захватила отчасти власть, превратившись уже давно во что-то другое,

гораздо более страшное, чем мафия. У нас нет мафии и нет коррупции в привычном значении этого слова – у нас есть новые формы социально-политической организации общества. Конечно, все это есть, но это не есть окончательный диагноз. Это компоненты произошедшего. Сутью же, ядром произошедшего является, с моей точки зрения, метафизическая катастрофа падения. Когда она произошла, завершилась первая часть мистерии. Начался регресс.

Но граждане-то твердо считали, что теперь они получают что-то взамен, и им было важно понять, что же они получают. Что они получают вместо X советского потребления – скромного, скудного, в чем-то не лишено униженности (очердей и всего прочего). Они должны были получить больше, чем X. За счет чего?

Происходящее, являющееся метафизическим падением для человека, который мыслит духовными категориями, может быть названо «регрессом», «сбросом» или «инволюцией». Так вот, в процессе инволюции особь, которая начала двигаться по пути инволюции или регресса, или коллектив, который начал двигаться по этому пути, или макроколлектив, именуемый «нация», «общество» и так далее, – любое такое сообщество или индивидуум, начав двигаться по этой траектории, мыслит для себя любые приобретения как отказ от обременений. Где в итоге – при очень глубокой инволюции – обременением может оказаться все, что угодно. Больной, а то и здоровый ребенок, больная, а то и здоровая жена – все, что угодно! Старик-отец, старуха-мать – все, что угодно! В пределе – все, что угодно, если человек начал падать, встал на путь инволюции.

Граждане мыслили некими скромными отказами от обременений.

Первое, от чего они хотели отказаться и считали это очень разумным, – это от того, чтобы «кормить» так называемые братские страны: Кубу, Анголу или, например, страны Варшавского договора. Пресловутая поговорка «Куба – си, мясо – но» отскакивала от зубов наших не только диссидентствующих, но и вообще скептически настроенных по

отношению к происходящему граждан. «Давайте, – сказали граждане, – раз уж мы не строим коммунизм во всем мире, то есть мы отказались от первородства, давайте-ка теперь откажемся от того, чтобы кормить Кубу, Анголу, СЭВ и прочих, и мы получим добавку к X в виде некоего Y . Потому что мы, освободившись от этого обременения, можем все эти средства направить на потребление. И у нас потребление станет больше! $X+Y$ больше, чем X ». Вроде все логично.

Второе – оборона, военно-промышленный комплекс. «Давайте, – сказали граждане, – если уж мы не воюем с Америкой за коммунизм, у нас нет с ней идеологического конфликта, давайте не будем создавать такой военно-промышленный комплекс, такую армию, чтобы она так сверхдержавно поддерживала наши интересы аж на Кубе и в Никарагуа или в Афганистане... Давайте наше обременение еще уменьшим, а некое Z , высвобожденное за счет этого, тоже пустим на потребление. $X+Y+Z$ гораздо больше X ! Смотрите, как мы уже движемся к своему счастью чечевичной похлебки!».

И вроде бы эти первые два шага были логичны в том смысле, что, снимая эти обременения, направив их на потребление, купи шмоток, продуктов и чего-нибудь еще – и действительно окажется больше!

Но граждан соблазнили на третий шаг. Им сказали: «Нужно сделать еще один шаг ради увеличения чечевичной похлебки, причем радикального. У нас неэффективная экономика, неэффективное советское государство, весь этот „совок“ производит очень мало! Он неэффективно производит, он не способен наполнить прилавки, произвести очень много разного рода продуктов, он на это не способен! Давайте заменим его на капитализм! Тогда вместо X наш капитализм произведет $100X$! Да, он возьмет себе, например, $70X$. Потому что богатые должны быть богатыми – иначе капитализм не будет работать. Но 30 -то X он оставит вам! Вы в 30 раз повысите свое потребление за счет только одного действия – быстрого построения капитализма!» Или, как говорил Ельцин, заработают дремлющие силы рынка! (Мне так и виделись гекатонхейры – сторукие существа, – которые

сейчас зарабатывают, и «пойдет уж музыка не та: у нас запляшут лес и горы»!)

Граждане согласились и начали строить капитализм, причем поскольку им 100Х захотелось быстро, то они решили построить его в несколько лет. Мы много раз спрашивали их (можете прочитать мои ранние книги, например «Постперестройку», или статью «О механизме соскальзывания»): «С какой стати в стране, где законные накопления ничтожны, где даже академик или крупный юрист не может накопить за свою жизнь больше ста тысяч рублей, с какой стати в такой стране сформируется нормальный капитал? Кто купит эти заводы и фабрики, магазины и спортивные залы? Кто это все купит?!»

И тогда же было сказано: «Да, это купит мафия! Цеховики, мафия... Ну, во-первых, поскольку все „совки“ – люди нездоровые, то все „антисовки“ – люди здоровые, поэтому они-то и есть соль земли нашей. Во-вторых, не важно, что они преступники. Они, когда купят, станут хорошими!»

То есть фактически была дана санкция не на построение капитализма вообще, а на ускоренное построение криминального капитализма. Который и построили! И который, оформившись, вовсе не захотел отказываться от своей криминальности и никогда от нее не откажется! Это был наихудший способ построения капитализма в России. Я-то считаю, что построение капитализма в России – вообще дело довольно дохлое. Если этот капитализм сдал все позиции в 1917 году, в феврале, когда состоял из действительно совсем не худших и достаточно честных людей, много жертвующих на культуру, науку и прочее, если он тогда не выдержал политически, то возникает вопрос, в какой степени Россия с капитализмом сочетается в принципе. Есть и вопросы о том, каково вообще будущее капитализма в мире. Вопросов очень много, мы подходим к концу классической капиталистической эпохи или эпохи Модерна, и это тоже видно...

Но в любом случае, наихудшим был тот способ построения капитализма, который выбрали наши граждане. Именно он! Потому что хотелось быстро-быстро! Как говорится в

фильме «Вокзал для двоих», «быстренько, быстренько, сама, сама, сама!»

Итак, создали эту зубастую зверюгу под названием «наш капитализм». Зверюга сначала – или одновременно, как вам больше нравится, – съела все, что раньше поедали братские страны, то есть Y. Потом съела то, что съедали армия и ВПК, то есть Z. А потом взялась за X, который остался у населения. И она жрет этот скудный советский X! Она его сожрала до 0,8 X, до 0,7, до 0,5... И она его сожрет до конца! Граждане этой зверюгой будут съедены до конца. Ибо тот, кто отказался от первородства, чечевичной похлебki не получит! Чечевичную похлебку будут кушать те, кто его соблазнил, чтобы он сдал первородство, и в этом для меня диалектика происходящего. В этом вторая часть мистерии падения.

Окончательно граждане поняли, что их дожирают до костей, буквально сейчас. Я не знаю, почему они это понимали так долго. Может быть, им сначала казалось, что все дело в том, что существует какой-то переходный период, а потом будет лучше. Может быть, потом им казалось, что все дело в том, что у них такой плохой правитель или такое плохое правительство. Дело не в правителях. Вообще, бесконечное обсуждение правителей – занятие тяжелое и бесперспективное, потому что в данном случае речь идет о классе, об опорной базе, о макросоциальном псевдосубъекте, который это все делает и который выдвигает тех или иных ставленников. Эти ставленники оказываются в сложнейшем положении, потому что, с одной стороны, им все-таки приходится хоть в какой-то степени считаться с народным мнением: порвут-то не макросоциальный субъект, не класс этот в целом, а их конкретно! А с другой стороны, они полностью должны опираться на этот класс и выражать его интересы.

Итак, вопрос в качестве этого класса. Он ничего не произвел. То есть совсем ничего! Это не значит, что все эти люди, которые сейчас загибают миллиарды, не выдают на-гора какие-то продукты. Они их выдают. Те же, которые создавали в Советском Союзе. Ту же нефть, тот же алю-

миний и так далее. В тех же количествах. Наладив как-то заводы, подремонтировав их. Но они не создали ни новых сверхчистых и сверхпрочных материалов, ни новых машин из этих материалов, ни каких-нибудь новых микросхем, ни каких-нибудь суперпрограммных продуктов – ничего этого они не создали. Как не создали они и качественно нового индустриального производства. Нет ничего. Говорят, что были плохие самолеты, плохие машины и плохие вагоны и паровозы. Но теперь нет никаких, кроме купленных за нефть и другое сырье. Просто никаких!

Это суть данного класса! Это его природа, это его неотменяемая социальная онтология. Он так произошел, он на это запрограммирован, он таков по своей сути. Когда граждане поняли, что он их начинает жрать до костей? Поняли они это по оформившейся реальности. Суть-то не в том, что она сейчас более страшна, чем была. А в том, что она сейчас оформилась, и видно, как она неумолимо движется в строго определенном направлении, вот в этом, не в каком-то другом. Граждане это поняли на своей шкуре, когда их реально стали кушать.

Я много раз спрашивал своих друзей, которые ведут наиболее скромный образ жизни, ограничены в средствах в силу наличия большой семьи или небольшой зарплаты и должны экономить: сколько надо, чтобы здоровый, сильный, нормальный мужчина средних лет дома поел три раза в день, как полагается – с мясом, овощами, фруктами, молочными продуктами и всем остальным?

Люди называют разные цифры. Кто-то говорит 300 рублей, кто-то 400, кто-то говорит 500 рублей в день. О'кей, возьмем среднюю цифру, пусть 400, и пусть я даже ошибаюсь, хотя посчитать это нетрудно и каждый может это сделать сам. Помножим это на 30 дней, это будет 12 тысяч. Дальше начинается оплата ЖКХ, которая непрерывно растет, транспорт, неотменяемые расходы. Вы же должны постирать себе одежду, то есть еще купить и стиральный порошок, и стиральную машину, починить ее, если она сломается, – вы же как-то все это должны делать?

Постепенно получается из этих расчетов, что самый скудный средний образ жизни (не бедственный, а такой вот уныло допустимый образ жизни) в том, что касается питания, одежды и общественного транспорта, – это что-нибудь в районе 20–25 тысяч рублей в Москве. Значит, все, кто получает меньше, уже проиграли необратимо! Необратимо, раз и навсегда, по отношению к советскому X, потому что их зарплата меньше, чем было X, которое равнялось 200 рублям советского периода. А есть люди, у которых зарплата еще меньше.

Кроме того, представим себе, что у этого человека есть дети. Далее представим себе, что ему надо... я не скажу сделать сложную операцию, а просверлить дырку в зубе. Ему надо отдыхать – о, ужас! Или представим себе, что он должен дать детям образование. Тогда он проиграл уже тотально! И он это понимает. А у него есть еще одна проблема, которая вообще в этой ситуации не решаема. Это жилье.

У меня есть хороший друг, который очень верно и вопреки всем тяготам и лишениям служил в армии, дослужился до высокой должности, работал в Генеральном штабе, при этом жил в арендуемой коммунальной квартире. И, наконец, озверев от того, что, несмотря на все свои способности (а он окончил аспирантуру и защитился на философском факультете МГУ), он не может не только самореализоваться, но даже просто честно служить (по причинам, всем понятным), он ушел в очень крупную бизнес-группу и получил очень высокую зарплату. Будучи человеком правильно организованным и экономным, он начал копить и, наконец, купил себе двухкомнатную квартиру, чему был страшно рад.

У них с женой двое детей. Через какое-то время сын его привел в эту квартиру жену, а дочь привела мужа, родились дети. В двухкомнатной квартире оказались три семьи. Теперь другу надо купить еще две квартиры, пусть дешевые, для сына и для дочери. Для этого нужна сумма, превышающая полмиллиона долларов, которую этот человек уже никогда не получит.

Значит, оказалось, что проиграло не 90% населения, а 95%, а возможно, и больше. Непонятно, где группа, которая по чечевичной похлебке выиграла? Она очень мала.

Любая революция, для того чтобы сделать реставрацию необратимой, осуществляет очень простые вещи. Она что-нибудь такое дает народу, что потом народ назад не отдаст. Великая Французская революция дала землю крестьянам и Наполеоновский кодекс, т.е. какие-то права, сломавшие сословные перегородки. И кто ни приходил после того, как Наполеона отправили на Эльбу, а потом на Святую Елену, какие бы это ни были реставрационные силы, они это уже назад вернуть не могли, потому что понимали: народ это не отдаст никогда... Революция 1917 года тоже что-то дала и каким-то образом закрыла дверь реставрации.

Теперь я хочу спросить: что даже в плане чечевичной похлебki дала последняя в России социальная трансформация? Вот что? Говорят, что она дала право ездить за рубеж. Кому? В передаче «Суд времени» выступала педагог из Томска. Она получает 8000 рублей. Восемь тысяч! Она не может съездить даже в Омск из Томска. Когда ее пригласили в Москву, для нее эта поездка как сон была, как абсолютно фантастическая возможность. Она может поехать за границу? В Париж? В Лувр? Не смешите людей! Про кого вы говорите? Про себя? Так сколько таких? Я могу ездить по миру, и я езжу по миру, но я принадлежу примерно к 3% наших сограждан, которые никоим образом не могут говорить от лица других.

Что еще получили эти люди? Что? Открытую социальную перспективу? Какую? Что получили ученые, инженеры, педагоги, то есть группы, которые в любой стране мира, включая Египет и чуть ли не Анголу, все равно живут лучше остальных? Они получили счастье, эти группы, которые сами волокли на себе всю эту перестройку? Они получили «счастье» жить хуже других! Заведомо хуже! И они знают про это. Удар был нанесен по ним.

И после этого мы говорим о модернизации? Мы будем создавать отдельные точки, твердо зная, что мы недофинансировали науку, образование, инженерный комплекс раз в 10–12? О чем мы говорим? О каких приобретениях? Для кого? Для людей, которые раньше хоть по стране могли ездить, а теперь из Томска в Москву не могут приехать? Для кого?

Люди это постепенно осознают. Это осознание рождает недовольство. Очень мягкое, вялое, беспомощное, но массовое! Это недовольство носит сугубо социальный характер. Оно связано с тем, что ясно: взамен советского X получили меньше, а получают еще меньше, чем было. И теперь становится ясно, что в принципе надо было бы обсудить научно, но когда-нибудь в другой раз: что такое общественные фонды потребления? Сколько же реально из общественных фондов потребления получал советский человек? Мои расчеты могут быть неточными, и я знаю, что многих они глубоко возмутят, но я-то считаю, что советский человек из общественных фондов потребления получал, переводя на современные деньги, не меньше 3000 долларов в месяц. Можно обойтись без общественных фондов? В каком-то смысле можно. Ну, тогда отдайте это, а не выдумывайте какой-то фантастический прожиточный минимум, очень напоминающий цифры из Освенцима. Какие-то там 5000 рублей, на которые должны жить люди. И что они должны есть, как они должны воспроизводиться, каким образом они должны оплачивать расходы – непонятно.

Общественные фонды потребления – это и был социализм. Реальный, живой, грубый и неловкий, но он был. Советское предприятие, о котором много говорили и которое хаяли, как только могли, ведь было не только предприятием. Там были профилактории, санатории, пионерлагеря, какие-нибудь подшефные совхозы, там строилось жилье. Это был очень сложный социальный организм. Когда его уничтожали, этот организм сопротивлялся все 90-е годы. Все 90-е годы красные директора, которые уже встали на путь приватизации, больше всего боялись, что будет утрачена социалка. Любой ценой пытались ее сохранить. Как только это исчезло, о чем говорит бюджет? Бюджет ни о чем не говорит.

Вопрос же не в бюджетной сфере, вопрос в этой гигантской производственной сфере, которая охватывала всю страну. В стране был определенный материальный уклад. Конечно же, мне лично ближе не материальный уклад, а

нечто другое. Я, например, аскетизм советский очень даже ценил. Я никогда не понимал, почему разных шмоток должно быть бесконечное количество и они должны быть в каком-то невероятном числе видов, разновидностей, почему от барахла все должно ломиться. Ну, есть несколько костюмов, три-четыре пальто – и достаточно. Тебе они не нравятся? Пойди к портному. Да, это будет чуть-чуть подороже, но ведь чуть-чуть.

Мне нравилось то, что в районе улицы Чернышевского, где я жил, было четыре кинотеатра, и в каждом из них шли какие-то фильмы, между прочим, иногда далеко не плохие. Да, там было меньше, чем теперь, кафе, но я никогда не понимал, почему все надо превратить в такое место, где кто-то непрерывно жует? Жует и покупает, жует и покупает. Как можно все настолько «очечевичить»?! Мне это не нравится, но я не хочу навязывать свои взгляды остальным согражданам. Сограждане же отреагировали на уменьшение количества «чечевицы».

Но! Перед этим сограждане отказались от первородства, а человек, который отказался от первородства, сломан! Сломанный человек бороться за свое материальное благополучие не может, как и ни за что другое. Он сломан и потому обездвижен. Отсюда гигантский паралич социального действия. Александр Николаевич Яковлев, который говорил о сломанном хребте, знал толк в метафорах. Он выбрал точную метафору. Существо с переломанным хребтом не может рукой, сжатой в кулак, отразить атаку на него. Оно еле шевелится, а может быть, не шевелится вообще. Может быть, оно только мычит: «Мммммээээ, ммээ, мэ!». Оно говорит, это существо: «Не хочу!»

Но ведь этого недостаточно для того, чтобы сделать необратимое обратимым. Эту мистерию каждый из вас может лицезреть два раза в день – утром и вечером, когда он выдавливает из тюбика зубную пасту. Ее выдавить очень легко, но назад ее не засунешь.

Но главное-то заключается не в этом, а в том, что до тех пор, пока мы не обсудим проблему первородства, все

негодования по поводу того, как уменьшается количество чечевицы, не стоят и ломаного гроша.

С одной стороны, это живая страшная трагедия огромного большинства наших сограждан. Это социальный нагнетаемый ад, в который их погружают.

С другой стороны, сограждане должны признать каким-то образом, что они в этом участвовали, что весь этот переход осуществлялся в условиях максимальной для России демократии, максимального реального волеизъявления. Да, большинство проголосовало за Советский Союз, а Советский Союз разрушили. Но ведь возможности выйти и протестовать против этого разрушения были! И никто сразу в черные воронки бы не посадил. Или нет? Или это не так?

Давайте-ка обсудим подробнее главный вопрос – вопрос о первородстве, с такой легкостью отданном исторической личностью, которую мы все любим. Эта историческая личность – наша страна, наше общество, наш народ. Если мы этот вопрос не обсудим, мы путей выхода не найдем.

8 февраля 2011 года

Выпуск №2

В 1991 году один из моих бывших сотрудников поместил против меня разоблачительный материал, который назывался «Таинственный советник кремлевских вождей» (в «Независимой газете» был такой заказной разворот), где опубликовал свои собственные записки как мои. Было сделано все возможное для того, чтобы определенным образом меня дискредитировать в соответствии с представлениями той эпохи. Поскольку представления были такие, что «таинственный советник кремлевских вождей» означало нечто чудовищное, то началась буря негодования в среде той интеллигенции, которая перед этим относилась ко мне совсем иначе.

Окружавшие меня люди восприняли это по-разному. Когда мать моей жены слышала, что кто-то говорит обо мне плохо, она просто разрывала с этим человеком отношения: «Не звоните мне больше!»

А супруга моя какое-то время пыталась сохранить отношения с частью интеллигенции – теми людьми, которых она любила, – и все растолковывала им, что на самом деле ее муж не злоумышляет ни против нормальной демократии, ни против нормальной интеллигенции, а борется совсем с другим. В ответ ей кричали: «Нет, это не так! Он спасает эту чудовищную совдеповскую систему, он спасает номенклатуру и все прочее». И тогда в отчаянии, делая последнюю

попытку, она говорила: «Да он с мафией борется! С мафией!!!» – «Какая еще мафия?» Жена поясняла: «Ну как же?» (Она хотела популярно объяснить.) «Ну, вы же смотрите фильм „Спрут“!» – в то время по телевидению шел такой фильм про итальянскую мафию. На что очень высокоинтеллектуальная, рафинированная дама отвечала ей: «Да, я смотрю этот фильм. Мафия, не мафия, но я понимаю только одно: там на столе стоит очень красивая лампа, а я всю жизнь, всю жизнь хотела такую лампу!!!»

С этого момента моя супруга перестала пытаться сохранить отношения с данным высокоинтеллектуальным и духовным субстратом, потому что на поверку вдруг оказалось, что эти люди хотят совсем не того, о чем рассуждали столько лет.

Это мелкий, частный эпизод. Но вот другая история. Спустя несколько лет я встретился с человеком из православного монастыря Южной Европы, который начал петь мне дифирамбы: мол, я выстоял, а другие не выстояли. Я, не будучи падок на подобные похвалы, сказал ему: «Да ладно Вам!» Он снова: «Другие не выстояли. Энергия от бога». Я спрашиваю: «А дьявол? А черт? Почему им, „не выстоявшим“, черт энергию не дает? Все ходят такие вялые». И этот человек (а он относился к довольно высоким уровням православной духовной иерархии) мне ответил: «Эх, милый! Черт не дурак! Черт как вербует? Где приманки ставит? Сначала на теле: костюмы, машины, то, се, всякие радости жизни. Не получается – тогда на власти: мигалки, привилегии, возможность всех других поучать, распоряжаться, расправляться с ними и так далее. А вот уже когда ни на теле, ни на власти не получается, тогда черт делится своей энергией. Потому что он не бог! Ему эта энергия очень дорого дается, он ее по крупицам собирает... А у вас что произошло? У вас все пали уже на теле. Те немногие, которые не пали на теле, пали на власти. Ну, и зачем же черту делиться с ними своей злой энергией? Он же ее копит! Зачем ему тратить?»

Две эти истории – про одно и то же. «Я всю жизнь, всю жизнь хотела такую лампу!» – так что ты всю жизнь хотела?

Свободу или лампу? Наша интеллигенция все время показывала, что она такая бескорыстная, скромная: ковбоечки, очки на веревочке... А потом вдруг оказалось, что ужасно хочется лампу! Это метафора, конечно.

Я слышал в Баден-Бадене, как представитель туристической фирмы, встречающей «новых русских элитариев», охарактеризовал одного известного и высокоинтеллигентного российского политика: «О, это замечательный человек! Замечательный! Он только за два дня сообщает, какого цвета „роллс-ройс“ мы должны ему подать, чтобы машина была в цвет его пиджака, и как именно мы должны его дальше принимать». Этот политик в эпоху Советского Союза был образцом интеллигентности и скромности.

Могут привести бесконечное количество примеров потрясающего потребительского безумия, охватившего нашу элиту. Безумия, не входящего ни в какие рамки, когда вдруг оказалось, что ничего, кроме материальности, кроме этой чечевичной похлебki, нет. Что нет никаких высоких идеальных ценностей – пусть не совпадающих с нашими или прямо противоположных. Их нет вообще!

А что такое человек, отключенный от высокого? Если он подключен к энергии убийств и разрушений, то это просто машина зла. А если он ни к чему не подключен, то это такая амeba, жадно пожирающая окружающую ее среду и ни на что больше не способная.

От того, что часть людей, отрекшихся от самих себя, теперь оказалась на голодном пайке, ничего не меняется. Я помню митинг в конце 80-х годов у гостиницы «Москва». С балкона гостиницы оратор кричал: «Господа! Господа!» Стоявшая рядом со мной женщина в стоптанных туфлях возликовала: «Нас называли „господа“!» Я ей говорю: «Милая, почему вы решили, что это вас так называли? Там, где есть господа, есть и рабы». Она зашипела: «Прислужник номенклатуры! В наших рядах прислужник номенклатуры!» Ей казалось, что «господа» – это относится к ней.

Но, когда сломлено чувство первородства, внутреннее ощущение верности своим идеалам, человек превращается в

раба или в вещь, в объект бесконечной манипуляции. Он не становится господином. Все то, что, казалось, за последние 70 лет ушло из мира: бесконечная иерархия, ощущение, что господин – это господин до конца, а раб – это раб до предела, – снова возвращается в мир. Мы уже видим книги, в которых говорится о фактическом отказе от идеалов не только нашей революции 1917 года, но и Великой Французской революции. Чего стоит такое название – «Свобода от равенства и братства»? Где-нибудь в мире это может быть сказано?

А вот интервью с представителем довольно высоких фондов, занимающихся проблемами образования: «Частное образование – это замечательная вещь. У нас такие хорошие преподаватели, есть даже из Гарварда. В бизнес-школах учат очень правильно. Люди смогут получить настоящее образование». Корреспондент спрашивает: «Простите, а если у человека нет денег на платное образование, что же он тогда должен делать?» Интервьюируемый отвечает: «Знаете ли, ум и богатство находятся в положительной корреляции» (то есть чем больше ума, тем больше денег, и наоборот, – поясняя тем, кто не знает этого математического понятия).

В какой еще стране мира можно позволить себе сказать, что ум и богатство находятся в положительной корреляции? Где этот сумасшедший или хам, который позволит себе такое? Но это уже можно здесь! Потому что здесь сломленные люди, отказавшиеся от первородства, рассматриваются как слизь. Я знаю очень высоких либеральных политиков, которые давным-давно сказали: «Народ после того, как он отрекся от себя, – воск, из которого мы будем лепить все, что захотим».

Нужно было все отдать, чтобы потом другие думали о тебе, что ты воск в их руках, что из тебя можно лепить все что угодно! И эти «другие» имеют право так думать, потому что произошло отречение, произошло падение, произошел отказ от себя.

А дальше наступает ад. Ад на то и ад, чтобы установить в нем абсолютную иерархию господства. Не относительную, а абсолютную. Россия в этом смысле становится местом

для очень скверного и очень опасного эксперимента – она становится слабым звеном в цепи гуманизма, в цепи понимания того, что сильный должен помогать слабому, в цепи сострадания, в цепи солидарности. В конечном итоге, в цепи великой христианской культуры, в которой человек человеку брат, а не волк.

Думали, что откажутся только от идеалов, которые прославлялись последние 70 лет. Но так не бывает. Когда начинается такой отказ, то дальше придется, как говорили в армии, «копать отсюда и до обеда». То есть до беспредела.

Следующий горизонт – христианство. Христос пришел к бедным и обездоленным и сказал, что в каком-то смысле все равны. Или даже: «И последние станут первыми». Значит, бедные обладают некими прерогативами по отношению к богатым.

Теперь все, что говорилось в этом отношении и уравнивало людей, отменяется, и отменяется именно в России. Сначала слова о положительной корреляции между богатством и умом. Потом – новая система образования. Все кричат: «Боже мой! Почему так мало предметов бесплатных? Как же так? К чему готовят наших детей?»

Как к чему? К жизни рабов, в лучшем случае. Или ненужных людей. Широко обсуждается фраза, якобы сказанная Тэтчер о том, что достаточно будет, если на нашей территории останется 30 миллионов человек. «Нет, 40! Что вы, 30 мало-вато. А может, 50?» – «Нет, коллега! 50 многовато».

Я долго обсуждал в одном высоколобом собрании, вполне привилегированном, вопросы модернизации. «Где модернизация? Вы говорили, что все это делаете ради модернизации? Весь 1991 год, отказ от Советского Союза – ради модернизации, ради построения подлинно национального государства и ради того, чтобы оно начало развиваться. Где модернизация? Где?»

У меня есть способность говорить эмоционально и раздражать при этом собеседников. Особенно, если они из элиты. Один из присутствовавших сорвался: «Кургинян нас совсем „достал“! Какая модернизация? Он ничего не пони-

мает! Мы вам объясним, господин Кургинян. Речь шла не о модернизации нации или народа, а о модернизации элиты». Я спрашиваю: «За счет чего?» Он смотрит холодными глазами и произносит: «За счет всего». Тогда не выдерживает другой участник беседы: «Господа! Будучи настолько либералами, можно же быть хоть чуть-чуть гуманистами!»

Нельзя! Потому что именно гуманизм отменяется. И опять-таки, отменяется на данной территории – с далеко идущими последствиями. Его можно отменить, только если работаешь с «воском», со сломленными людьми, которые сначала отказались от первородства, а теперь хнычут: «Почему мало чечевичной похлебки?» Да потому, что отказавшийся от первородства есть раб! А с рабом можно делать все что угодно. И совершенно непонятно, нужен ли он вообще. Кто сказал, что здесь нужно 140 миллионов? Определенного типа элите нужно гораздо меньше. И она говорит об этом достаточно прямо. Только ее до сих пор не умеют понимать.

Что такое, например, разговор о том, что весь этот «охлос», «быдло», «совки», «идиоты»¹ – никому не нужная, вредная субстанция, и одновременно разговор о том, что у нас будет демократия? Это разговор о том, что большая часть населения просто не нужна. А большая часть населения ходит и думает: «Что они с нами делают? Они хотят нас превратить в Латинскую Америку? Или во что-то другое?» Большинство еще не осознало до конца, что ни во что их не хотят превратить! Меньшинству это большинство не нужно.

В стране есть, может быть, жесткие представители элиты, которые еще грезят о государстве. Но какое государство в условиях, когда правящий класс пожирает все! Он на государство денег не оставляет. Он на государство не оставляет возможностей. И у него к этому душа не лежит. Какое государство при 30 миллионах? – это невозможно!

¹ Например, Вера Цветкова, обозреватель «Независимой газеты», заявила 7 октября 2010 года в программе «Суд над “Судом времени”»: «Я считаю, что охлос как победил в 1917 году, так и продолжает побеждать. Поэтому таково голосование» (имеется в виду телефонное голосование страны в программе «Суд времени»).

Значит, это будет зона бедствия, по которой будут проходить охраняемые трубопроводы. Какая модернизация? Кому нужна здесь модернизация? Модернизация – это, на сегодняшний день, благие пожелания. Суть-то в другом. Идет деиндустриализация, демодернизация. Идет архаизация. Регресс запускает очень много процессов. Часть населения дичает, звереет. Другая часть аплодирует этому. Ей это нравится, потому что ей кажется, что архаизируемым, дичающим, упрощающимся человеком легко управлять.

Что такое регресс? Это вторичное упрощение, когда сложное превращается в более простое, в более примитивное. Надо понять, в чем общемировой смысл запущенного процесса, который, в противоположность революции, легче всего назвать инволюцией. То есть опусканием, скольжением, сдвигом вниз – все больше, больше, больше вниз.

Что же происходит? Как возник этот процесс? Каким мировым реалиям отвечает? Почему над Россией проводят такой серьезный и глубокий эксперимент?

Для того чтобы это обсуждать, нужно затронуть вещи достаточно сложные. Тут надо поговорить о сложности вообще. Такой разговор для меня всегда был актуален и особенно стал актуален в последнее время, когда на мои спектакли стали приходиться люди, которых можно назвать православными неофитами. Именно неофитов, а не людей, которые давно и глубоко интегрированы в православную культуру, раздражает сложность моих спектаклей. И я на них не только не злюсь, я их понимаю. Потому что в нормальной стране, в нормальных условиях все бы было по-другому: они ходили бы в театры, где все излагается на более простом языке, они смотрели бы не мистерии Кургиняна, а какие-нибудь спектакли, скажем, в театре «Современник», а еще лучше в театре Маяковского и так далее. Они бы читали Пикюля, а не Гессе и Борхеса. А мой театр ездил бы по Академгородкам и разговаривал бы с другой частью населения, которая алчет чего-то более сложного, более глубокого и многомерного. И никого бы это не обижало. Меня не обижало бы то, что я не пользуюсь популярностью у населения, которое ходит

в театр Маяковского и читает Пикуля. Это нормально. Так происходит в любой стране мира.

Но после того, что произошло, перед населением стоит гигантский вызов. Если население хочет защитить себя, превратиться из населения снова в народ, в нацию, во что-то восходящее, в какую-то другую форму макросоциальной общности, то оно должно понять: большая часть тех, кто в нашей стране отвечал за сложность (а это всегда меньшинство), свое население предали. Они к нему безразличны. Они его послали куда подальше. И они не хотят им заниматься.

А те немногие обладатели сложности, кто протягивает населению руку и говорит: «Да, мы друг другу нужны. Да, мы понимаем: то, что происходит здесь, судьбоносно. Да, без вас не будет мира – мир погибнет, если вы погибнете», – вынуждены идти в мир, который к этой сложности не готов. Он бы и не должен был быть к ней готов. Но если есть еще какие-то, хоть малые, шансы избежать катастрофы, то в этой трагедии возникает совершенно другой текст. Вы хотите избежать катастрофы и при этом понимаете, что вы когда-то отказались от первородства? Тогда, даже если вы к этой сложности не готовы, вам придется взять барьер сложности. Придется взять!

Как вообще выглядит проблема людей, отказавшихся от чего-то, которые снова должны восстанавливать себя после этого отказа? Если чашку уронили и она разбилась, то после этого, конечно, можно ее склеить, но ведь это же все равно поломанная чашка! Она не выдержит прежних нагрузок. Неизвестно даже, можно ли воду в нее налить. А уж тем более нельзя никого стукнуть по голове этой чашкой (прошу прощения за эти произвольные образы).

Тем более, если это металлический предмет. Вот вы его поломали на части – и что дальше? Вы обломки будете сваркой соединять воедино? Но ведь шпага, которую сварили из обломков, – это уже не шпага! Этим предметом можно, наверное, поковыряться чуть-чуть в песке, но сражаться нельзя.

В чем тогда задача? Что можно сделать и можно ли вообще сделать хоть что-то? Можно сделать только одно: развести

огонь, взять металлические обломки шпаги, расплавить их и заново из этого металла выковать новую шпагу.

Но что такое огонь? Это великая любовь. Это великое страдание. Это способность человека к очень сильным, очень глубоким переживаниям случившегося. Если человек к таким переживаниям способен и способен соединить эти переживания с умом – тогда шанс есть. Если он только переживает, то он сгорит в переживаниях, сломается, сойдет с ума. Многие уже выгорели. Если ум будет отдельно, а эти переживания отдельно – тоже ничего не произойдет. Ночью он будет переживать, а днем зарабатывать деньги. Но если соединится одно с другим – вот тогда есть шанс.

Недавно я получил письмо о том, что нужно срочно разработать какую-то великую идею, дать новые великие проекты. В числе прочего автор письма написал: «Вот когда мы это все поймем...» Он случайно назвал правильное слово. Он-то считал, что он просто поймет, разберется, увидит правильный путь и пойдет по нему. А так не бывает. Но он назвал слово «понимание».

В высокой философской культуре, к которой принадлежит, например, Дильтей («философия жизни»), сразу были противопоставлены объяснение и понимание. Объяснение – сфера естественных наук. Ты понимаешь умом, а твой эмоциональный аппарат либо не работает, либо работает мало. А понимание – это та сфера, где ты без любви, без глубины чувства не проникнешь в суть. Эта сфера, где кончается противопоставление субъекта и объекта, где начинаются другие способы постижения наличествующего.

Некрасов писал о своей поэзии:

*Не русский – взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнотом иссеченную Музу...*

Взгляд без любви не проникает в суть предмета, не достигает его подлинных центров, его подлинной сущности. И этот взгляд вдруг оказывается взглядом слепца.

Значит, нам нужно двигаться в сторону других форм сочетания ума и чувств.

А если все направлено на то, чтобы чувства были подавлены, если в пределах обсуждаемой нами поломанности происходит сенсорная депривация, если модным считается разговаривать монотонно, как будто человек находится в состоянии глубокой депрессии, если на любое эмоциональное высказывание, любое проявление небезразличия он отвечает: «А что тебе надо?», – тогда путь к глубине и страстности закрыт. Дальше закрывается путь к глубине понимания, к возможности соединить ум и чувства. И тогда человек лишен способности на катарсис, то есть на такую переплавку самого себя, в которой все эти поломки исчезают и возникает что-то новое.

Предположим, что глубина понимания (причем понимания подлинного, не разменянного на конспирологию, на разного рода глупости, на какие-то выдумки, которые только уводят человека в сторону от осознания случившегося) достигнута. Ум работает. И предположим, что глубина чувств есть. Что тогда происходит с человеком? Происходит то, что мы называем самотрансцендентацией – выводом самого себя на другие уровни.

Как это происходит? Человек говорит: «Вот есть я. Я нахожусь где-то внизу. И понимаю, что я ДОЛЖЕН изменить реальность. Но я также трагически понимаю, что НЕ МОГУ этого сделать. Между „должен“ и „не могу“ возникает трагический конфликт, который может меня истребить, спалить, бросить в бездну. Но рано или поздно вслед за острым осознанием этой трагичности, во мне возникнет не умственное, а подлинное, тотальное чувство: тот, кто СМОЖЕТ это сделать, будет уже „я – другой“» (рис.1).

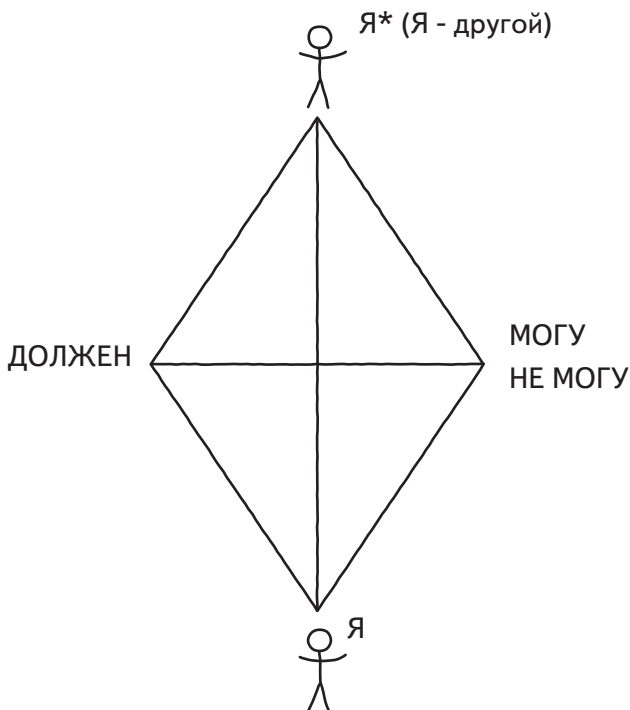

Рис.1

И вот это вертикальное преобразование самого себя из «я», который не может, в «я – другого», который может, преобразование из Савла в Павла, вот эта трансцендентация, осуществленная как на личном, так и на коллективном уровне, способны вернуть людям первородство.

Человек более сложная система, чем поломанная шпага. Он на порядки сложнее. Он всегда может совершенствоваться. Вопрос заключается в том, в какой степени воля и ум работают на это, какова глубина хотения. Потому что преобразует только страсть. Научить человека идти определенным путем можно, но научить его хотеть – на три порядка труднее. Поломанное существо очень часто теряет способность хотеть.

И это следующая стадия падения. Потом оно начинает хотеть только низкого, а потом просто сворачивается в позу зародыша. Почитайте про регресс, вы ведь образованные люди. Посмотрите, что происходит реально в процессе регресса – как культурного, так и индивидуально-личностного. Каковы фазы деградации личности. Свяжите это с отказом от смысла, от самого себя.

Очень часто говорят, что жертва, рано или поздно, начинает любить палача – это так называемый «стокгольмский синдром». Вас очень сильно обманывают! Стокгольмский синдром возникает не у каждого человека. Не каждая жертва, оказавшаяся рядом с палачом, начинает его любить, лизать ему ноги. Это происходит, если хотите знать, с меньшинством людей. Во многих американских фильмах, когда террористы захватывают самолет, начинаются крики: «Ой-ой-ой! Боже мой!» Мои друзья, которые совершенно не склонны прославлять кубинцев, рассказывали, что было несколько попыток захватить кубинские самолеты. Но кубинские мужики просто скручивали тех, кто пытался захватить самолет. Шли на нож, и все. Даже служба безопасности оказывалась лишней. Так что совсем не все поддаются стокгольмскому синдрому.

Но есть и опыт концлагерей, гигантская библиотека знаний и психологических экспериментов, которые вели фашисты. Там не только доктор Менгеле работал, там работали блестящие психологи, которые занимались сломом человека. И вывезли все наработки в Соединенные Штаты, на Запад. Не только сведения по ракетам или атомным реакторам, по биологии, по всякого рода запрещенным экспериментам над людьми, но и данные по психологии.

Еще раньше начинал психологические исследования Курт Левин – один из величайших психологов XX века, создатель топологической теории личности. Так вот, стало ясно, что человек, отказавшийся от смысла, от первородства, от своей тяги к идеальному, ломается тут же. И любой это знает. Даже уголовники: «У этого дух есть! А этот просто сильный. Он сломается». Сила духа определяет все. Но сила духа определяется смыслами. Логосом. Нет его – нет ничего.

Курт Левин создавал психологическую топологическую теорию (с ним работали, между прочим, и психологи Советского Союза, приезжавшие учиться у него в 20-е годы, перед нацизмом), а Виктор Франкл, побывавший в фашистских лагерях, написал книгу «Человек в поисках смысла» и занимался логопсихологией. Психологией логоса. И он очень точно понял, что важно именно держаться за смысл, держаться до конца, не потерять Идеальное даже в самых страшных условиях. Тогда можно выжить. Тогда можно выдержать. Тогда можно преобразовать себя и выйти из самых тяжелых положений.

Сейчас просчитано почти все. Кто-то начнет истерически дергаться – скажут: «Зверь из бездны вылез». Будет сидеть пассивно – скажут: «Можно и дальше давить». И будут давить. То, что произошло в нашей стране с образованием, – это часть давления, оказываемого на человека. И это давление будет нарастать.

Единственное, что здесь не просчитано, – это то, что у человека хватит ума и любви для того, чтобы самого себя преобразовать и рядом с собой преобразовать сначала микросоциальную сферу, потом макросоциальную. Вот это не просчитано. Потому что это – подвиг. Это почти чудо. Это невозможно. Это то, что требует гигантской работы над собой. Но без такой работы состоявшееся падение, состоявшаяся инволюция, состоявшийся регресс станут необратимой смертью страны. Невозможно без этого ничего сделать.

Никакая ностальгия: «Ах, как у нас много отняли социальных возможностей!» – сама по себе ничего не сделает. Сделать это можно только в том случае, если загорится огонь. Огонь страстного переживания, огонь страстной любви.

Одиссей хотел вернуться на Итаку. Будем считать, что Советский Союз – это Итака. Но посмотрите, что прошел Одиссей на своем пути. Почитайте внимательнее «Одиссею». И вы поймете, что это мистерия возвращения. Что все ее образы не случайны.

Еврейский народ тысячи лет повторял: «До встречи в Иерусалиме!» – и сегодня он находится в нем. Он не позволил себя сломать, он не отдал веру.

Мне много раз возражали по этому поводу: «Плевать на эту веру, на все остальное. Главное – сохранить материальные возможности». Материальные возможности надо, конечно же, сохранять, но когда армянский народ боролся за свою религию, он понимал, что рядом с ним находятся народы, которые могут его уничтожить просто на раз. Был бы он народом, если бы отдал свою религию?

Здесь же отдали ценности семидесяти лет. Отдали их с легкостью, за материальные приобретения. Если люди не сумеют вернуть себе те ценности, значит, то, что с нами произошло, необратимо. Но просто так эти ценности не вернуть. Дескать: «Мы их отдали, а теперь вернем». Повторяю снова: поломанную чашку можно склеить, поломанную шпагу можно сварить, но это неполноценные предметы. Если люди поняли, что они должны вернуться, они, как говорится в фольклоре, стопчут сто пар железных сапог. Они вернуться так, как возвращался Одиссей, который хотел, хотел назад.

Однажды я приехал домой в очень усталом состоянии и включил перед сном телевизор, чтобы как-то успокоить нервную систему. Шел полудетский фильм под названием «Одиссей». Меня привлекло то, что вроде все снято как сказка и вроде все не слишком серьезно и частично гламурно, но есть внутри какой-то художественный нерв. «Нет, – думаю, – я досмотрю». Еще не понимаю, что это. И вот Одиссей добирается до Итаки. Он берет хлеб и говорит: «Это МОЙ хлеб. Запах МОЕГО хлеба». Берет вино и говорит: «Это МОЕ вино». Трогает землю, говорит: «Это МОЯ земля».

Дальше он встречается с женихами своей жены, и женихи оправдываются: «Ну, что здесь такого особенного? Ну да, мы чуть-чуть поворовали, сожрали твоих быков... Но мы же не нарушили твоих прав! Ты же считался умершим, а если ты умер, то царица должна получить нового мужа. Что мы такое особенное нарушили?» Одиссей им говорит: «Вы посягнули на МОЙ хлеб, на МОЕ вино, на МОЮ землю». После чего натягивает тетиву, и начинается страшная бойня.

Мне захотелось досмотреть до титров. Читаю: «Продюсер – Френсис Коппола». И я понимаю, о чем речь. Понимаю при-

роду пристального внимания Коппола к Сицилии, вообще к людям, которые знают, что такое «МОЙ хлеб».

Есенин писал:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

Между прочим, для православного человека сказать «не надо рая» – это очень серьезно. Еще надо объяснить, что такое тогда «родина моя». Маяковский называл ее «весной человечества». Священный, высший смысл собственной Родины, любовь к ней и понимание, что произошло что-то катастрофическое, – вот что способно преобразовать человека. Но легкой ценой это не получается. Халявы не получается.

Что необходимо?

Во-первых, глубина чувства и страсти.

Во-вторых, глубина ума.

И, в-третьих, соединение того и другого в процессе взятия барьера сложности. И если раньше сложность могла быть уделом пяти процентов людей и это было нормально, то теперь так не будет. Если раньше в спокойной, стационарной, некатастрофической ситуации человек мог, сколько хотел, читать Пикюля или «Золотого теленка», работать у станка и быть нормальным, хорошим гражданином своей Родины (и встретиться мы с ним на полях сражений – еще неизвестно, кто бы лучше воевал), то сейчас этот человек, отдавший первородство, оказавшийся в зоне катастрофы, не может «на халяву» вернуть себе Родину. Ему придется идти в сложность, бывшую ранее уделом людей, ради которых он пек хлеб, выплавлял металл и т.д. Тех людей, которые его предали. Ему придется сейчас создавать новый субъект из себя. Из субстанции. Он из нее должен вынуть эти возможности. Если он их не вынет, тогда конец. Тогда страны не будет.

Итак, речь идет о достаточно сложных вещах, с которыми действительно надо работать, разбираться. И здесь возникает вопрос о революции.

Революция – это борьба классов и других крупнейших социальных полноценных субъектов в условиях восходящего исторического процесса. Ее эталон – Великая Французская революция. Почему это полноценная революция? Потому что в недрах предыдущего уклада, в условиях прогрессивного движения (стимулированного в том числе и тем, что французское национальное государство хотело бороться с другими государствами), в условиях восходящего процесса буржуазия уже сформировала полноценный уклад. И когда предыдущий феодальный уклад стал отмирать, буржуазия вышла и небольшим, хотя и страшным, усилием – кровавым и безумным, но все-таки относительно небольшим – сместила феодальный класс, завоевала новые позиции, дала народу новые идеалы (как это и полагается делать «классу для других», а не «классу для себя»), оформила новый порядок вещей. Народ получил то, от чего отказаться уже не хотел (например, землю, Наполеоновский кодекс), поэтому дверь к реставрации была закрыта. И началась новая фаза исторического процесса.

В России все было не так. Великая Октябрьская социалистическая революция в этом смысле не есть революция. Она есть катастрофа. Когда все политические силы, которые были более или менее оформлены (та же буржуазия), попробовали удержать власть после ее падения, вызванного отречением царя, стало понятно, что удержать ее нельзя. Осталась последняя сила, которая и партией-то не была, а была катакомбной сектой, очень плотной, консолидированной, и которая приняла на себя весь удар падающего тела страны. В теории систем это называется аттрактор. Это такая пружина, пружинная сетка, на которую падает живой предмет. Она приняла его и выдержала этот удар. Тогда и началось восходящее движение.

Большевистская секта, повторю, была катакомбной. Входящие в нее люди были отстранены, как от скверны, от

определенного порядка вещей. Когда этот порядок вещей исчерпал себя до конца и все стало падать, она просто приняла этот удар. И выдержала. А могла и не выдержать. И тогда не было бы ни России, ни русского народа, ни русского государства – ничего. Не был бы большевистский субъект целостным, отстранившимся от скверны падения, сформировавшим внутри себя другой уклад жизни, братства, деятельности, другие символы, другое понимание целостности, которые он потом смог передать народу, не было бы страны. Не было бы катакомб – никакая политическая партия уже не могла бы ничего сделать.

И когда Ленин говорил: «Есть такая партия», – он говорил и правду, и неправду, потому что это была не партия. Был ли это «орден меченосцев», как потом якобы сказал Сталин, или нет, но это не была партия. Это было гиперплотное сообщество. Как они сами себя называли? «Партией нового типа». Что они говорили про себя? «Да, в отличие от Запада, у нас нет пролетариата как развитого класса. Но мы сначала построим партию пролетариата, а потом пролетариат». Маркс трижды в гробу бы перевернулся от такой формулы! Но только она и оказалась эффективной.

Итак, это была замкнутая, плотная общность, содержащая в себе геном будущего развертывания системы и оказавшаяся в нужном месте в момент, когда все упало. Катастрофа была преодолена плотным сообществом, в каком-то смысле сектой: светской сектой, красной сектой – назовите как угодно. Я говорю об этом со знаком «плюс», ибо именно она и спасла все, содержа в себе и новый великий идеал, и новые возможности, и новую правду. Правду, которая была безумно созвучна России, русскому народу, глубоким, потаенным мечтам крестьянства. В первом приближении это называется хилиазмом, мечтой о Тысячелетнем царстве, о Царстве Божьем на земле, но это только в первом приближении. Возможно, это было и глубже. Нам еще придется с этим разбираться.

Теперь другой случай – Римская империя времени упадка. Помните, у Верлена?

*Я – римский мир периода упадка,
Когда, встречая варваров рои,
Акrostихи слагают в забытьи
Уже, как вечер, сдавшего порядка.
Душе со скуки нестерпимо гадко.
А говорят, на рубежах бои...*

Состояние Рима «периода упадка» было инволюционным. Римляне отказались от свободы и многого другого и закричали: «Хлеба и зрелищ!», то есть «чечевичной похлебки!». Кто тогда спас Рим и историю западного человечества, а в этом смысле, во многом, и историю вообще? Христианские катакомбы. Потому что катакомбные христиане сказали: «Мы в этой скверне не участвуем. Мы от нее отстраняемся. Мы не создаем партию. Мы не боремся за власть в Риме. Мы просто отстраняемся от скверны и защищаем новое качество своей человечности».

Внутри христианских катакомб созрел новый геном для человечества. Новый социокультурный геном. Катакомбы сумели сберечь этот зародыш и начали его разворачивать.

Что произошло потом, все знают. Император Константин, оглянувшись вокруг и поняв, что никакая другая социальная сила вообще не может быть опорой, потому что все рыхлое, все падшее, все труха, обратился к этим катакомбам. К чему это привело?

Прежде всего, Рим надолго продлил свою историю. Это отнюдь не безупречная история, но она была чрезвычайно важна для человечества, и я объясню, почему. Став христианским, Рим распространил институт папства повсюду и вывел Европу Средних веков из состояния враждующих дикарей. Враждующих, обезумевших баронов, называющих себя королями. Не было бы христианского Рима – не было бы Европы.

Очень скоро возникла новая мечта о Риме. Священная Римская империя в разных ее вариантах: империя Карла Великого, потом империя Габсбургов и так далее – это постоянная мечта о Риме. Она в сочетании с христианством и

институтом папства вывела Европу из состояния абсолютного ничтожества. И этим спасла часть западной цивилизации.

Теперь о Восточном Риме. Говорят, что Византия – это не вполне западная цивилизация. Но византийцы называли себя ромеями – римлянами. Что Константин делал, когда переносил столицу на Восток? Он искал место начального Рима. А поскольку вся римская история проникнута «Энеидой» Вергилия и образом Энея, который вместе со своим отцом Анхисом бежал из Трои, и поскольку римские воины, стирая с лица земли греческие города, писали на камнях «Мсть за Троию!», то Константин вначале хотел переместить столицу в Троию. Потом возник Константинополь и появился Восточный, новый, другой Рим – Византия, которой наследовала Россия. Так создалась другая – альтернативная – часть западной цивилизации. Конфликт и диалог между этими двумя частями и создали историческую динамику в пределах западной христианской культуры. Вот что сделал один жест Константина.

Итак, либо «катакомбы плюс Константин», то есть рука власти, протянутая катакомбам, и альянс между ними – от безысходности и понимания, что опереться не на что. Либо просто катакомбы, «катакомбы минус Константин» – это большевики.

Но, в любом случае, судьбу России, возможность спасти ее от катастрофы определит наличие катакомб, которые к падению, к инволюции не присоединятся. Которые найдут в себе силы не просто для того, чтобы оказаться в стороне от этого падения, но и для того, чтобы запустить – хотя бы сначала внутри себя – контррегрессивный процесс. Что нельзя сделать, не трансцендируя, не меняя состояния. Вот о чем идет разговор. Вот в чем цена вопроса.

Попытка в нашей, российской, ситуации адресоваться к схеме Великой Французской революции отрицает факт случившегося – факт инволюции, регресса. Где вы видите классы для классовой борьбы, для истории? Пространство выпало из исторического процесса. Оно превратилось, с одной стороны, в царство полуживотных джунглей, какого-

то «зооциума», который вообще не имеет отношения к социуму, но изображает из себя «элиту». А с другой стороны – в пространство катастрофы, деградации, когда не нужны восходящие производительные силы. А раз они не нужны, то на них и не тратятся. А раз на них не тратятся, то они превращаются в доходяг. А доходяги не могут взять на себя историческую задачу.

Все сломано. Нет крупных классов, готовых к исторической роли. Нет «классов для других» – классов для народа. Нет исторической миссии. Нет классов вообще. Есть нисходящее сообщество.

Социальный регресс – это переход от несостоявшегося капитализма к феодализму, от феодализма к рабовладению. Что мы уже и видим: есть зоны, где к этому идет. Кто сказал, что все ограничится только падением на капиталистический уклад? Где капиталистический уклад? Я много раз спрашивал: «Что, воровская фомка – это орудие, средство производства? Инструменты воровства – это орудия, средства производства?» Что, мы не видим, что падение продолжается? Что никакого настоящего капитализма нет, что есть паразитарное существование в щелях советского уклада. Рухнул Советский Союз, рухнул советский уклад. Что-то еще держат советские скрепы. Но рухнувшее доживает. Это паразитариум. Это субуклады, субкультуры. Трагедия гораздо глубже. В условиях регресса и высокой степени пластичности социального вещества возможны еще более негативные процессы.

Для того чтобы вещество обрело упругость, оно должно создать альтернативные уклады и – пусть в их пределах – контррегрессивные тенденции. Вы хотите учить детей иначе? Учите. Для этого нужна воля? Да. Вы хотите создавать другое телевидение? Создавайте. Вы хотите создавать другую культуру? Создавайте. И тогда, возможно, станете катакомбами и аттрактором, упав на который сумеет спастись наше многострадальное Отечество – между прочим, та часть планеты, без которой вся остальная планета обречена на гибель.

Чем именно является советское наследство? Ведь работа с советским наследством, понимание собственного первоуродства имеют несколько уровней.

Первый уровень – это уровень фактов. Мы должны, в конце концов, восстановить фактическую реальность. Вы можете быть либералами, националистами, коммунистами – кем угодно. Но вам нужны факты, правда о реальности. Значительная часть просвещенного сообщества страны говорит, что, «как известно», Сталин назвал кибернетику «продажной девкой империализма», после чего кибернетика погибла, с ней погибла вся вычислительная техника, а после того, как погибла вычислительная техника, рухнул весь советский уклад, потому что он был неконкурентоспособен.

Я спрашиваю: «Где и когда Сталин (или Жданов, или Маленков, или Микоян, или Суслов) назвал кибернетику „продажной девкой империализма“? Укажите источник! Вы либералы и ненавидите Советский Союз как тоталитаризм, или вы монархисты и ненавидите Советский Союз как-то иначе. Но вы же должны знать, в каком источнике и на какой странице указано, кто, где и когда произнес эту фразу?»

Так вот, ее никто никогда не произносил! Ни Сталин, ни Маленков, ни Жданов – никто. Нет следов этого. А вам говорят в глаза: «Как известно, эта фраза была произнесена, и она-то все и погубила».

Аргорос, справки ради, могу вам сказать, что между кибернетикой Норберта Винера и вычислительным программированием такой прямой связи, как это кажется, нет. Да, действительно, без кибернетики нет полноценной сферы вычислительных машин. Но гораздо большее значение имеют Джон фон Нейман или машины Тьюринга и т.д. Они имеют прямое отношение к вычислительной технике. Винер занимался зенитками, обратной связью при их наведении и сбивании самолетов и тому подобное. Да, он очень важен, но не он является решающим авторитетом. Но главное не в этом.

Поскольку никто и никогда не называл кибернетику «продажной девкой империализма», поскольку мне не могут назвать ни одного пострадавшего кибернетика и поскольку

Сталин, наоборот, по записке Лебедева, создал институт, занимавшийся кибернетикой, который очень успешно конкурировал с институтами Соединенных Штатов, то все, что вам говорят насчет уничтожения кибернетики «проклятым сталинским режимом», является банальной ложью. Банальной! И если вы уважаете себя (являетесь ли вы либералами, монархистами или кем угодно), то должны уйти от банальной «лапши, вешаемой на уши»! Должно же быть чувство исторического достоинства.

Кроме того, мы не проиграли гонку софтвера, то есть гонку программных продуктов. БЭСМ-6 и IBM/360 были примерно равные по мощности машины. И если БЭСМ-6 выигрывала у IBM/360, то она выигрывала как раз за счет лучшего софтвера.

Мы не проиграли гонку и сейчас, потому что на Западе к созданию каждой сложной программы приходится привлекать русских, а не индийских программистов. Для задач средней сложности – индийцы. Для задач высокой сложности – наши соотечественники, уехавшие на Запад или оставшиеся здесь.

Мы проиграли совсем другую гонку. Мы катастрофически проиграли гонку за размеры и качество элементной базы. Мы проиграли гонку микронизации этой базы. И сейчас продолжаем ее проигрывать. Мы не создали достаточно чистых материалов, мы не создали элементной базы для ЭВМ. Но при чем здесь кибернетика?! Она к этому вообще не имеет никакого отношения.

Так давайте разбираться: за счет чего мы проиграли гонку элементной базы? За счет того, что у нас рынка не было? Что за ерунда! Силиконовая долина? Силиконовая долина делалась при поддержке и на деньги Пентагона. А нам все время рассказывают, что там ребята собрались и что-то в сарае сооружали. Что за ерунда!

Итак, первая наша задача – избавиться от первичного уровня такой «ерунды», восстановить реальные факты.

Вторая задача – понять природу некоторых явлений, реально существовавших в СССР. Уже говорил и повторяю:

советское предприятие не было предприятием классического типа. Это целый мир, в котором существовали поликлиники, санатории, колхозы, спортивные лагеря и так далее. Советские директора, уже после краха Советского Союза и начала капиталистических ельцинских реформ, дрожали все 90-е годы и говорили: «Социалка, социалка! Как ее сохранить?» Это был другой, иначе устроенный мир.

Кто сказал, что этот мир был устроен плохо? Что этот принцип устройства не адресует к современным явлениям типа суперкорпораций? Кто сказал, что это плохо? Давайте разбираться. Кто сказал, что планирование, даже директивное, а не то что индикативное, обречено? Кто это сказал? А если завтра весь Запад к нему перейдет?

Сейчас немцы объединили левые партии: классическую социал-демократическую и ряд других – и создали левое движение. Оно получило чуть ли не 10 процентов в Бундестаге. Вы знаете, о чем оно заявило? Не только о том, что его задача – построение социализма в Германии, а о том, что они не отменяют, а восстанавливают задачу построения коммунизма. Немцы, заседающие в парламенте, об этом говорят!

Мы отбрасывали свое прошлое. Неуважительно, не рассматривая, не разбирая его элементы.

Еще раз: первая задача – восстановить факты.

Вторая задача – восстановить смысл явлений.

Третья задача – проанализировать, что в этих явлениях было неочевидного или зря отброшенного, что можно восстановить и вернуть в XXI век.

Четвертая задача – понять, чего там не хватало.

Вот атеизм, якобы обязательный в коммунистической доктрине... Но его же нет у Фиделя Кастро! Там теология освобождения. Сейчас очень много говорят о науке, которая вполне сопрягается с метафизикой. Метафизические явления могут не противоречить науке, а, наоборот, развивать ее, давая ей новое качество. Наука ведь тоже явление неоднозначное. Мы находимся на переломе, когда без обновления наука, возможно, превратится в средство уничтожения человечества:

- в силу цепного размножения дисциплин,
- в силу усложнения и отсутствия интегрирующих связей,
- в силу отсутствия какого-то ядра внутри этого познания,
- в силу, если уж говорить о сложных вещах, расщепления прекрасного (эстетики), справедливого (этики) и истинного (гносеологии). А ведь когда-то они составляли единое целое.

Это расщепление началось давно, но сейчас наступает эпоха, когда оно должно кончиться. И, возможно, в отброшенном нами коммунизме это в каком-то скрытом виде существовало. Может быть, русские что-то угадали, хотя при этом нагородили массу глупостей? Так почему вместе с водой нужно выплескивать ребенка и отказываться от всего ценного, что содержала советская эпоха? Откуда это огульное отрицание?

Анализ советского наследства – это работа с реальностью. Ведь ценно не то, что это какая-то утопия. Это целый пласт реальности. Ну, создадим мы сейчас новую утопию, нарисуем ее по принципу: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить». Можно сочинить много утопий, много «фэнтези», а там – целый пласт: советское кино, советское искусство, советская жизнь, советская наука, советское производство.

Этот пласт является гипертекстом, который надо познавать заново. Не только дописывать, но и познавать и защищать.

Это огромное направление деятельности, без которого первородство восстановлено не будет. Отказ от советского наследства, осквернение его надо преодолевать. И это гигантская работа. Пусть это будет называться «кружками любителей истории» или «клубами любителей истории». Главное, чтобы такая работа шла. Чтобы хватило мужества на нее. Если бы не появились историки, которые заново начали переосмысливать один эпизод советского прошлого за другим, если бы не возникли люди, которые дали огромный фактологический материал и сами начали его переосмысливать, никакая победа над либералами в программе

«Суд времени» не была бы возможна. Победа состоялась потому, что возник новый дискурс, новая совокупность рациональных знаний и пониманий.

Но этих знаний и пониманий мало. Как я уже говорил, помимо сбора фактологической базы, нам нужно понять:

- чем были феномены и явления, отраженные в этой фактологической базе (и для этого нужно иметь соответствующий аппарат понимания)?
- что было в советскую эпоху отброшено?
- что было в советскую эпоху не найдено?

И тогда совокупность фактологической базы, заново понятого, отброшенного и найденного – вместе с усилием людей, которые готовы подвижнически на это работать и которые объединяются вокруг этого, – может стать частью восстановления первородства. Но только частью!

Потому что если не будет живой человеческой страсти, если к этой догматике (говоря на церковном языке) не будет литургии, то есть высшего эмоционального смысла, то вся эта совокупность не работает.

И, наконец, человек должен суметь вобрать все это внутрь себя и не взорваться, а воспользоваться этим как механизмом преобразования и себя, и других. Тогда, может быть, произойдет то, что произошло с Одиссеем, и Одиссей вернется на Итаку.

От того, что люди занюют: «Ах, как хочется в СССР!» – ничего не изменится. «Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном»... От такого хотения ничего не произойдет. Нужно другое эмоциональное и другое интеллектуальное качество, для того чтобы что-то произошло.

И здесь мы должны спросить себя: в чем ценность всего этого для будущего?

Но прежде надо твердо понять, что такое настоящее, в котором мы живем. Это есть еще один крайне сложный и важный предмет.

К нему сейчас и надо перейти.

15 февраля 2011 года

Выпуск №3

Мне жалко тратить время на предварительные оговорки перед основной темой, потому что тема очень важная. Тем не менее я все-таки хотел бы эти оговорки сделать, потому что они тоже крайне важны.

Низкий поклон каждому, кто поддерживал и поддерживает нашу позицию в «Суде времени», на передаче «Поединок» и на тех передачах, которые, наверное, еще пойдут в будущем по телевидению. Всем этим людям огромное спасибо, бесконечная благодарность за поддержку. Для нас люди не делятся на хороших и плохих, умных и глупых. Для нас есть люди цельные – сколь угодно простые и даже сколь угодно далекие по каким-то позициям от того, о чем мы говорим, но любящие страну и готовые поддержать тех, кто тоже ее любит, постольку, поскольку они чувствуют, что эта любовь искренняя.

Мы очень ценим начавшийся процесс захватывания все большего и большего числа людей в восходящее движение изменения собственной самооценки, понимания того, что на самом деле они должны выходить из спячки, осознания того, что у них когда-то отняли историю и они должны вернуть ее себе.

Но нам очень важно, чтобы параллельно с этим большим восходящим процессом, который крайне нужен нам всем,

происходил еще один процесс. Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что наши противники просто уже даже гордятся, что они представляют собой меньшинство – плотное, компактное меньшинство, которое может большинству что-то предписывать. До тех пор, пока они будут лучше структурированы – а структурированность любого движения означает, что у него есть не только периферия, но еще и ядро, причем это ядро структурировано еще более глубоко, продуманно и детально, чем движение в целом, – до тех пор, пока мы не создадим такое ядро, все увеличение нашей массовости не будет стоить ломаного гроша. Эта массовость будет аморфной, никуда не ведущей.

Для того чтобы массовость куда-то вела, должно быть сформировано ядро. Это не ядро избранных. Вход туда абсолютно свободный. Входной билет оплачивается только одним – желанием принять некую сложность, неоднозначность происходящего, глубину его. И каким-то способом к этому присоединиться именно так – за счет понимания, за счет глубины, за счет какой-то внутренней эмоциональной страстности. Мне все время говорят, что слово «страстность» можно понимать по-разному. Не знаю. Бродский писал: «Но что на свете есть сильнее, но что сильнее, чем страсть?» Страсть – это любовь в высшем ее проявлении, в том проявлении, когда она уже является огнем, который действительно может переплавлять, придавать новое качество, менять людей.

Вот это и есть единственный входной билет. Не эксклюзивность, не закрытость, не попытка создать внутри большого поля еще и маленькое поле избранных, которые пытаются манипулировать всей этой большой энергией в своих целях. Вопрос в одном: вы готовы? Милости просим, вход открыт. Заплатить надо собой. Вот для чего делается программа «Суть времени».

Я уже говорил, что программа «Суть времени» не есть повторение программы «Суд времени». Программа «Суд времени» была хорошо поставленным шоу, но все равно шоу. Программа «Суть времени» хочет быть АНТИшоу. И разница

тут такая же, как между пещным действием или католической мистерией – и площадным театром, площадным действием. И то, и другое – прекрасные жанры. Была греческая трагедия – великий жанр (Эсхил, Софокл, Еврипид), и были элевсинские мистерии. В чем, по большому счету, разница между одним и другим? Я много думал об этом как театральный режиссер, который посвятил свою жизнь именно паратеатру, то есть театру, способному ставить современные мистерии.

Разница тут заключается в том, что зрителю театра должно быть интересно, и все определяется качеством этого интереса: «интересно», «очень любопытно», «просто любопытно», «прикольно» и так далее. Это зритель театра. Это зрелище. Такое зрелище может быть интеллектуальным или антиинтеллектуальным, глубоким или плоским, высокоэмоциональным и духовным или омерзительным, но все равно это зрелище.

Тем же, кто приходит на элевсинскую мистерию, кто идет за ней босиком по болотам, в которых копошатся змеи, кто рвется туда, им не «интересно», и не «любопытно», и не «прикольно». Им – НУЖНО. Предельно нужно.

Если у вас есть то, что называется семантическим слухом или абсолютным ощущением того, в чем разница между словами родного языка, то прислушайтесь к этому. «Нужно» и «интересно» – это разное. «Нужно» и «прикольно» – это разное. «Нужно» и «любопытно» – это разное.

Сейчас главная задача, чтобы в том ядре, которое мы формируем и которое уже сформировано у нашего противника, было вот это «нужно». Не «любопытно», не «прикольно» и даже не «интересно», а «нужно». И в этом смысле вполне допустимо, чтобы часть зрителей программы «Суд времени» отхлынула от программы «Суть времени», а другие люди к ней потянулись.

Это не значит, что мы противопоставляем одно другому, что мы в программе «Суд времени» занимались фальсификацией или игрой на публику, а вот теперь здесь тихо-тихо начинаем варить другую кашу. Это просто значит, что если в движении не сформируется внутреннее ядро (а оно существует в любом дееспособном политическом движении), то

весь процесс захлебнется и захлебнется очень быстро. Люди перестанут понимать друг друга, они не пойдут в глубину, они не дойдут до предельных оснований, они ничего не сумеют передать широким массам, потому что передавать будет нечего. А противник рано или поздно нащупает слабые точки нашей позиции. Он уже пытается их нащупать. И тогда всякие попытки действительно собрать силы для большой духовной, идеологической, мировоззренческой войны окажутся попытками с негодными средствами. Вот почему мы продолжаем программу «Суть времени».

Еще раз подчеркну, что она является и преемственной, и совсем другой по отношению к программе «Суд времени». Это очень важно понять.

Я заранее приношу извинения тем, кому покажется, что я говорю слишком сложно. Да, сложно. Но, к сожалению, процессы, которые произошли в стране и мире, сложны.

Я понимаю, что кому-то вдобавок еще и обидно. Кажется, что так все просто: ясно, кто противник, а мы все хорошие. Я никого не хочу обидеть, но если некоторые простейшие вопросы не будут проговорены наряду со сложными, то возникнет очень странная ситуация. И я перехожу к одному из таких простейших вопросов.

Понимаете, есть люди, для которых Советский Союз и все, что было советским, очевидно не является благом, а является злом. Чем были Советский Союз, его идеология, которая называлась «коммунизм», и так далее? Для одних это – зло. И им-то все понятно, потому что они освободились от зла. «Да, – говорят они при этом, – освободились очень дорогой ценой. Да, пришлось очень много разрушить по пути. Да, при этом пострадали люди. Но поскольку это было абсолютное зло и мы от него освободились, то это же счастье! Мы же освободили вас от абсолютного зла!»

Это враги, или противники, или люди с другими суждениями, чем у нас, назовите их как угодно, но это – не мы. Это – другие.

А есть мы. Мы, которые считают, что Советский Союз, его идеология, его исторический путь – это благо.

И не говорите мне, что это «чуть-чуть благо и чуть-чуть зло». Понятно, что в любом явлении есть то и другое. Вы должны выбрать свою позицию. Это благо? Да или нет? Если нет – не смотрите наши передачи. Зачем? Но если это благо, то следующий простейший вопрос – почему его отняли? Почему? Ведь этого блага больше нет. Мы потеряли страну. Это наша страна, мы ее любим – почему мы ее потеряли? Разве можно двигаться дальше без ответа на этот вопрос?

Говорят, что у нас это отняли злые силы, враги. Простите, но я слишком много знаю про ту эпоху! Приведу только один пример. Вы помните «тбилисские события», когда саперными лопатками якобы убили определенную часть митинговавшего грузинского населения, и сделала это «свирепая армия», десантники? По этому поводу начались страшные крики.

Было два расследования. Одно вела Генпрокуратура, которая вообще сказала, что, по данным Международного Красного Креста, рубленых, резаных ран на телах нет, что люди погибли от асфиксии – сжатия грудной клетки. Они сели на землю, а потом по ним побежала толпа. Это была версия Генпрокуратуры, генпрокурор написал соответствующий доклад.

И была версия Собчака, согласно которому армия преступная, а военные – кровавые палачи, которые рубили мирное население на куски.

Эти две версии обсуждал Съезд народных депутатов. Помните, как он избирался? Он избирался в значительной мере по так называемому корпоративному принципу: от армии, от партии и так далее. Это не было прямое избрание нашими гражданами по мажоритарному принципу или по партийному. Это был некий корпоративно-цеховой принцип. Соответственно, там было определенное количество генералов, военных, избранных от армии. По-моему, были еще депутаты от профсоюзов, точно были от партии.

Итак, Съезд народных депутатов СССР должен был решать, чья версия верна: версия Собчака, которая окунала армию в грязь, или версия Генпрокуратуры.

Так случилось, что мои близкие друзья попросили меня помочь генпрокурору и всем, кто отстаивал его версию.

Я считал, что это абсолютно необходимо делать. Когда мы начали это делать, в наш адрес раздались угрозы в предельной форме, но мы все равно это делали. Мы напечатали листовки, в которых говорилось: «Требуйте правды о Тбилиси», и эти листовки были выложены на столы делегатов съезда. Мы собрали материалы, убедили сделать телефильм (его делал талантливый тележурналист Невзоров), в котором генпрокурор изложил свою версию. Ее тоже показывали депутатам.

Депутаты обладали полнотой информации по поводу этих двух версий. Но при чем тут полнота?

Для военных речь шла о своей касте, если хотите, о своем цехе, о своей армии как родной и любимой группе. Даже не о стране, потому что было ясно, что признание версии Собчака – это развал страны. Но, в конце концов, не только же о стране шла речь. Шла речь, повторяю, о сообществе людей в мундирах, о корпорации, о касте, назовите любое другое слово.

За версию генпрокурора – при наличии наших листовок, при наличии фильма, в условиях полноты информации и абсолютно примитивной ясности, что есть благо и что есть зло, что есть за армию и что есть против армии, что есть за Советский Союз и что есть против, – проголосовало абсолютное меньшинство военной фракции Съезда народных депутатов, генералов и офицеров! А их было много.

Что вы мне хотите сказать? Что все они были завербованы ЦРУ? Это было бы слишком просто. Я могу привести по этому поводу много подобных примеров.

Значит, это зло – сотворенное. У нас отняли благо не какие-то чужие негодяи. Это произошло с серьезным участием различных групп в обществе и, прежде всего, в элите. Я был допущен к анализу первичных материалов по выборам Ельцина в 1991 году президентом РСФСР. Могу вам твердо сказать, что в домах, где проживали сотрудники Комитета госбезопасности, и в других привилегированных домах за Ельцина проголосовали (а тогда свобода выборов была достаточная) от 92 до 96% жителей этих домов.

Я присутствовал на Съезде народных депутатов России, когда, если помните, такая шестерка: Горячева, Исаков и другие – пытались снять Ельцина с поста президента РСФСР. По рядам бегали мои партийные друзья, которые говорили секретарям обкома: «Куда ты жмешь, на какую кнопку?» Секретарь обкома отвечал: «Главное – Мишку скинуть». – «Подожди, что значит – Мишку? Что ты говоришь? Ельцин же против Советского Союза! Он же разваливает страну, он же за капитализм!» – «Сначала Мишку скинем, а потом с Ельциным разберемся».

Все люди, которые жали на эти кнопки, были агентами ЦРУ?

Пыталась ли сделать с Горбачевым хоть что-то партия, уже лишенная узды Комитета госбезопасности и других органов, которая на ней была, предположим, при Сталине или в постсталинскую эпоху? Она уже понимала, что Горбачев ее уничтожает. Но она проголосовала за него как за Генсека на XXVIII съезде. И не сняла его на Пленумах в промежутке между съездами.

Я никогда не забуду его глаза, как он смотрел на этих членов Пленума. Он смотрел на них с бесконечным презрением. Они раз за разом не снимали его. Он выполнял перед ними «танец удава Каа перед бандерлогами». Они не были агентами ЦРУ, они были «бандерлогами».

Как так получилось? Как получилось, что значительная часть элиты капитулировала, сдала страну, что общество на самых разных уровнях не смогло этому противостоять, что делегаты XXVIII съезда не сняли с поста убийцу партии и страны? Ведь уже было понятно, кто такой Горбачев. Но этого же не было сделано!

Вопросов очень много. И это только простейшие вопросы. Это вопросы о том, какую слабину дало само общество. Почему оно отдало страну? И ведь мы понимаем, что оно отдало ее без боя. Неужели нам не ясно, что по всей стране была возможность сопротивляться тому, что называлось распадом СССР. И по всей стране эта возможность не была реализована. Прежде всего, в Москве. Часть тех, кто шел

манифестировать против 6-й статьи Конституции (о власти КПСС, правящей партии), собирал Московский городской комитет партии, потому что такова была разнарядка, указание Кремля. И это же было сделано!

На Съезде народных депутатов СССР соответствующее большинство могло много раз решить вопросы с Горбачевым, но не решило. Наши противники все время будут нас спрашивать: «А почему потом в республиках проголосовали за суверенитеты и против Советского Союза?» И так далее. И мы будем долго давать разъяснения.

Но если мы даже на нашем узком обсуждении, в программе «Суть времени», не можем поставить перед собой эти вопросы и не ищем глубоких ответов – с чем завтра будут выходить в серьезные идеологические бои люди? Они окажутся абсолютно разоруженными, как они оказались разоруженными в конце 1980-х годов, когда надо было отвечать на многие болезненные вопросы истории, а у них не было ответов, потому что они сидели на голодном благодатном пайке. Который был хорош, пока надо было просто жить, но который оказался абсолютно недостаточен, когда стало надо бороться, воевать за свою правду.

Итак, если Советский Союз и советская идеология – благо, то почему это благо было:

- а) отдано вообще,
- б) отдано без боя?

И, наконец,

в) вы понимаете насколько смехотворно объяснение, согласно которому это все сделало только ЦРУ, иноземные страшные силы, Запад?

Это объяснение абсолютно смехотворно, потому что оно игнорирует реальность, во-первых. И, во-вторых, оно не дает ответа на вопрос о том, что делал КГБ и все другие наши спецслужбы, призванные защищать страну. В конце концов, можно сказать, что ЦРУ и другие внешние противники делали свое дело – да, злое для нас, но они выполняли свой долг перед своими странами, которые называли нас врагом, «империей зла».

А как выполнили свой долг наши спецслужбы? Мы же видим, каков результат! Они-то что сделали? Они просто все проморгали? Они состояли тогда из настолько непрофессиональных людей? Или они все-таки содержали в себе некую элитную стратегическую двусмысленность? Какую?

Если мы в этом не разберемся и не поймем, за счет чего мы потеряли СССР, как мы вернем потерянное? Если мы этого не поймем, как мы будем вести серьезные идеологические бои? А они нам еще только предстоят.

Вот для чего нужна программа «Суть времени».

Мы должны признать то, что говорит наш противник. Александр Николаевич Яковлев не зря сказал: «Мы сломали хребет»². Представьте себе существо со сломанным хребтом. С хорошей мускулатурой, с ясно мыслящим мозгом – и с переломанным позвоночником. Это существо может шевелиться, оно может дотянуться до кнопки голосования, оно даже может говорить о том, как все плохо, но оно не способно к эффективному, мощному действию.

Это не значит, что я констатирую, что ситуация безнадежна. Я просто ставлю диагноз и говорю: если это существо с переломанным позвоночником – значит, надо позвоночник лечить. Это сложнейшая медицинская операция (не знаю, лазерная, сверхточная), но его надо вылечить. И тогда это существо, став полноценным народом, продемонстрирует все свое величие, как демонстрировало не один раз в истории. Но, пока позвоночник переломан, оно будет еле шевелиться, а мы будем радоваться тому, что эти шевеления стали более массовыми, что рот существа с переломанным хребтом более или менее яростно проговаривает проклятия в адрес тех, кто сломал ему хребет.

Но задача же в том, чтобы этот хребет вылечить! Ведь только в этом задача, если речь идет о настоящей борьбе, а не о сублимациях, компенсациях, шоу, театрализациях. Нет

2 «...Перестройке, которую возглавил Горбачев, удалось переломить хребет мощнейшему монстру XX века – тоталитарному строю. Я думаю, что мировая общественность еще недостаточно поняла этот судьбоносный для всего мира факт истории». Яковлев А. Парадоксы истории и логика действий // Континент. № 123. 2005.

другой политической задачи! И эту задачу должно на себя взять «ядро» политического движения. Оно должно сделать эту работу и передать ее результаты «периферии», потом периферии «периферии» и всему народу.

В этом нет никакой уничижительности по отношению к другим. Эту работу делают профессионалы. И мы собираем их и говорим: «Вот это и есть задача национально мыслящей интеллигенции. Она тяжелейшая, но ее надо решить. Потому что, если мы ее не решим, это конец народа, конец страны и это мировая катастрофа».

Есть художественные образы, которые иногда гораздо важнее, чем любые аналитические выкладки. Я буду говорить о двух образах. Первый – мандельштамовский.

*Век. Известковый слой в крови больного сына
Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь.
И некуда бежать от века-властелина...
Снег пахнет яблоком, как встарь.*

...

*Ужели я предам позорному злословью –
Вновь пахнет яблоком мороз –
Присягу чудную четвертому сословию
И клятвы крупные до слез?*

Мандельштам говорит о присяге четвертому сословию. Если кто не помнит, то третье – это буржуазия, а четвертое – это обездоленные, пролетариат. А вот, может быть, самые важные строчки:

*Мне хочется бежать от моего порога.
Куда? На улице темно,
И, словно сыплют соль мощною дорогой,
Белеет совесть предо мной.*

А теперь то, главное, что все, наверно, помнят:

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И свою кровью склеит
Двух столетий позвонки?*

Здесь Мандельштам – это анти-Яковлев. Яковлев с радостью говорит: «Мы сломали хребет». А Мандельштам говорит о клятве четвертому сословью и о том, что нужно свою кровью склеить «двух столетий позвонки». То есть срastить сломанный хребет.

А есть другой образ, тоже всем хорошо известный. Здесь речь идет не о переломанном хребте, а о порванной цепи времен. Это говорит Гамлет. Когда-то я по-английски учил этот монолог наизусть и могу сказать, что Шекспир вообще очень часто использует совсем простонародный, грубый язык. И если более или менее точно перевести слова Гамлета, то это не «порвалась дней связующая нить, как мне обрывки их соединить?», не «порвалась цепь времен» и не «век расшатался». Гамлет говорит, в переводе на русский, буквально примерно так: «И почему это именно мне выпала доля чинить это долбаное время?»

Он говорит о том же, о чем говорит Мандельштам. Тут что «цепь времен», что «сломанный хребет», который надо срastить. В этом – задача программы «Суть времени». И мы ее будем решать. Кто хочет решать вместе с нами – идите сюда, смотрите нашу передачу. Кто не хочет – придет потом, когда мы покажем результаты, когда мы соберем ядро и когда мы сможем выдать эти продукты. А параллельно с этим мы будем говорить о том же самом в других жанрах, в других программах. Только что я выступал в программе «Поединок» (канал «Россия-1», 10.02.2011).

Повторяю, если ядро не будет собрано, то вся наша работа псу под хвост. И самое страшное, что на протяжении предыдущих двадцати лет никто ядро не собирал. Я не говорю вам, что я знаю, как его собирать. И мне, в конце концов, совершенно неважно, кто его соберет – я или кто-то другой. Давайте собирать его вместе, советуйте, как это делать.

Но поймите, что без этого никакая страна возвращена не будет. Что тогда все, о чем мы разговариваем, это ностальгические сопли, а не серьезный мужской разговор. Мужской разговор сейчас должен начаться здесь, между своими, в программе «Суть времени», для того чтобы время связать, починить, как говорил Гамлет. Для того чтобы тем мерзавцам, которые ломали хребет, противопоставить нашу способность срastить этот хребет и создать возможность полноценного политического движения.

Этой возможности нет. Если бы она была, то не сейчас, в 2011 году, а гораздо раньше ситуация была бы исправлена. А она не исправлена, она усугубляется и будет усугубляться дальше. Потому мой диагноз верен. Может быть, очень неприятен, но верен. И до тех пор, пока это не поймут все, ситуация будет только усугубляться. Пусть сейчас это поняли немногие. Главное, чтобы эти немногие собрались и начали работать. Работать над тем, о чем мы говорим.

И тут я перехожу к главному. К тому, от чего отвлекся на эту развернутую преамбулу. Увы, без такой преамбулы дальше разговаривать было невозможно.

Итак, я перехожу к главному – советскому наследству. У советского наследства есть несколько слоев: факты, смысл этих фактов, неочевидные уровни, то, что было не достроено.

Что такое советское наследство в его полноте? Оно есть только наша опора для будущего движения? Или оно само содержит в себе некоторое будущее?

В упомянутой мною программе «Поединок» господин Капица говорил о том, что все спорят о прошлом, а надо идти в будущее. Конечно, надо в него идти.

Но, во-первых, как-то наивно в передаче, которая посвящена обсуждению Горбачева, Ельцина и катастрофы Советского Союза, указывать на необходимость говорить о будущем.

Во-вторых, как-то наивно считать, что без починенного прошлого вообще возможно какое-то будущее.

В-третьих, мы так далеко откатились назад, что прошлое стало будущим. «Воспоминания о будущем» – так бы можно было назвать нашу передачу.

И наконец, в-четвертых, внутри этого прошлого есть ростки нашего будущего. Их надо выявить и потом прыгнуть туда. Но для этого надо прошлое починить. Его надо осознать в этих четырех компонентах: факты, смысл фактов, неочевидные моменты и то, что было не построено.

Почему же наше прошлое столь важно для будущего?

Ответ на этот вопрос зависит от того, понимаем ли мы то, что творится в мире. У нас на глазах происходят события катастрофического масштаба. Все, что произошло сейчас в Алжире, Тунисе, Египте и так далее, это мировой процесс гигантского значения.

К сожалению, когда люди не понимают смысла происходящего, им безумно трудно. Даже когда перед ними на столе лежат факты, в которые, казалось бы, можно всмотреться невооруженным глазом – без микроскопов, без телескопов, – даже тогда люди эти факты не осознают. Крупный ученый Ноам Хомски говорил, что когда в мозгу нет матриц, то человек видит перед собой нечто, прямо очевидное – и не замечает.

На наших глазах сейчас происходят события, о которых вроде бы все говорят, но которые никто не осмысливает. Кроме того, никто не осмысливает, как эти события связаны а) с советским наследством, которое мы обсуждаем, и б) с нашим будущим.

Трагедия эпохи заключается в том, что, даже когда элита, интеллектуальная часть общества, его внутреннее ядро получает очевиднейшие факты, когда им кладут эти факты прямо на стол и говорят: «Смотрите, что происходит», – они находятся в плену своих концепций, иногда совсем примитивных.

Одна из таких примитивных концепций заключается в том, что радикальный ислаимизм является врагом Соединенных Штатов. А поскольку Соединенные Штаты – это самый страшный враг России, то радикальный ислаимизм как враг врага является нашим другом.

Я согласен с тем, что Соединенные Штаты – это очень страшный враг, что сегодняшний мир однополярен и что

если один полюс взбесился, сходит с ума, то это не значит, что мир стал многополярным. Никто не бросил вызова США, и США до сих пор вертят процесс туда, куда хотят. И они вертят его в страшную сторону.

Я с другим не согласен – что Соединенные Штаты Америки и радикальный исламизм, это, знаете ли, такие непримиримые враги, что уж если один из них (радикальный исламизм) наш враг, то другой уж обязательно друг. Это ловушка! Но ловушки – одно из объяснений того, почему Россию, русских так сильно «сделали».

Объясняю. Русские в войне непобедимы. Наверное, русские – это самый сильный народ в том, что касается войны. Не буду разбирать малые народы, пуштунов и так далее. Не буду говорить о вьетнамцах. Говорят, что немцы вполне сопоставимы с русскими. Мне кажется, что русские сильнее всех в том, что касается войны. Но вы читали книгу Ричарда Никсона «Победа без войны»? Что такое победа без войны? Если не было войны, то что же было?

Была игра, очень тонкая, очень холодная, многоходовая, которая намного сложнее и важнее, чем война. В войне никто бы русских не победил. Но была игра. А игра ведется руками и мозгами людей, за сотни лет привыкших к господству.

В войне можно победить, обладая профессионализмом, страстью, простотой и талантом. Когда-то мне пришлось знакомиться с материалами моделирования на основе математической стратегической теории игр. И могу сказать, что когда мы просчитывали на моделях ряд операций Великой Отечественной, то выявили, что операция «Багратион» была проведена математически идеально. Ее проводили люди, которые еще недавно ходили в лаптях. Они ее провели по высшим законам математики, там не было допущено вообще ни одной ошибки. Я не буду это говорить про киевский «котел» или про начало войны. Я говорю о конкретной операции.

Военачальники наши «сделали как детей» всех этих высокоученых победителей Европы: Рейнсгардов, Типпельскирхов, Йорданов, Вайсов и т.д. Они были из очень простых семей, но это им не помешало, потому что они были умны,

талантливы, мобилизованны, страстно любили Родину, они были профессиональны. Достаточно.

Но есть вещи, которые культивируются очень долго. Я не знаю даже, как это объяснить, но есть нечто в самом инстинкте и духе господства, что возвращает ЭТО за столетия. ЭТО называется игрой.

Я помню, как Александр Андреевич Проханов убеждал меня что-нибудь написать по поводу фильма «Казино „Рояль“». Я говорю: «Саш, ну что я буду писать по поводу фильмов?» – «Нет, нет, я там чувствую что-то метафизическое, что-то безумно важное».

Когда Горбачев сел за стол мирового преферанса, его там обыграли, как ребенка. Но речь идет вообще о мировой игре. Вот этой игре надо учиться.

Почему надо говорить о своем поражении? Потому что если ты не признал поражения – в игре или в «холодной войне», неважно, – то ты никогда не победишь. Любой настоящий реваншизм, а речь идет о здоровом реваншизме, начинается с того, что ты признаешь, что тебя «сделали». И дальше у тебя возникает настоящая спортивная, военная, боевая злость. Если такая злость не возникает наряду с другими чувствами (а она не возникнет, пока ты не признаешь случившегося), то ты все время будешь жить в полусне и увлекать себя какими-то сонными бормотаниями. Так нельзя. Так можно проспаться страну. Ее один раз уже проспали.

Итак, надо признать, что в этой игре (или «победе без войны») мы проиграли. И что для того, чтобы в следующий раз в ней победить, нужно учиться игре, нужно понимать ее во всей ее сложности. А это очень трудно сделать, но нужно, поймите, нужно! Чтобы простые граждане – наши физики опомнившиеся, математики, технари и другие – вдруг начали копаться в деталях происходящего, чтобы все эти люди поняли, что такое игра. А это нельзя сделать, не разбирая конкретных примеров.

Нет ничего наивнее и глупее представления, что в игре враг твоего врага – это твой друг. Нет ничего наивнее представления о том, что радикальный ислаимизм, проклинаящий

Соединенные Штаты, не нужен Соединенным Штатам. Соединенным Штатам нужен инструмент и удобный противник для большой игры. Удобный противник, хороший враг, такой, как надо, иногда гораздо полезнее друга.

В Соединенных Штатах в принципе существовали и существуют две главные стратагеми. Одна – это, скажем так, стратагема Республиканской партии или «фирменное блюдо имени Генри Киссинджера», согласно которой Ближний Восток держится на следующих китах – Израиль, Египет, отчасти Турция – и на стабильных военных режимах, про которые давно говорилось: «Сукин сын, но наш сукин сын», то есть на светском авторитаризме. Другая стратагема – скажем так, «фирменное блюдо имени Збигнева Бжезинского». Она состоит в том, что Соединенным Штатам нужен радикальный исламизм, для того чтобы играть на всех полянах.

В чем разница между этими стратагемами?

В соответствии с первой стратагемой – по Киссинджеру – Соединенным Штатам нужен новый мировой порядок, они воспринимают господство как порядок, подчеркиваю. И Киссинджер, и Бжезинский мыслят категориями американского мирового господства, но Киссинджер и его люди воспринимают (я условно называю здесь Киссинджера, условно говорю «республиканцы») господство как новый мировой порядок или как Четвертый Рим.

Что такое Рим? Рим – это когда в провинциях стоят легионы и когда эти легионы поддерживают Pax Romana – порядок, согласно которому кто-то может стать гражданином Рима, а кто-то будет его рабом; когда будут строиться дороги, а одновременно Риму подчинятся слои местных дикарей. И когда у всего этого есть единый центр – Цезарь. На каждой территории, где Рим становится сапогом своих легионеров, должен быть порядок. Сумма этих микрорегиональных порядков есть новый римский порядок.

Соединенные Штаты мечтали установить такой порядок вообще и особенно после того, как Советский Союз рухнул. Мечтали, но у них оказалась кишка тонка. Оказалось, что американский народ, зажавшийся, заснувший в своем кон-

формизме, не хочет обеспечивать этот новый мировой порядок своей кровью. Ведь что такое новый мировой порядок сейчас? Это не только план модернизации для покоряемых стран – такой, какой был когда-то для Японии и Германии. Это необходимость держать 300–400 тысяч солдат в Ираке, 500–600 тысяч – в Иране (потому что без такого оккупационного контингента любые бомбардировки есть верх кретинизма), это готовность вводить войска в Пакистан и дальше. И нужно предложить всем этим странам, повторяю снова, нечто наподобие японского или европейского сценария модернизации в условиях оккупации: план Мак-Артура или план Маршалла.

Соединенные Штаты к этому не готовы. Американский народ не хочет иметь трехмиллионную сухопутную армию, потому что это армия с обязательным призывом. Соединенные Штаты поняли, что они такой порядок установить не могут.

Но они не могут и отказаться от мирового господства! Во-первых, они не хотят. Англосаксы никогда не отказываются от мирового господства. Никогда! Во-вторых, они не могут это сделать по объективным причинам. Потому что у Соединенных Штатов осталось, за исключением высокотехнологической индустрии, в которой занято несколько миллионов людей – отнюдь не большинство населения, два средства господства: печатный станок и авианосцы.

Печатный станок печатает деньги и навязывает их миру, а авианосцы бомбят тех, кто не хочет брать эти деньги, и они их берут. Других средств нет. Если Соединенные Штаты уступят мировое господство – исчезнет печатный станок. И что тогда будет с Соединенными Штатами? Они упадут не с первого места на второе! Они упадут с первого места на четвертое или пятое. А когда они так упадут, в Соединенных Штатах начнется катастрофа распада. Даже если бы они захотели уступить мировое господство, они понимают, что не смогут избежать в этом случае катастрофы. Поэтому они этого делать не будут.

Но если Соединенные Штаты не могут и не хотят уступить мировое господство и одновременно не могут обеспечивать

его в режиме, условно говоря, «нового мирового порядка имени Киссинджера» – значит, они должны обеспечивать его иначе. Отсюда новый термин – «новый мировой беспорядок». Не ПОРЯДОК, а БЕСПОРЯДОК! Я впервые осознал серьезность этой концепции, когда начал знакомиться с работами Стивена Манна, который занимался приложениями теории хаоса в политике еще с 80-х годов XX века, а затем был высокостатусным дипломатом в разных странах, советником Госдепартамента по Каспию и т.д. Мне стало ясно, что это достаточно хорошо разработанная теория, использующая серьезный математический аппарат и одновременно выходящая на политическую практику.

Бжезинский отличается от Манна тем, что, во-первых, он старше. Во-вторых, он гуманитарен, а не технократичен. И в этом смысле он всегда глубже. В конце концов, вопросы-то стоят простые. Если твоя страна перестает быть привлекательной для инвестиций, то инвестиции начинают течь куда-то еще. Но если там, куда они текут, будет плохо, то у тебя будет хорошо. Все относительно. Что значит «хорошо»? Что значит ты «хороший» или «плохой»? Извините! Ты, может быть, очень плохой, но если все вокруг ужасные, то ты хороший. И инвестиции текут к тебе. Поэтому если в других точках мира сделать плохо, то у тебя будет хорошо. Почему не помочь конкурентам, чтобы у них стало плохо? И тогда у тебя станет хорошо. Это и есть фирменное блюдо Бжезинского–Обамы, отличающееся от блюда Буша–Киссинджера.

Но есть две вещи, в которых американская элита и глобальная западная элита едины. Скажу сначала об американской элите.

Высшая формула американской «реал-политик» звучит просто (хотя все делают вид, что ее не понимают): «Главный враг – это страна, которая в наибольшей степени приблизилась к неким потенциалам, дающим возможность бросить вызов американскому могуществу». Точка. Чем ближе страна приблизилась к уровню, с которого она может бросить вызов американскому могуществу, тем она опаснее. И совершенно наплевать при этом, какова ее идеология. Является ли эта

идеология идеологией свободы и демократии, или идеологией авторитаризма, или любой другой идеологией (например, советизма) – неважно! Важно, что вы приблизились к уровню, с которого можете бросить вызов американскому могуществу. Советский Союз приблизился больше всего – он враг номер один. Китай приблизится больше всего – он враг номер один. Европа, консолидировавшись, приблизится больше всего – она враг номер один. Любой, кто приближается в наибольшей степени к уровню, когда можно еще только бросить вызов американскому могуществу, становится врагом номер один. В этом единый закон. Тут едины республиканцы и демократы.

Кто сейчас в наибольшей степени начинает бросать вызов американскому могуществу? Китай. И в целом регион Азии. Как справиться с этой угрозой? Вот что мучает умы политических интеллектуалов в Соединенных Штатах. Это первый вопрос.

И есть второй глобальный вопрос, который мучает умы всех: «Скажите, пожалуйста, – говорят все, – что делать с миром, в котором китайцы и индийцы завоюют уровень благосостояния, равный американскому? С миром, в котором к одному миллиарду, который именуется золотым, прибавится еще четыре миллиарда, которые тоже захотят коттедж, а в коттедж электроэнергию, две машины, а в баки бензин и так далее?»

Я несколько раз наблюдал различные обсуждения в международной интеллектуальной элите. Обсуждается все что угодно, кроме этого тупого и простого вопроса. Потому что на него нет ответа. Потому что в тот момент, когда появятся четыре миллиарда, претендующих на тот же уровень благосостояния, что и у американцев, существующий мир рухнет. Но никто не даст им появиться и потому, что такое появление означает, что Соединенные Штаты будут глубоко отброшены и окажутся в зоне непреодолимой катастрофы. И потому, что с миром непонятно что делать. Нет новых идей по поводу того, что делать с миром.

На этом рассуждения останавливаются, и следующий пункт этих рассуждений прост: надо менять всю мировую

философию. Ибо на протяжении XVIII, XIX и даже начала XX века мировая философия имела ответ на вопрос, что есть прогресс – гуманизм, некая модернизация (которую у нас очень плохо понимают и которую путают с технической модернизацией: апгрейдом самолетов, компьютеров и прочим; модернизация – это глубочайший процесс). Считалось, что эта модернизация должна происходить повсеместно и закончиться тем, что во всех странах мира установится благоденствие. Говорилось: «Да, у африканцев или индийцев оно установится позже, потому что они дикари. Их сначала надо будет научить чему-то, неся „бремя белых“, по Киплингу. Но когда-нибудь потом и они будут наслаждаться тем же „процветать“ (процветанием)!». В этом философия глобального модерна.

Эта философия, которой навскидку лет 450, завершилась. Наступает конец почти 500-летней эпохе определенной философии. А у нас почти все, включая высшую политическую элиту, верят, как дети, что эта эпоха продолжается. И что, соответственно, у России есть место в какой-то там модернизации.

Поясняю. Модернизация («модерн» или «модернити»), взятая как большая стратегема, а не как способ апгрейда самолетов или компьютеров, заключается в первом приближении в следующем. Есть традиционное общество, общество до-«модернити» (крестьянское, коллективистское, аграрное). И есть необходимость создать современное индустриальное общество. Берется материал из традиционного общества, выдергивается оттуда крестьянин – порядочный, трудолюбивый, очень скромно живущий, совсем нищий. Этому крестьянину дают чуть-чуть больше и ставят его к станку. Из-за этого «чуть-чуть больше» он согласен работать, поскольку альтернатива для него – совсем маленькие деньги. Поэтому у него сильная трудовая мотивация.

Модернизация – это процесс, при котором в топку бросается, как дрова или уголь, «традиционное общество», и поэтому паровоз едет. Он едет до тех пор, пока есть что бросать в топку, – это первое.

Второе. Как модернизация это бросает в топку? Она уничтожает коллективистское традиционное общество. Она его индивидуализирует, атомизирует, переводит в современное состояние, навязывает ему другие стандарты регуляции и так далее. Читайте Гоббса, а также Вебера и других.

С этой точки зрения, модернизация сегодня идет только на Большом Дальнем Востоке, в одной из частей мира. И, между прочим, авторитарные партии, коммунистические или другие, прекрасно с этим справляются. Это Китай. Это полуавторитарная Индия, которая формально демократическая, но в которой есть очень сильное ядро. Это Вьетнам, из которого я недавно вернулся потрясенным, потому что очень скоро нам придется говорить совсем не о том, что мы должны будем догонять Китай (это смешно, мы Китай уже не догоним, если будем так двигаться).

Очень скоро нам придется говорить о другом – о том, догоним ли мы Вьетнам, где два или три урожая в год, а не зона негарантированного земледелия, как у нас. Где вокруг Ханоя стоят огромные заводы по электронной сборке. Где можно взять рабочую силу из традиционного общества в огромном количестве (ткачи, которые привыкли к тонкой работе руками, женщины и мужчины) и где этот человеческий материал очень просто довести до «наночистоты» – обучить, поставить к современным станкам и организовать сборку по технологиям XXI века. Этих людей огромное количество, и страна очень быстро движется вперед. Под руководством коммунистических партий, с мавзолеями Мао Цзэдуна и Хо Ши Мина. С 8–11% роста ВВП в год!

Гармония между богатыми и бедными обеспечивается правящей авторитарной партией. С одной стороны, она изымает часть дополнительного произведенного богатства у богатых и говорит им: «Не отдадите – палкой по голове». С другой стороны, передавая изъятое бедным, она говорит: «Если бедные потребуют больше, тоже палкой по голове». Баланс строится на том, что там капиталистический класс может дать эти 8–11% прироста богатства и он находится в узде крупных партий.

И рост населения... Молодые вьетнамки и вьетнамцы, разъезжающие на мопедах (красных, в основном, они их любят), как бы говорят: «Мы все рвемся в „просперити“, мы готовы работать сколько угодно!» И регион растет. Как коммунистические Вьетнам, Китай, так и полудемократическая Индия, так и классически капиталистические Южная Корея, Сингапур и так далее. Весь регион Большой Дальний Восток стал регионом №1, регионом модерна.

Есть второй регион – Большой Запад, в который входят и Соединенные Штаты. Этот регион отказался от модерна как такового. Он присягнул постмодерну как форме жизни: имморализм, отсутствие индустриального движения, опора не на традиционное общество, не на индустрию, а на сервис. Это гигантский сервисный регион. По мне, так наполовину мошеннический, но, скажем так, финансово-сервисный, информационно-сервисный. Чуть-чуть высоких технологий добавлено туда. Вот что это за регион.

И теперь на глазах у нас формируется третий регион. Если первый регион – это регион модерна, если регион №2 – это регион постмодерна, то третий – это регион контрмодерна, где люди говорят: «А мы не хотим этого вашего „модернити“, в отличие от вьетнамцев, китайцев и кого угодно. Это все скверна, это все зло. Мы хотим песок, пустыню, верблюда, саблю и шатер. И шли бы вы куда подальше с вашим „модернити“ и, тем более, „постмодернити“. Вы наши враги, мы хотим другого».

Этот регион, конечно, в основном исламский. Но ислам есть очень разный. Есть ислам, стремящийся к модернизации. Есть ислам полусветский, совсем уже модернизированный. И есть контрмодернистский радикальный ислаимзм. У меня полные шкафы материалов, которые кричат о том, что именно западные лидеры, западные цивилизации убивали и уничтожали умеренное, нерадикальное начало в исламе. Что это они возвращали новую культуру радикального ислаимзма. Что она искусственно возвращенная. Но, в любом случае, третий регион уже есть.

Почему мы говорим только об исламе, хотя мы должны

говорить о регионе контрмодерна и архаики в целом (и есть регионы другой архаики)? Потому что, конечно, исламистская архаика самая мощная. Это миллиард нагретых людей, которые рвутся к тому, что они считают своим благом и своей истиной, и будут рваться все мощнее и мощнее. Это уже понятно.

Итак, есть три эти региона. Три региона, запомним:

Регион №1 – Большой Дальний Восток, модерн.

Регион №2 – Большой Запад, постмодерн.

Регион №3 – Большой Юг или контрмодерн.

Теперь скажите мне честно, положи руку на сердце: где здесь место России? Россия может войти в Большой Дальний Восток и конкурировать с ним по части модерна? У нее нет традиционного общества! Она уже трижды себя модернизировала, она давно вошла в постиндустриальный мир. Она теперь назад из него вышвырнута. Наши Академцентры были прогрессивными частями постиндустриальной культуры. Модернизация проводилась несколько раз: при Петре, при Столыпине, при Сталине. И потом еще, когда разрушались бесперспективные деревни. У нас нет традиционного общества, которое мы можем бросить в топку модернизации, это утопия! Мы не можем таким способом идти, потому что, даже если бы мы захотели, у нас нет для этого ресурсов. Понимаете? – нет! Вообще нет.

Поэтому разговоры о классической модернизации – разговоры в пользу бедных. Мы не можем заставить людей так работать. И у нас нет столько молодых людей, сколько есть там, и мы не можем заставить их работать так, как они работают. И мы не можем даже дать им так мало, как дают там, чтобы они почувствовали себя счастливыми, потому что они уже имели больше. К тому же мы северная страна. Северная, понимаете? Тут нужен дом, нужно топливо, нужно каким-то образом обогревать себя. Мы не можем конкурировать в сфере аграрного производства с регионами, которые имеют 100-процентную дотацию на сельхозпродукты, или с регионами, где есть три урожая в год. Это же понятно! Мы не регион модерна, мы не Большой Дальний Восток.

Но мы и не Большой Запад. Все, кто стремится втащить нас в этот Большой Запад, просто наивны до предела. А ведь эти наивные попытки идут уже 20 лет.

Так кто же мы? Мы и не этот Юг.

Но это же катастрофа! Наша Родина бесконечно нам нужна, бесконечно нами любима и бесконечно для нас ценна. Но с точки зрения этой картины (которая не единственная!), ее приговорили все внешние силы. Ей просто нет места на формирующейся карте мира! Идет великая глобальная перестройка. И события в Египте, Алжире и других местах – это великая перестройка из формата «модерн для всех» в формат «трехчленки».

Но ведь это не все, потому что внутри этого формата есть ведь еще одна вещь. Именно Большой Запад и формирует Большой Юг – для удара по Большому Дальнему Востоку, потому что самым опасным врагом Большого Запада, остановившегося в своем развитии, является регион, который продолжает развитие. Это и Китай, и Индия, и – на перспективу – коалиция каких-нибудь стран Большого Дальнего Востока. Там продолжается развитие. Самая кошмарная мысль для американцев – это объединение Японии с Китаем в процессе индустриального и постиндустриального роста.

Мы обсуждаем одно Сколково, которое «то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет». Китайцы создали 1200 государственных инновационных суперцентров! И заманивают туда наших ученых. И те идут, ибо тут они нищие, а китайцы платят больше. Большой Дальний Восток стремительно развивается, и он бросит вызов мощи Соединенных Штатов и совокупного Запада. А чтобы он не бросил вызов, его надо остановить.

Но останавливать его прямой ядерной войной никто не может и не будет. Никто никогда не осмелится вести прямую ядерную войну против Китая, хотя и она обсуждается. И, между прочим, обсуждалась, в частности, группой В-2 («Би-2») под руководством Вулфовица, которая говорила, что последний срок, когда такую войну можно вести, – это 2017 год.

Мы входим в этап неравномерности развития империализма, который хорошо описали Гильфердинг и Ленин. Суть заключается в том, что Китай – это сейчас «Германия 1914 года», Соединенные Штаты – это «Великобритания 1914 года», а мир катится после обрушения СССР не во Вторую мировую войну, которая была войной идеологий, а в Первую мировую. Третья – аналог Первой, потому что это война за остановку развития «новой Германии», теперь называемой Китаем и Большим Дальним Востоком в целом.

Поскольку все боятся этой войны, а Большой Дальний Восток вооружается стремительно, то, скорее всего, будет принято единственно возможное решение – использовать теорию хаоса, т.е. бросить на этот Большой Дальний Восток всю мощь Большого Юга. Создав этот Большой Юг как управляемого тигра, который может порвать чужое горло. Вот для чего его формируют. Вот почему модель Киссинджера меняется на модель Бжезинского у нас на глазах.

Меня много упрекали за то, что я говорю, что для России Буш лучше, чем Обама, что вся эта перезагрузка – от лукавого. Но теперь-то все уже ясно! Обама снял маску. Просто этого никто не видит. Почему Буш лучше? Не потому, что он любит Россию, а Обама ненавидит. Плевать нам, кто любит ее, а кто нет. Главное, что ее все ненавидят. Там, в той стране, которую мы обсуждаем, – ненавидят все, кроме отдельных граждан, деятелей культуры (я говорю о политической элите). Нам неважно, любят они нас или ненавидят, мы не дети. Нам важно, чтобы они на сегодняшний день, пока мы слабы, воевали не с нами. И по возможности (опять-таки потому, что мы безумно слабы) поднимали цены на нефть. Да, нефтяное проклятье. Но вы только вообразите, что сейчас эти цены упадут до 19–15 долларов за баррель, вообразите, что тут стремительно разовьется! Тут никакие новые великие силы не разовьются. Тут другое произойдет, другое.

Значит, нам было важно, чтобы Буш делал то, что он делал. Мы должны были его проклинать и проклинали. Опасней всего, конечно, были Чейни и неоконсерваторы, потому что в 2008 году они уже решились воевать с нами, и

это было еще опаснее, чем Бжезинский. Но если б они воевали не с нами, а с Большим Югом, то это бы значило, что не состоялась главная опасность – понимаете, главная! – когда Запад объединяется с Большим Югом. Для нас это опаснее всего. Это проект Бжезинского, это афганская история, повторенная опять. Это есть наша тотальная смерть, это есть стратегия хаоса, и это сейчас происходит на наших глазах. Именно это и ничто другое.

А мы пытаемся делать вид, что мы этого не видим. Мы, как страус, прячем голову под крыло, а трезвый анализ событий, рациональную беспощадность происходящего и глобальную суть этого происходящего топим в сентенциях. Кто нам нравится, кто нам не нравится... Речь идет о судьбе нашего народа и судьбе мировой цивилизации, а мы рассуждаем в совершенно других категориях. И поскольку рассуждаем в совершенно других категориях, то даже тогда, когда нам на стол выкладывают абсолютные доказательства, мы все равно не хотим их видеть. Все равно не хотим понимать, что эти доказательства носят беспощадно очевидный характер.

Обсуждая беспощадные доказательства того, что за событиями в Алжире, Тунисе, Египте стоят просто американцы, что это новая стратегия Обамы, которая является фактически римейком старой стратегии Бжезинского (а в условиях наличия новой модели мироустройства она является даже чем-то большим, еще более опасным, чем стратегия Бжезинского), мы, прежде всего, имеем дело со знаменитым «Викиликсом». Всем нам на стол положили секретные документы, после которых говорить о том, что не американцы делали события в Египте, просто нельзя.

Оговорюсь: всегда есть естественный протест, естественная энергия народных масс, всегда есть ошибки или преступления режимов, особенно авторитарных – мубараковского или других. Я не говорю, что американцы это делают полностью, просто покупают каждого египтянина и выводят на улицу. Конечно, процесс другой. Речь идет о том, чтобы превратить некие предпосылки, скопившуюся энергию в процесс с определенной направленностью. Но как

можно, имея перед собою документы «Викиликса», отрицать то, что это делали американцы? Как можно это делать, имея перед собой, например, такие вот доказательства?

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО №1

Документ из посольства США в Каире, опубликованный «Викиликсом» и переданный газете «The Daily Telegraph»³.

ТЕМА: АКТИВИСТ «6 АПРЕЛЯ» О СВОЕЙ ПОЕЗДКЕ В США И СМЕНЕ РЕЖИМА В ЕГИПТЕ

1. 23 декабря активист xxxxxxxxxxxx из движения «6 апреля» выразил удовлетворение своим участием в «Саммите альянса молодежных движений» 3–5 декабря и его последующими встречами с официальными лицами правительства Соединенных Штатов, на Капитолийском холме и в аналитических центрах. xxxxxxxxxxxx заявил, что правительство Египта никогда не проведет значительные реформы, и поэтому египтянам нужно заменить сегодняшний режим парламентской демократией. Он утверждал, что несколько оппозиционных партий и движений одобрили неписанный план демократических преобразований в 2011 г.; мы сомневаемся в этом.

xxxxxxxxxxx сказал, что, хотя служба госбезопасности недавно отпустила двух активистов движения «6 апреля», она также арестовала еще трех членов группы. **Мы оказали нажим на Министерство иностранных дел, чтобы эти активисты «6 апреля» были отпущены.**

2. xxxxxxxxxxxx выразил удовлетворение «Саммитом альянса молодежных движений» 3–5 декабря в Нью-Йорке, отметив, что он смог познакомиться с активистами из других стран и вкратце изложить цели его движения по демократическим преобразованиям в Египте. Он сказал нам, что другие активисты на саммите выразили ему поддержку и что некоторые даже предложили провести публичные демонстрации в поддержку египетской демократии в их странах, пригласив xxxxxxxxxxxx в качестве гостя. xxxxxxxxxxxx был признателен за

3 The Daily Telegraph. 28.01.2011.

успешные усилия **Департамента** и организаторов саммита по защите его имени на саммите и сказал нам, что его имя ни разу не было названо публично.

3. xxxxxxxxxxx сказал нам, что служба госбезопасности задержала его и обыскала в аэропорту Каира 18 декабря после его возвращения из США. Согласно xxxxxxxxxxx, служба госбезопасности нашла и конфисковала два документа из его багажа: записи для его презентации на саммите с описанием требований «б апреля» проведения демократических преобразований в Египте и расписание его **встреч на Капитолийском холме**.

4. xxxxxxxxxxx описал свои встречи в Вашингтоне как позитивные, сказав, что в Конгрессе он встречался с xxxxxxxxxxx, разными штатными сотрудниками палаты представителей, включая из офиса xxxxxxxxxxx и xxxxxxxxxxx, и с двумя сотрудниками Сената.

5. xxxxxxxxxxx рассказал, как он пытался убедить своих собеседников в Вашингтоне, что правительство США должно оказать давление на правительство Египта для проведения значительных реформ, пригрозив обнародовать информацию КАИР 00002572002 от 002 о предполагаемых «нелегальных» счетах в оффшорных банках египетских официальных лиц. Он надеялся, что США и международное сообщество заморозят эти банковские счета, как это было со счетами доверенных лиц президента Зимбабве Мугабе. xxxxxxxxxxx сказал, что он хочет убедить правительство США, что Мубарак хуже, чем Мугабе, и что правительство Египта никогда не согласится на демократические реформы. xxxxxxxxxxx заверил, что легитимность Мубарака зависит от поддержки США, и поэтому обвинил США, что они «ответственны» за «преступления» Мубарака. Он обвинил НПО, работающие над политическими и экономическими реформами, что они живут в «мире фантазий», не понимая, что Мубарак – «голова змеи» – должен уйти, чтобы демократия могла пустить корни.

6. xxxxxxxxxxx заявил, что несколько оппозиционных сил – включая партии «Вафд», партию Нассера, Карам и Тагамму, а также «Братья-мусульмане», «Кифайя» и движение

революционных социалистов – одобрили неписаный план по переходу к парламентской демократии (с ослабленным президентом и усиленными премьер-министром и парламентом) до запланированных в 2011 г. президентских выборов. По словам хххххххххх, оппозиция заинтересована в получении поддержки со стороны армии и полиции для переходного правительства до выборов 2011 г. хххххххххххх заявил, что этот план настолько конфиденциальный, что его нельзя записать.

(Комментарий: У нас нет информации, подтверждающей, что эти партии и движения договорились о нереалистичном плане, изложенном хххххххххххх. хххххххххххх ранее говорил нам, что его план доступен всем в интернете. Конец комментария.)

Итак, это классическое специальное донесение. Поставьте там другие имена активистов и информаторов, представьте, что речь идет о счетах не каирских (не египетских) олигархов и политиков, а других, поставьте вместо одной страны другую – и вы увидите, как именно вывариваются эти планы. Оппозиционеры ничего не смогли бы, если бы их не готовили. А вот теперь мы знаем, как их готовили и кто. И после этого вдвойне нужно быть слепым, глухим и абсолютно обалделым, чтобы не понимать, что, кто и как делал.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО №2

Из статьи Владимира Овчинского «Сетевой революционер Обама», опубликованной агентством «Росбалт» 9 февраля 2011 года:

1 февраля 2010 г. в американском издании *The Daily Bes* вышла статья «Школа Госдепартамента для революционных блоггеров».

В ней говорится, что еще в декабре 2008 г. в студенческом городке юридического факультета Колумбийского университета (С.К.: Все тот же Колумбийский университет!) проходило обучение молодых оппозиционных активистов из разных стран, в том числе из египетского движения «6 апреля» (именно они

были одними из инициаторов массовых выступлений против Мубарака в январе–феврале 2011 г.), по программе «Борьба против репрессий, угнетения и насильственного экстремизма».

Среди «учителей» – Джо Роспарс, Скотт Гудстейк и Сэм Грэхем-Фемен, отвечающие в команде Обамы за социальные сети; ведущая утреннего шоу на канале Эй-би-си Вупи Голдберг; сотрудники Госдепартамента Джеймс Глассман и Диаред Коэн (специалист по информационным технологиям и инновациям); основатель Facebook Джастин Московитц; президент компании Howcast Джейсон Либман.

Среди «учеников» оказались: колумбиец, который успешно использовал Facebook для мобилизации марша в 12 миллионов человек против марксистских боевиков (ФАРК);

венесуэльский активист, организовавший протест студентов против президента Уго Чавеса;

представители разнообразных групп («Сеть интервенции против геноцида», «Сеть глобальных действий» из Бирмы и базирующаяся в Лондоне компания против преступлений, совершенных ножами).

Организатором «курсов» выступила НПО «Альянс молодых движений».

Вся эта работа велась под патронажем госсекретаря США Хиллари Клинтон. **В мае 2009 г.** Клинтон и исполняющий обязанности помощника госсекретаря по делам Ближнего Востока Джефффри Фелтман встречались с шестнадцатью активистами в рамках программы Freedom House «Новое поколение». Freedom House и Национальный фонд в поддержку демократии стоят в самом центре восстания, которое сейчас захлестывает исламский мир.

Имеются прямые доказательства участия представителей крупнейших IT-структур, связанных с Белым домом, в организации беспорядков в Египте. 7-го февраля выпустили на свободу топ-менеджера ближневосточного отделения Google Ваэль Гонима, задержанного по подозрению в организации массовых выступлений в Египте. После выхода на свободу в интервью каналу Dream TV Гоним признался, что еще в июне 2010 г. создал в Facebook страницу против режима Мубарака.

В начале декабря Гоним, действуя под псевдонимом, призвал к уличным выступлениям. К концу декабря на страницу ежедневно заходило уже около полумиллиона человек.

Все это входит в комплекс действий кампании по поддержке стратегии Белого дома: «бороться с диктаторскими режимами через интернет», – объявленной Хиллари Клинтон в январе 2010 г.

Всё это есть в открытой печати! Называются имена, даты, центры подготовки. Рассказывается, как эта подготовка велась. Это типичная подготовка спецопераций, классическая, помноженная на некоторые факторы. И что? Нужно видеть всё и говорить, что этого нет. А зачем? Для того чтобы прятаться за какие-то стереотипы, иллюзии. Но когда факты – беспощадные, страшные – давят на стереотипы и иллюзии, то либо эти стереотипы и иллюзии должны уйти прочь, либо человек становится неадекватным. И не только человек – движение, политическая элита... А ведь от интерпретации приведенных фактов и от их учета зависит буквально вопрос о том, будут завтра жить граждане России на своей земле или они будут валяться – закопанными в ней или гниющими на поверхности.

Но это еще не все, поскольку тут речь идет о новом факторе, о том самом интернет-факторе, который отчасти замалчивают.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО №3

свидетельствует о том, что это не локальный египетский процесс. Что это большой процесс, что это большая глобальная перестройка, в том числе и с использованием новых технологий.

Из статьи Владимира Овчинского «Сетевой революционер Обама», опубликованной агентством «Росбалт» 9 февраля 2011 года:

Барак Обама и его команда не были первооткрывателями интернет-революций.

Опыт первой «цифровой» революции был получен на Филиппинах: 17 января 2001 года, через два часа после того, как парламент блокировал процедуру импичмента в отношении президента Джозефа Эстрада, граждане страны послали друг другу более 7 миллионов электронных писем с призывами выйти на улицы и участвовать в акциях протеста. Миллион протестующих на улицах Манилы – и Эстрада лишился президентского кресла.

Во время «сетевой» революции в Испании 2004 года демонстрации, организованные при помощи электронной почты, вынудили премьер-министра Хосе Марию Аснара покинуть свой пост.

Приход Барака Обамы на пост президента США совпал с активизацией использования информационных технологий при попытках организации «цветных революций»: Молдавия (2009 год); Таиланд (2010 год). Наиболее ярким примером стала «твиттерная революция» в Иране в 2009 году.

Итак, мы видим серию событий, видим, что все они готовятся по одному лекалу, видим, кто за этим стоит и куда это в принципе ведет, но мы должны сказать, что этого нет. Чего нет? Мы знаем, что еще в 2005 году в Американском Университете в Каире Кондолиза Райс, тогда госсекретарь Соединенных Штатов (это не администрация Обамы, а еще администрация Буша на своем закате!), заявила: США действовали в течение ряда лет ошибочно (имелась в виду доктрина Киссинджера), опираясь в регионе на стабильность, даже если она мешала тяжелой работе сил демократии. Но больше США такой ошибки не сделают; прежняя доктрина тем самым отменяется, а США позволят теперь работать тяжелым силам демократии везде.

Но ведь все понимают, что в Египте есть две силы: военные и исламисты («Братья-мусульмане»), что третьей силы просто нет. Я в разговоре с одним египтянином спросил: «А на кого будет опираться у вас демократия, демократические лидеры, если нет военных и «Братья-мусульмане», как вы говорите, – это опасная сила? На кого демократия будет опираться?»

Он посмотрел на меня жалобными глазами и говорит: «Как «на кого»? На Конституцию!» Я спрашиваю о социально-политической опоре, а он ничего сказать не может, потому что всем понятно, в чью пользу развивается процесс.

На обсуждении у Шевченко («Первый канал», программа «Судите сами», 3 февраля 2011 года) человек, учившийся в Каирском Университете, говорит: «Братья-мусульмане – одна из немногих организаций, которая может пожать плоды того, что сейчас происходит».

Я отвечаю: «Вы говорите: „Мы же видим, что Братья-мусульмане воспользуются...“ Вот вы видите, что они воспользуются, а Джон Бреннан, советник Обамы, не видит, Обама не видит... Конечно же, они тоже видят, кто именно и чем воспользуется...»

Говорят, что Обама не поддержал революцию в Египте. Это наглая ложь, ее опровергают прямые заявления Обамы.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО №4

Из специального заявления президента США Барака Обамы 2 февраля 2011 года⁴:

Президент Мубарак признал в разговоре со мной, что статус-кво сохранить нельзя и необходимы перемены. Именно об этом говорит народ Египта сейчас. Я заявил президенту Мубарак, что переход власти должен быть мирным и должен начаться сейчас. Америка слышит голос молодежи Египта. Жителей этой страны ожидают трудные моменты, но я уверен, что народ Египта найдет ответы на вызовы, которые встанут перед ним.

Это смертный приговор союзнику США Мубарак. Почему? Потому что он уже не союзник. Потому что доктрина Киссинджера демонтирована. Потому что начинается строительство нового мира. И потому что те, кто вчера был союзником, сегодня являются шлаком, пылью у ног, грязью,

4 http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/02/02/n_1685346.shtml

их просто отряхивают и убирают в сторону. Мубарак умоляет Обаму: «Надо чуть-чуть подождать, я передам власть!» – «Нет, это должно начаться сейчас, мы слышим голос египетского народа!» И Обама обращается к египетским военным.

Но ведь не только Обама воздействует на процесс!

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО №5

Из заявления госсекретаря США Хиллари Клинтон в интервью американскому общественному радио NPR 6 февраля 2011 года:

Сегодня стало известно, что организация «Братья-мусульмане» также решила принять участие в диалоге, проведение которого мы приветствуем. Мы будем наблюдать за развитием событий, о наших ожиданиях мы уже заявили вполне ясно. Египтяне хотят мирной передачи власти, которая может привести к свободным и справедливым выборам. Соединенные Штаты последовательно поддерживают такое развитие событий. Сам народ и лидеры различных египетских общественных объединений, в конечном счете, решат, отвечает ли это их потребностям.

«Братья-мусульмане» – это организация, созданная в 20-е годы XX века в зоне Суэцкого канала. В появлении которой огромное участие приняли англичане. Которая была возвращена на идеях радикального исламизма и глобального джихада и создания единого Халифата. Которая никогда от этих идей не откажется, поэтому и является всемирной. И для которой отдельные национальные государства – это просто грех, джахилия. Это организация, которая сейчас пытается натянуть на себя маску мирности и которая, совершенно понятно, во всех регионах хочет строить только этот глобальный халифат, т.е. Большой Юг. Ее генезис, ее структура, ее ориентация всем ясны. Все понимают, что это она неумолимо движется после отбрасывания военных.

И американцы это делают. Зачем? Они такие глупые и не понимают, что они делают? Они не понимают, что они сделали,

демонтировав Ирак и подогрев радикальный исламизм там?

Они создают Большой Юг.

И тут возникает вопрос: если они его создают примерно для тех целей, о которых мы говорим... если надвигающиеся события неминуемо аукнутся нам в Средней Азии... если это все так, то в чем тут новые мрачные угрозы, которыми начинен формирующийся у нас на глазах мир, подводящий черту под почти 500-летней эпохой формальной декларации модерна?

И в чем тут наша надежда? Почему именно в безнадежности этого мира для нас коренится надежда?

И как эта надежда связана с той драгоценностью, которая содержится внутри забываемого, неанализируемого, отбрасываемого советского наследия? Что там есть внутри такого, что может этот мир абсолютной безнадеги превратить для нас в мир рывка и надежды?

Вот об этом поговорим в следующий раз.

22 февраля 2011 года

Выпуск №4

События развиваются так быстро, что никакие комментарии за ними не поспевают. В предыдущем выпуске передачи я доказывал: именно американцы устроили то, что происходит на наших глазах в Египте и во многих других государствах Северной Африки и Ближнего Востока. Я кричал: «Посмотрите, ну вот же данные! Неужели вы этого не видите?»

А между тем президент США Барак Обама публично сравнил события в Египте с падением Берлинской стены⁵. Нужны комментарии?

В свое время Бжезинский сказал, что русские, позволив рухнуть Берлинской стене и согласившись на объединение Германии на условиях Запада, фактически подписали Компьенский мир. Помните, что такое Компьенский мир? Это когда в конце Первой мировой войны немецких генералов привезли в Компьенский лес в железнодорожном вагоне и они там, в клетке, подписали акт о капитуляции.

Итак, теперь Обама смотрит спокойно в камеру и говорит: «Рухнула новая Берлинская стена». Она отлично рухнула, не правда ли? Абсолютный триумф демократии! Ликвидирован парламент – первый шаг к демократии. Отменена Конститу-

⁵ THE WHITE HOUSE. Office of the Press Secretary. REMARKS BY THE PRESIDENT ON EGYPT. 11.02.2011. (www.america.gov).

ция – второй шаг к демократии. Остановлена деятельность Конституционного суда – третий шаг к демократии. Вот как быстро развиваются события.

Есть такой анекдот. Двое собрались распить бутылку на улице, ищут третьего. Долго не могут найти. Наконец, идет какой-то интеллигент. Они ему предлагают:

- Не хочешь присоединиться?
- Хочу, но только как же без закуски?
- Да какая закуска!
- Давайте хотя бы стакан найдем...
- Какой стакан? Из горлышка пей!
- Нет, из горлышка я не могу.

Стали искать стакан. В одном автомате для газировки (если кто помнит, были такие) нет, в другом нет... Вдруг у них на глазах какой-то пьяный падает в лужу и мычит что-то нечленораздельное. Первый говорит второму: «Видишь, наши уже гуляют, а мы с интеллигентом все стакан ищем!»

Так вот, «наши уже гуляют». Они говорят о том, что рухнула новая Берлинская стена. Они говорят о том, что произошедшее событие ничуть не менее значимо, нежели то, после которого Советский Союз подписал «Компенский мир», то есть полностью капитулировал...

А «мы с интеллигентом все стакан ищем»: «Докажите, что структуры, которые приходят к власти в Египте, – это злые силы, а не добрые!»

«Злые», «добрые» – это понятия относительные, и я не хочу ими оперировать. Я никогда не буду демонизировать ни одно, даже самое радикальное, движение. Люди борются за свои идеалы... Важно, за какие и как эти идеалы соотносятся с нашими.

Я всегда выступал и буду выступать против другого – против того, чтобы, едва увидев, как некто атакует твоего врага, сразу начинать радоваться и кричать: «Ура, ура! Это наш друг!» Этот некто может оказаться еще более беспощадным врагом, чем тот, кого он атакует. Он может о чем-то договориться с твоим врагом. И так далее...

Джордж Сорос сказал, что его цель – поддержать «Братьев-

мусульман»⁶. Теперь по всему миру началась кампания: нам рассказывают, что «Братья-мусульмане» – организация социальной благотворительности... Это очень смешно! И, главное, это оскорбительно для самих «Братьев-мусульман». Был такой революционер Сейид Кутб, мученик данного движения. Его называли «Че Геварой», «Лениным исламизма». Это он – филантроп? А в чем состояла его филантропия? «Братья-мусульмане» убивали – и их убивали, и они мученически терпели репрессии со стороны власти. За что? За социальную филантропию?

Да, конечно, одним из элементов политической стратегии «Братьев-мусульман» является еще и социальная филантропия, создание структур, помогающих бедным, потому что в среду бедных гораздо легче проникать с помощью таких структур. Вообще, подобное тотальное проникновение есть основа философии «Братьев-мусульман». Но это вовсе не значит, что «Братья-мусульмане» являются филантропической организацией.

«Братья-мусульмане» нацелены на захват власти и установление определенного мирового порядка, что написано во всех их документах. И никто не отменил ни создания мирового Халифата, ни очищения от ересей и наслоений светскости, а также от «порочного» национализма, «порочного» умеренного исламского существования. Все это названо оскорбительным словом «джахилия», что означает кощунство, обрушение в язычество (и это, возможно, даже хуже, чем, например, христианство твоего смертельного врага).

Никто не отменил Халифата. Значит, никто не отменил принципа, по которому Халифат должен находиться на той территории, где когда-то был ислам (а, между прочим,

6 Финансист Джордж Сорос заявил: «...Наиболее организованной политической оппозицией, сумевшей выжить в авторитарной среде государства, являются «Братья-мусульмане». В результате свободных выборов «Братья-мусульмане» станут главной политической силой, хотя большинство им и не гарантировано... Будучи убежденным сторонником демократии и открытого общества, не могу не разделять энтузиазм, распространяющийся по Ближнему Востоку... Мои фонды готовы помочь, чем могут». Soros G. Why Obama has to get Egypt right // The Washington Post. 03.02.2011.

в России эта территория достаточно обширна). И не надо выставлять «Братьев-мусульман» – движение радикальное, насыщенное политической и метафизической энергией, энергией конечных стремлений, в соответствии с которыми весь мир в итоге должен начать жить «праведно», то есть исламской жизнью, – благотворительным обществом. Это стыдно, нехорошо, неправильно.

Сегодня американцы называют «Братьев-мусульман» «хорошей» организацией! Добрые такие «Братья-мусульмане»! Перед этим они уже талибов начали делить на «добрых» и «недобрых», «хороших» и «плохих». Хорошие – это те, которые им нужны. Плохие – это те, кого надо наказывать.

Пройдет время, и окажется, что в списке наказуемых будет только бен Ладен. Или бен Ладен и Завахири. Или еще два-три человека. Все остальные окажутся «хорошими». На самом деле, они будут еще более свирепыми, чем бен Ладен, еще более насыщенными все той же энергией, которая движет бен Ладена по историческому пути (или контристорическому, если точнее сказать). Но они будут названы «хорошими»... Войска уйдут из Афганистана, а волна талибов двинется в Среднюю Азию и оттуда к нам. Я иногда явственно вижу эту картину: Кавказ, как шлюз, ломается – и оттуда вся эта энергия течет на нашу территорию...

Если мы не сможем ничего противопоставить:

а) Модерну, развивающемуся сейчас на Большом Дальнем Востоке (проекту №1),

б) Постмодерну, развивающемуся на Большом Западе (проекту №2),

и

в) Контрмодерну, развивающемуся на Большом Юге, который сейчас сооружают на наших глазах (проекту №3),

– если мы просто окажемся перед необходимостью выбрать одну из этих альтернатив, смерть России неизбежна. Потому что у России нет стратегического пути в рамках этих трех альтернатив.

Россия никогда не сможет войти в Большой Дальний Восток. В ней просто нет «человеческого ресурса» – огром-

ного количества энергичных, жаждущих весьма скромного процветания, готовых дисциплинированно работать за малую заработную плату рабочих. Нет этой человеческой массы, которая есть там. И нет еще многого другого: нет определенных этических и даже религиозных установок, и так далее. Нам туда не войти.

Войти в Большой Запад (о чем мечтают многие, начиная с наших политических руководителей и кончая частью рядовых граждан, которые волокутся за этой утопией на протяжении последних 20 лет) тоже невозможно. Нам нет места в этом «сервисном центре». Мы не существуем в том его очаге, который занимается высокими технологиями. Мы не существуем в том его очаге, который занимается мировыми финансовыми услугами. Мы не существуем в том его очаге, который занимается сервисом. Кроме того, сам Большой Запад (во всяком случае, европейская его часть) скоро тоже будет атакован Большим Югом.

Наверное, вы обратили внимание, как один за другим трое руководителей главных европейских государств: Германии, Франции и Великобритании – заявили, что мультикультурализм – это утопия. И что если они будут дальше двигаться в рамках данной утопии, то это будет иметь плачевные последствия. Что они имели в виду? Что такое этот самый мультикультурализм? Все считают, что это такое братство народов. Отнюдь!

Братство народов всегда существует вокруг какого-то ядра, оно складывается вокруг какого-то центра, вокруг какого-то высокого смысла – исторической судьбы, гигантского исторического проекта, огромной накаленной энергии с ее жаждой Идеального. Вокруг Идеального вообще.

А мультикультурализм – это совсем другое. Это не когда вы складываете из камней собор, подчиненный великому замыслу, а когда все камни валяются отдельно. «Есть маленькая секта, и есть великая мировая религия – пусть сосуществуют на равных! Есть чужое нам начало, которое отрицает всю нашу историю и культуру, и есть наше начало – пусть сосуществуют на равных!»

Но ведь при таком подходе все теряет смысл: все мировые религии, все мировые смыслы. Это и есть постмодернистский принцип существования.

Этого постмодернизма уже испугались главы основных европейских государств, поняв, чем он чреват. А чреват он тем, что государств попросту не будет. Но граждане-то их не хотят так просто отказаться от своего государства, от своей идентичности, хотя им это кто-то и зачем-то интенсивно навязывает...

У нас наши политики сначала заявляют, что отказ от мультикультурализма это плохо, а потом говорят, что нужно построить единую нацию и вокруг нее сохранить все остальные идентичности.

Построить единую нацию и вокруг нее сохранить идентичности – это не мультикультурализм! Мультикультурализм – это когда никто единой нации не строит, когда все рассыпается на мозаику несовместимых друг с другом суррогатных культур. Потому что каждая культура, отказавшаяся от универсума, то есть от иерархии ценностей и построения самой себя в рамках какого-то здания, от миссии, от мечты, – каждая такая культура превращается в суррогат. Она остывает, становится холодной, безразличной. И тут вам что великое произведение мировой культуры, что фэнтези...

Постмодернизм отказывается от многого. Но мы-то от этого «многого» отказаться не можем и не хотим!

Мы не успеем войти в сервисность Большого Запада, войти в эти нормы жизни. Мы просто никому там не нужны.

Итак, нам нет места ни в Большом Дальнем Востоке, ни в Большом Западе.

Что же касается Большого Юга, то он устремится на нашу территорию. Наша территория должна быть ему отдана в качестве почетного приза.

Моя мать как-то рассказала мне такую историю. Она готовилась сдавать кандидатский минимум для поступления в аспирантуру, а было это сразу после войны. Солдаты только что пришли с войны, и в соседней комнате (это

была коммунальная квартира) один солдат крутил роман с барышней. Они все время заводили патефон, очень громко играла музыка. А потом солдату надоело, и, когда он с патефоном уходил из квартиры, мать этой барышни кричала ему вслед: «Патефон ты должен ей оставить за ее поруганную честь!»

Так вот, смысл в том, что радикальному исламу, который все-таки пострадал от рук своего бывшего союзника по Афганистану – Соединенных Штатов, нужны призы. Он обиделся, и, для того чтобы он снова согласился идти с США в одной упряжке, ему нужны почетные призы.

То, что первый почетный приз – это Израиль, ни у кого не вызывает сомнений. А второй почетный приз – это Россия. «Патефон ты должен ей оставить за ее поруганную честь». А что делать со страной, которая не входит ни в Большой Дальний Восток, ни в Большой Запад, в условиях, когда Большому Югу нужно продвигаться и продвигаться?

Юг хочет прийти на Север. В том числе он хочет включить в себя наши пространства, чтобы, например, быть способным атаковать Китай с севера и ограничить европейские возможности. Поэтому ввести Россию в Большой Юг, отдать ее как почетный приз «за поруганную честь» радикальному исламу и Контрмодерну в целом очень даже лакомо...

В России уже идет контрмодерн. Мы просто не видим, как он идет. После того, что я назвал «падением», «сбросом», «отказом от первородства», начался регресс...

(Кстати, я пока только намечаю некоторые темы. Их еще придется разбирать более подробно, со специалистами: спрашивать, что такое регресс, как идет надлом, какими именно способами можно преодолеть это. Я внимательно читаю все, что по этому поводу сказано, чтобы потом эти темы – уже в другом формате передачи – разобрать медленно, последовательно, превращая анализ в нечто типа виртуального лица или виртуального университета.)

Итак, в России уже идет контрмодерн. Россия сама становится на путь контрмодернизации – под восклицания

о том, как быстро нам надо модернизироваться. Потому что элементами модерна, которые тоже надо обсуждать отдельно, являются:

- рост индустрии (а у нас идет деиндустриализация),
- рост качества образования (а у нас идет падение качества образования),
- рост великих культурных достижений.

Модерн всегда строится на великом романе. Большой роман как бы заменяет то, что раньше существовало в ядре культуры в религиозном смысле. Недаром роман называют «эпосом Нового времени». Нового времени – то есть Модерна.

Где этот большой роман? Где большая культура? Где классические формы? Идет падение: засилье «попсы», криминализация культуры, ее превращение в почти физиологический суррогат, нацеленный то ли на наслаждение, то ли на какой-то энергетический «подживляж». Мы же видим все эти процессы! Идет превращение территории в регрессиум, в зону деградации. И там, внутри этой зоны, вспухает все, что угодно. Там уже дышит архаика.

Если говорить о том, что враг сделал с Россией, то он, конечно, испробовал на ней технологии, которые повернули историческое время вспять. Помните, когда-то Георгий Димитров кричал на процессе: «Колесо истории вертится, напрасны усилия повернуть его вспять!» Сумели, сумели повернуть вспять! Когда «сломали хребет», когда «порвали цепь времен» – время повернулось вспять. И оно идет в обратную сторону...

Мы впадаем в новое средневековье, которое не является Средневековьем в высоком смысле, потому что Средневековье двигалось в восходящем историческом потоке, а мы движемся в нисходящем. Мы впадем в рабовладение, которое тоже не будет рабовладением в строгом смысле слова, потому что рабовладение античности двигалось в восходящем потоке, а нынешнее рабовладение будет двигаться в нисходящем.

Те, кто надеется, что Контрмодерн задержится на христианстве или что какое-нибудь фундаменталистское, архаизи-

рованное христианство станет альтернативой современности, очень ошибаются. Потому что регресс не знает остановки. Он идет нон-стоп. Он сметет и христианство, сломает его великие принципы так же, как он сломает великие принципы всех мировых религий... Возможно, какие-то группы ему не подчинятся. Но кто сказал, что крупнейшей неподчинившейся группой не окажется радикальная исламистская группа, которая как раз остановится на своей «классике»? И кто сказал, что сам этот радикальный исламизм является полноценным исламом, а не постмодернистско-архаическим конструктом?

Постмодернизм живет конструктами. Он создает схемы религий, верований так, как создают машины, – из кубиков, примитивно. Он игнорирует подлинность во всем. И вот это игнорирование подлинности (которая всегда исчезает вместе с первородством и при переломанном хребте) тоже является огромной угрозой для России.

Большой Запад хочет распространять архаизацию на некоторые регионы мира – например, на страны Большого Юга, где он намерен создать этот накаленный исламизм... Почему бы не распространить архаизацию и на Россию? Мы же действительно существуем в поле полноценного регресса.

Нам на форум пишут очень милые и в целом наделенные всеми способностями к благу люди, в том числе и молодые. Один из таких молодых людей – с высшим образованием, между прочим, – пишет: «А что это Кургинян все рассуждает о чечевичной похлебке и первородстве? Это что, сленг такой?» То, что было достоянием всей мировой культуры, – это уже «сленг»...

Вы чувствуете, куда мы идем? Понимаете, что такое деиндустриализация, декультурация, десоциализация? Рвутся общественные связи. Если бы эти общественные связи существовали, то давно бы сформировались ядра политических и общественных движений, которые бы бросили вызов доминированию регресса. Но они не формируются, потому что регресс разрывает их на части. А когда я говорю о том, что эта ситуация адресует к термину «спасение» –

к формированию особых катакомбных форм существования, – то слышу в ответ: «Да какие там катакомбы! Вот мы сейчас встанем, устроим флэш-моб или что-нибудь в этом духе, и все злые силы падут. И мы вернемся туда, куда хотим». Но это же опять регрессивная иллюзия! Ничего подобного не произойдет.

Мы с вами должны обсуждать одновременно очень сложные и очень простые вещи. Хотите, я совсем по-простому расскажу, как именно американцы организуют все эти «твиттерные революции»? Все происходит очень просто.

Есть пирамида. Авторитарная пирамида, которая все-таки пробует осуществлять модернизацию. Все что угодно плохое можно говорить про Мубарака. Но даже в 2008 году, в период наибольшего падения экономики, у Мубарака были 4–5 % роста! Говорят, что там бедняки восстали... Вы знаете, сколько стоит большая лепешка хлеба в Египте? Она стоит раз в пять дешевле, чем в Москве, а то и в десять.

Восстали совсем другие слои населения – по определенной отмашке. Это не значит, что режим Мубарака не совершал преступлений или не был коррумпирован. Но именно тогда, когда режим начинает мешать, ему – после долгих лет полного одобрения – выносятся смертный приговор. Вердикт выносят не потому, что в Египте вырос уровень коррупции и т.п., а потому, что что-то перестает удовлетворять. Или нужно что-то, с чем авторитарные режимы несовместимы. В глубоком философском плане режимы авторитарного типа «плохи» тем, что они обеспечивают развитие. А это развитие уже не нужно!

Авторитарные режимы всегда верили в модернизацию, они поверили западным словам о том, что нужно идти этим путем. Почему кемалисты отказались от Османской империи? Потому что им наобещали, что они станут настоящей, полноценной европейской страной. Когда через много лет они сказали: «Мы светское модернизированное государство, возьмите нас в Европу», – им ответили: «Пошли вон отсюда!» И вот тогда началась исламистская реакция.

Конечно, среди авторитарных режимов – полусветских, мягко-исламских и так далее – бывают и такие, которые не

развивают свои страны. Но чаще всего они их развивают. А параллельно этому рождается коррупция, всякие там приближенные семьи, что, конечно, омерзительно и что, конечно, порождает, в том числе, и преступления. Никто не говорит, что народ не имеет базы для органической – без всяких американцев – ненависти к своим режимам. Но дело-то не в этом, а в «пирамиде режима».

У режима есть элемент №1 – правящая верхушка.

Есть элемент №2 – военно-репрессивный аппарат.

Есть элемент №3 – проамериканская, относительно благодеиствующая часть общества (не хочу называть ее «средним классом»).

И, наконец, есть элемент №4 – народные массы.

В народные массы внедряется некое контрмодернистское движение, например «Братья-мусульмане». За счет диалога с этим движением берется под контроль элемент №4.

Элемент №3 берется под контроль через этот самый «твиттер» и, вообще, потребительские ценности и глобализацию. Представители этой части общества ездят по миру. Вы были в Египте накануне событий или незадолго до них? Рестораны полны людей, у всех компьютеры с «фейсбуком». Каир гудел от потребительских восторгов. Именно эта часть потом вышла на улицы. Этой части можно через «фейсбук», «твиттер» и пр. выдавать сигналы и планы, как должно действовать. Там уже есть и вполне проамериканские либеральные организации.

Итак, под контроль взяты либеральный элемент №3 и контрмодернистский элемент №4.

Дальше главный вопрос – как сломать военных (элемент №2)? Если их не сломать, ничего сделать нельзя.

Как их ломают? Через «счетоводную». Значительная часть ближневосточных и североафриканских авторитарных режимов позволяла военным создавать крупные состояния, превращаться в класс богатых. Военные, поскольку они же все-таки бюрократия, вывозят деньги за рубеж. Как только они вывезли деньги за рубеж, самое дорогое у них (как и у чиновников) – это их счета. И эти счета, которые находятся

в основном на Западе, становятся рычагом воздействия на репрессивный аппарат.

Американцы фактически владеют «выключателем» репрессивного аппарата. Военный аппарат поэлементно «прощупывают» на наличие счетов, а затем начинаются индивидуальные проработки: «Дорогой мой, у тебя же есть счета, мы же можем их арестовать! А вот если ты будешь делать так, как мы хотим...» (В таких случаях разговаривают почти как в фильмах про террористов: «Делай, как я говорю, и все будет хорошо».) И репрессивный аппарат отключается!

Надеюсь, понятно, что я не только о Египте говорю. «Этот колокол звонит по тебе».

Когда военный элемент отключают, это служит сигналом, прежде всего, для либерального элемента, а также отчасти и для фундаменталистского: «Можно, ребята! Можно». Ужасно интересно смотреть, как меняются у «ребят» лица, как возникает новое выражение, как откуда-то изнутри начинает рваться энергия, как они отваживаются на хамские выражения в адрес власти и так далее. И все это потому, что им сказали: «Можно! Репрессивный аппарат парализован!» Больше всего они боятся, что их обманут и что это не так.

Итак, репрессивный аппарат парализуется. Небольшая, но достаточно бойкая и энергичная либеральная тусовка приходит в движение. А затем «Братья-мусульмане» (или любая другая фундаменталистская организация) подтягивают массы. Все это, выплеснувшееся на улицу, сметает верхушку и устанавливает новый формат, который и нужен.

Повторяю, ключевой вопрос здесь – как выключить репрессивный аппарат? Пока его не выключили, либералы на улицу выйти не успеют, как их придавят. А вот если его выключат, то вдруг обнаружится, что у одной части военных страсть по либерализму, а у другой – по фундаментализму, и они не могут идти против своего народа. Натурально, не могут! Десятилетиями шли, давили, вешали, расстреливали, а теперь не могут. Как пелось у Высоцкого, «а потом кончил пить, потому что устал».

Сами по себе либералы во всех этих странах: в Египте, в Ираке, где угодно – даже на штыках американских войск сделать ничего не могут: их мало, они слабы, они презираемы большинством собственного населения. Поэтому рано или поздно эта тонкая пленка отпадает. И тогда оказывается, что к власти приходят те, кому намерен оказывать содействие господин Сорос: «Мои фонды готовы помочь, чем могут».

Что же за бескорыстие такое? Почему все средства господина Сороса должны быть привлечены для помощи силе, которая считает своей миссией построение Халифата и истребление западной «неверности»?

А потому что нужен Контрмодерн. Потому что его начинают строить.

Есть еще одна, более банальная причина, и, обсуждая ее, мне приходится переходить на тот язык, говорить на котором труднее всего.

Чем хороши доказательства? Тем, что можно назвать источник. Вот это сказала такая-то газета, вот это – такая-то, а это – такая-то. Но если мы будем обсуждать только то, что сказали газеты, то мы, конечно, поймем много, но недостаточно.

К счастью или несчастью (ибо, как говорится, «многие знания умножают скорбь»), у меня есть другие источники. Это респонденты, которые знают о том, что происходило в том же Египте, больше, чем публичные источники. И говорят о том, о чем публичные источники не говорят. Как я должен этим делиться? Я же не могу ничего при этом доказать. Могу только сказать, что это говорят люди, которым я верю, которые проявили надежность на протяжении достаточно долгого времени...

Эти респонденты не питают никакой любви к Мубараку и не питают ненависти к «Братьям-мусульманам». Они просто холодно и спокойно говорят о том, сколько именно было уничтожено людей в ходе египетских событий сначала снайперами, а потом животными с гордым английским названием «crocodile», по-русски «крокодил», которым людей просто бросали на съедение. Они называют огромную цифру.

Но их впечатляет даже не то, сколько людей убили снайперы и скушали крокодилы. Их впечатляет другое – что крокодилы кушали, а снайперы уничтожали именно ту часть египетской элиты, которая начала снюхиваться с китайцами.

У Большого Юга, помимо прочих функций, есть одна очень важная. Большой Юг связан с Большим Западом не только управлением, но и деньгами. Деньги с Большого Юга должны идти на Большой Запад. Они должны поступать на западные счета. Но Большой Юг – всякие там шейхи, обогатившаяся бюрократия и так далее – становится грамотным. Он понимает, что американцы печатают бумажки. И что эти бумажки, если отправить их на Запад, не принесут настоящего дохода, поскольку не имеют за собой будущего.

И тогда Большой Юг тихонько начинает переводить деньги на Большой Дальний Восток. Возникает нитка связи, которая категорически не нужна Большому Западу. Категорически! Потому что ничего нет опаснее, чем связь Большого Юга с Большим Дальним Востоком (денежная и, тем более, любая другая).

Поднимается буча. Вырезаются конкретно те, кто выстраивает ненужную связь. Ведь речь идет о триллионах долларов. Если деньги Большого Юга не пойдут на Большой Запад, то произойдет очередной глобальный кризис с далеко идущими последствиями... Деньги загоняют в нужную сторону. На этой точке все останавливается.

Когда-то я ставил в театре спектакль по рассказам Шукшина. Там одна из героинь говорила про своего соседа: «Там у него болит, тут болит... А денежки-то на книжечку...»

Так вот, сначала раскрывают, что у египетского общества «там болит, тут болит». А потом «денежки» переводятся на нужную «книжечку». Египетское общество начинает платить гораздо больше за то, чтобы счета находились в нужной точке. Его заставляют брать «фуфло» по той цене, которую ему указывают, и при этом вести себя мирно.

Как сочетаются в этой модели потоки финансов и потоки смыслов?

Одни преследуют гигантские финансовые интересы.

Другие преследуют интересы переустройства всего мира.

Конечно, переустройство всего мира намного важнее. Но в мире правит сочетание финансовых интересов и интересов миропроектных. И игнорировать наличие финансовых интересов было бы, по меньшей мере, наивно.

Итак, мы обсудили ряд простых вопросов:

- вот эти вот «денежки на книжечку»;
- информацию наших друзей из Египта;
- то, каким образом парализуются силы в авторитарных модернах и как именно после этого начинается процесс управляемых революций, который устанавливает нужный формат в нужных частях мира.

В 70-е годы XX столетия говорилось, что у иранцев замечательный проамериканский режим («Такой замечательный шах Ирана!»). А потом к власти пришли антиамериканские силы Хомейни. Но кто «делал» Хомейни? Где жил Хомейни? Кто давал Хомейни трибуну? Кто воспитывал сторонников Хомейни в духе определенных технологий? Кто парализовал всех иранских военных?

Я часто встречаюсь на международных конференциях с израильским генералом, который в свое время прибыл в Иран, чтобы развертывать инфраструктуру под военный переворот: военные должны были остановить хомейнизм и помочь шаху Ирана. Вслед за ним в Иран приехал высокопоставленный американец, но не тот, которого все ждали и который говорил, что иранские военные должны давить негодяев-хомейнистов, а другой. И этот другой сказал, что надо дать работать силам революции и демократии. То есть приехал не представитель республиканцев, а представитель демократов. После чего военные собрались в один день и сбежали.

У израильского генерала, о котором я рассказываю, была идея собирать в разных частях мира и привозить в свою страну всех упомянутых в Библии животных, которые когда-то жили в «стране обетованной». Он и в Иране успел приобрести таких животных. Так вот, он вместе с этими животными

трясся на машинах и не понимал, убьют его или не убьют. Он человек абсолютно конкретный, десантник. Доктор наук, но человек простой. Он выдумать это не может.

Да это уже и написано: и Жискар д'Эстеном, и Мишелем Понятовским, который по поручению Жискар д'Эстена ездил в Иран, и самим шахом, и массой других людей, – что американцы сдали шаха так же, как они сейчас сдали Мубарака. И это всегда делается под некий проект.

Тогда был другой проект. Иран радикализировался в 1978 году. Афганистан должен был взорваться исламом в 1979 году. А Зия-уль-Хак исламизировал Пакистан. Представьте себе, что пламя этих огромных радикально-исламских очагов было бы одновременно запущено по всему южному подбрюшью СССР, а Советский Союз не разорвал эту огненную цепь? И вспомните, что всего через год с небольшим начала активно действовать польская «Солидарность»! Было ли бы тогда лучше или хуже? Думайте сами.

Процесс очень большой, и он набирает обороты. Но надо все-таки поговорить о том, какое это значение имеет для России. И здесь мы переходим к вещам, может быть, еще более сложным, но абсолютно необходимым.

Если нынешний Модерн (уже не мировое движение, а обособившаяся, окуклившаяся и потому приобретающая совершенно другие качества его часть) является проектом №1 (Большой Дальний Восток),

если Постмодерн является проектом №2 (Большой Запад),

если Контрмодерн является проектом №3 (Большой Юг),

то что может сделать Россия, если она не вписывается в эти три проекта?

Выдвинуть четвертый!

Нам надо поговорить сначала в России, а потом в мире о том, что если не будет четвертого проекта, опирающегося на историческую почву, то миру канты, нам – в первую очередь. Вопрос в том, возможен ли в мире четвертый проект? Чем он является? И почему русские могут предложить что-то свое в рамках четвертого проекта? Выдумать что-то могут все, но ведь если всмотреться в советское наследство:

- а) как в факты,
- б) как в смыслы,
- в) как в нечто, не понятное до конца,
- г) как в нечто недостроенное, –

если соединить эти а), б), в) и г) в единство, то выяснится, что внутри этого комплекса содержится некое ядро. И это ядро свидетельствует, что во время советской власти русские – и все народы, объединившиеся вокруг России, – осуществляли не сталинскую модернизацию, а альтернативный проект развития. В котором были, может быть, избытки классической модернизации, но было и нечто, что к ней явным образом не сводилось. Что же это, прежде всего?

Классическая модернизация, как я уже говорил, связана не только с тем, чтобы брать человеческий материал из традиционного общества и приводить его на заводы, в индустриальное общество (это делали и мы). Она связана с тем, чтобы это традиционное общество разрушать. И то, что она создает в пределах нового индустриального уклада, она создает на основе этой разрушенности, атомизации и создания новых матриц, свойственных современному обществу (законопослушание, формирование национальных констант, построение единых политических рамок в рамках «войны всех против всех» и так далее).

А вот этого русские (и советские народы в целом) не делали! Они осуществляли форсированное, мощнейшее развитие без разрушения традиционного общества и даже с его укреплением. Что бы мы ни говорили о колхозе, это укрепление традиционного общества.

Могут сказать: «Его укрепляли, чтобы оттуда выдергивать человеческий ресурс для проведения индустриализации» (колхозники становились «дровами» для «топки» современного уклада). Нет. Потому что и современный уклад долгое время представлял собой уже нечто коллективистское. Как я уже говорил, советское предприятие было предприятием общинного типа – со своей социальной средой, со своими профилакториями, санаториями и прочим. И советский

дворик, где играл граммофон, был частью того же самого индустриального коллективизма.

То есть русские не только создали и сохранили аграрный коллективизм в новых формах колхозов (обо всех недостатках которых можно говорить сколько угодно, но ведь у них были и серьезные преимущества, а вот об этом говорить не любят). Они же еще создали новый индустриальный коллективизм. А затем и новый постиндустриальный коллективизм стали создавать понемножку.

И процесс классической модернизации носил по отношению к русскому, советскому обществу характер скорее эрозии. Наверное, Петр проводил классическую успешную модернизацию, раннюю. Наверное, Столыпин проводил полуклассическую неуспешную модернизацию, позднюю. Но Сталин, Ленин до тех пор, пока еще был идеологический нагрет, явно шли не в сторону классической модернизации (на которую, что греха таить, они заглядывались). Весь русский процесс, вся русская история, вся необходимость сделать что-то мобилизованно вели их в другую сторону. И сейчас надо ответить – в какую?

Чем был русский прорыв? Вот это знаменитое «русское чудо» – кроме цифр, чем оно было еще? Что оно значит с социальной, философской и иных точек зрения? А если это любовь (был такой сентиментальный советский фильм «А если это любовь»)? А если там, внутри вот этих четырех уровней: фактов, смыслов, недообнаруженного и отброшенного (подробнее я буду говорить об этом в следующих передачах) – находилась в зачатке тайна другого способа развития – развития без сокрушения коллективизма?

Поскольку энергия способа развития за счет разрушения коллективизма уже исчерпана, а постиндустриальное общество, являясь в каком-то смысле повтором доиндустриального, вообще требует неких новых форм коллективизма, может оказаться, что русские-то знают, как развиваться без сокрушения коллективизма. Как развиваться альтернативным Модерну путем.

А если они это знают, а Модерну наступает естественный кирдык... Ведь если он наступает на Западе, то на Востоке

будет все то же самое. Ну, доразовьются они до prosperity (процветания) некоего суррогатно-западного уровня, а машинка-то остановится! Если вообще впереди только остановка и регресс через архаизацию, то единственный шанс человечества сохранить развитие – а значит, свое бытие в ХХI веке – связан с русским советским наследством, совершенно по-новому понятым.

Тогда вопрос заключается в том, должны ли мы гордиться делами своих отцов и дедов? Конечно, должны.

Сейчас стала самой модной тема: «Ну, что все Кургинян о прошлом да о прошлом! Нас интересует будущее!»

Но при поломанном прошлом невозможно двигаться в будущее. Бывают, конечно, прыжки в утопию. Но даже близко не видно, в какую утопию собираются прыгать. К тому же в утопию прыгают, все-таки оттолкнувшись от чего-то. Не утопия нужна. Нужно найти внутри гипертекста под названием «Факты, смыслы, недообнаруженное и отброшенное» послание. То послание, которое адресовано мировому будущему.

Я много езжу по миру и наблюдаю некую сложную амальгаму чувств, которую вызывает у мира Россия. Основополагающее чувство – презрение. Презрение к стране, отбросившей свое прошлое, к стране, двигающейся в коррупционизм, бандитизм. Это презрение имеет одни оттенки в Индии или Китае, другие оттенки в Европе и Соединенных Штатах, третьи оттенки в исламском мире... Но внутри этой сложной амальгамы чувств, среди которых доминирует презрение, есть одновременно какое-то затаенное ожидание: а вдруг? «А вдруг русские дурят-дурят, а потом возьмут, да и вынут из кармана что-нибудь такое, что для всего мира окажется абсолютно новым и одновременно узнаваемым? И что если это новое и одновременно узнаваемое спасет мир? Русские, конечно, опять набедокурят, огромной ценой проторят опять какую-нибудь дорогу. Но мы за ними по этой дороге пойдем и, глядишь, куда-нибудь да и доползем. Может быть, исторический процесс и продлится. А как без него? Может быть, развитие и продлится. А что делать, если формы модернистского развития исчерпаны?»

Но что мы можем сказать об этом послании, об этой тайне, содержащейся внутри нашей истории, кроме того, что мы, развиваясь, сохраняли коллективизм? «Смотрите: вот здесь коллективизм... вот здесь опять коллективизм, уже индустриальный...» А был ли коллективизм где-нибудь еще? Да, японцы создают компании и корпорации, используя в том числе наш, советский, коллективистский опыт. Но русские-то создали ведь нечто гораздо более интересное! И в системах образования было нечто абсолютно новое.

Однако эти виды новизны, связанные с социальным творчеством, не исчерпывают всей творческой новизны, находящейся внутри советской обветшалости, советских ошибок, советских несуразностей – и советского героизма. Там, внутри всего этого, находится нечто еще более важное. И это важное необходимо обсудить прежде всего. Потому что если уж играть, то по-крупному, потому что иначе русские играть не могут...

Что больше всего проклиналось из «идиотизмов» советской эпохи? Идея «нового человека». «О, они не понимают, что человеческая природа есть константа, что человеческая природа есть данность, что человека нельзя менять, преступно менять. А они хотят человека изменить! Почему? Потому что у них абсурдный порядок и им для этого абсурдного порядка нужен абсурдный человек. Они с нормальным человеком не могут ничего поделаться. Они не знают, что с ним делать, и выдумывают нового».

Открываю книгу «Иметь или быть» Эриха Фромма, одного из величайших философов и психоаналитиков XX века, смотрю на первые цитаты: *«Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь»*⁷.

Кто сказал эти великие строки? Карл Маркс.

А вот другой автор: *«Действовать – значит быть»*. А это кто? Лао-Цзы.

В том, что было сделано в Советском Союзе в связи с созданием нового человека, есть что-то безумно важное.

7 Фромм Э. Иметь или быть? М, 2000.

Эрих Фромм фактически пишет о том, что мы потеряли, о наших ошибках, не анализируя которые мы не достигнем ничего.

Социализм и коммунизм очень скоро превратились из движения, целью которого было построение нового общества и формирование нового человека, в движение, идеалом которого стал буржуазный образ жизни для всех, а всеобщим эталоном мужчин и женщин будущего сделался буржуа.

«Предполагалось, что богатство и комфорт в итоге принесут всем безграничное счастье. Триединство неограниченного производства, абсолютной свободы и безбрежного счастья составило ядро новой религии (модерна. – С.К.)... Нет ничего удивительного в том, что эта новая религия дала ее приверженцам жизненную силу...».

Но вскоре выяснилось, что бесконечное потакание своим потребностям, набирание очков удовольствия просто ничего не дает. Что это все чревато гигантским крушением. Эрих Фромм называет это крушением эпохи Больших Надежд. Крушением надежд модерна. Тех самых надежд, которые мы сейчас хотим снова возбудить в людях.

«Приехав в Осло для присуждения Нобелевской премии мира за 1952 год, Альберт Швейцер призвал мир „отважиться взглянуть в лицо сложившемуся положению... Человек превратился в сверхчеловека... Но сверхчеловек, наделенный сверхчеловеческой силой, еще не поднялся до уровня сверхчеловеческого разума. Чем больше растет его мощь, тем беднее он становится... Наша совесть должна пробудиться от сознания того, что чем больше мы превращаемся в сверхлюдей, тем бесчеловечнее мы становимся“».

О чем здесь идет речь?

О том, пишет Фромм, что целью жизни по новому мифу (который сейчас особенно активно насаждается у нас, но который становится мифом постмодерна или мифом отказа от этики модерна) «является счастье, то есть максимальное наслаждение, определяемое как удовлетворение любого желания или субъективной потребности личности» (Фромм называет это радикальным гедонизмом). И что «эгоизм, се-

блябие и алчность, которые с необходимостью порождает данная система, чтобы нормально функционировать, ведут к гармонии и миру».

Фромм недоумевает: до определенного времени, пишет он, когда внутри модерна возникла уже червоточина пост-модерна, это было абсолютным абсурдом. *«Хорошо известно, что в истории человечества богатые следовали в своей жизни принципам радикального гедонизма. Обладатели неограниченных средств – аристократы Древнего Рима, крупных итальянских городов эпохи Возрождения и даже Англии и Франции XVIII и XIX веков – пытались найти смысл жизни в безграничном наслаждении. Но, хотя максимальное наслаждение в смысле радикального гедонизма и было целью жизни определенных групп людей в определенное время, оно никогда – за единственным до XVII века исключением – не выдвигалось в качестве теории благоденствия никем из великих Учителей жизни в Древнем Китае, Индии, на Ближнем Востоке и в Европе».*

Никогда и никем до XVII века.

«Единственным исключением, – пишет Фромм, – был греческий философ, ученик Сократа Аристипп (первая половина IV века до нашей эры), который учил, что целью жизни являются телесные наслаждения и что счастье – это общая сумма испытанных удовольствий». Но Аристипп был единственным. Даже Эпикур называл высшей целью *«„чистое“ наслаждение, а оно означает „отсутствие страдания“ (aponia) и состояние безмятежности духа (ataraxia).* Согласно Эпикуру, наслаждение как удовлетворение желания не может быть целью жизни, ибо за таким наслаждением неизбежно следует его противоположность».

Значит, уже Эпикур говорил, что просто «срывать цветы удовольствия» невозможно.

Никто из великих Учителей прошлого никогда не утверждал нигде (включая Европу), говорит Фромм, что *«фактическое существование желания создает некую этическую норму».* Что, если тебе чего-то хочется, ты и должен это делать, и это хорошо, если ты будешь делать то, что тебе хочется. Никто,

никогда, пишет он, до определенного момента не говорил ничего подобного. Все обсуждали различия *«между чисто субъективно ощущаемыми потребностями и объективными, действительными потребностями»*. Между тем, что пагубно, деградационно влияет на человека, и тем, что его возвышает.

«Впервые после Аристиппа, – пишет Фромм, – теория о том, что целью жизни является осуществление всех желаний человека, получила отчетливое выражение у философов в XVII и XVIII веках. Подобная концепция могла легко возникнуть во времена, когда слово „польза“ перестало обозначать „польза для души“ (как в Библии и позднее у Спинозы), а приобрело значение „материальной, денежной выгоды“ в период, когда буржуазия сбросила не только свои политические оковы, но и все цепи любви и солидарности и прониклась верой, что существование только для самого себя означает не что иное, как быть самим собой».

Уже для Гоббса *«счастье – это непрерывное движение от одного страстного желания... к другому»*... Ламетри *«даже рекомендует наркотики, так как они по крайней мере создают иллюзию счастья»*.

А де Сад – первый, кто встал на путь постмодерна окончательно, – заявляет, что *«удовлетворение жестоких импульсов является законным именно потому, что они существуют и настойчиво требуют удовлетворения»*.

Легитимация чего бы то ни было просто самим фактом существования этого чего бы то ни было стала возможной тогда, когда модерн начал заболеть.

Модерн сам по себе означает соединение разума и веры, понимание того, что разум и вера могут существовать вместе. Отсюда модернистский ислам, модернистское христианство и так далее. Но там, где модерн начал заболеть, возникает трансформация. Стремление к неограниченным наслаждениям *«вступает в противоречие с идеалом дисциплинированного труда, аналогично противоречию между принятием этики одержимости работой и идеалом полного безделья...»*, – говорит Фромм. Человек превращается

в сломанную машинку. Он, с одной стороны, вертится в стремлении к безграничному удовлетворению импульсов, набиранию очков («однова живем, впереди смерть, надо набрать как можно больше очков»). А с другой стороны, он оказывается парализованным, потому что нет мотора окончательно дисциплинированного труда.

Почему Большой Дальний Восток все еще существует? Потому что есть протестантская этика, есть буддистские модели. Потому что есть то, что на какое-то время сохраняет дисциплинированный труд. Ведь он же разрушается изнутри этим принципом очков, удовольствий...

«Капитализм XX века зиждется как на максимальном потреблении производимых товаров и предлагаемых услуг, так и на доведенном до автоматизма коллективном труде».

С одной стороны, вы должны как можно больше потреблять, с другой, – как можно больше трудиться. Но вы же не можете делать одновременно и то, и другое! Значит, внутри вас возникает классический разрыв между одним и другим. *«Мы представляем собой общество заведомо несчастных людей: одиноких, снедаемых тревогой и унынием...ощущающих свою зависимость»* и так далее.

До этой эпохи, пишет Фромм, *«экономическое поведение определялось этическими принципами».* Но затем *«экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей».* И вдруг оказалось, что «благо для человека» подменено «благом для системы». Уже при капитализме оказалось, что благо системы и есть главное.

«Что вы нам рассказываете о том, что есть благо для человека! Бессмысленно об этом говорить. Система мощнее человека, она движется сама по себе!»

Так в чем же тут гуманизм? При чем же тут человек вообще? Как он будет существовать, если система его непрерывно истребляет?

А дальше было сказано, что «благо системы» есть также «благо для всех людей». Помните: «Что хорошо для Форда, то хорошо для Америки»... «Что хорошо для „Дженерал Электрик“, то хорошо для людей...» И так далее.

«Это логическое построение подкреплялось дополнительной конструкцией: те самые качества, которых требовала система от человека, – эгоизм, себялюбие и алчность – являются якобы врожденными; следовательно, они порождены не только системой, но и человеческой природой. Общества, в которых не было эгоизма, себялюбия и алчности, считались „примитивными“, а члены этих обществ – „по-детски наивными“, – пишет Фромм.

Люди не способны были понять, что эти качества определяются не природой, а социальной ситуацией, в которую они погружены.

Из этого вытекают очень страшные вещи. Человек превращается в машину «имений». В конечном итоге, он все хочет сделать своею собственностью. Все, включая самого себя. Мир оказывается поделен между категориями «быть» и «иметь». Посередине в постмодернизме возникает еще третья категория – «казаться». «И нам уже важнее казаться, и нам уже неважно быть»... Исчезает понятие «быть», равносильное понятию «счастье».

Вопрос ведь не в том, что люди должны иметь вещи, что вещи могут приносить им удовольствие или что вещи могут их обслуживать.

Вопрос в том, можно ли продать нечто фундаментальное за деньги и получить компенсацию. Если женщина отказывается от любви, выходит за нелюбимого человека и получает взамен большой достаток, то ей все время нужно «машиной потребления» подтверждать то, что она сделала правильный выбор. А когда потребление не может быть раскручено – возникает голод.

Почему возникает потребительское безумие? Потому что исчезает категория «быть». Потому что человека пытаются представить не как процесс, а как константу. Что значит «человек является данностью»? Что значит «есть природа»? Какая природа? Природа зверя? Но человек есть тонкая пленка над этой природой.

Вопрос о «новом человеке», содержащийся не в социализме даже, а именно в коммунизме и неразрывно связанный

с новым гуманизмом и историей как сверхценностью, может оказаться тем огромным благом, которое устремлено в XXI век. Не только новые формы коллективизма при развитии, сочетание коллективизма с развитием, но и идея действительно нового человека, сохранение нового гуманизма (ибо новый человек без нового гуманизма и истории – это очень страшная штука, это сверхчеловек Ницше)... Всё это, находящееся в сердцевине того, что называлось коммунизмом, может оказаться безумно важным.

Не случайно 10% бундестага заявили, что они будут восстанавливать не только социализм, но и коммунизм. Просто все поняли, что если человек не станет новым, то ему просто не дадут остаться старым. Он будет сметен с земли, как мусор.

И вот тут есть место русскому слову, которое уже содержится в русском наследстве, в советском наследстве. Если бы сейчас реально был выдвинут новый проект – принципиально новый, опирающийся на такие фундаментальные камни, как:

- индустриальный и постиндустриальный коллективизм в соединении с коллективизмом аграрным,
- «новый человек»,
- «новый гуманизм»,
- «история как сверхценность»

и как несколько других камней... Если бы на этих камнях русские построили новое здание, опираясь на свое великое наследие, опираясь на гигантский гипертекст, который они уже создали и который нужно переосмыслить... Если бы они все это сделали, то возник бы Четвертый проект.

Возникни он – и мир уже не двигался бы в разорванном состоянии между Большим Дальним Востоком, Большим Западом, Большим Югом и Большим Севером, который должен стать частью Большого Юга. Мир бы стал другим, он приобрел бы другую опору, другую динамику, как он имел опору и динамику при существовании СССР и коммунизма, пусть даже очень несовершенного. Эрих Фромм назвал этот несовершенный коммунизм «гуляш-коммунизмом». Именно

обуржуазивание коммунизма – исток того, почему потом возникло постсоветское безумие. И мы должны четко понимать, что этот исток существует, и анализировать его.

Вот если бы Четвертый проект возник сейчас, во втором-третьем десятилетии XXI века, то, возможно, XXI век не стал бы веком конца человечества. Поэтому ставки огромны.

Создание и реализация Четвертого проекта дают нам шанс выжить, принести миру новое слово и сломать те тенденции, которые нас уничтожают, которые не дают нам места в мире – мире, формируемом сейчас американцами. Сколько бы мы ни искали места в этом мире, де-факто окажется, что нам места нет. Но если мы сформируем другой мир, то у нас будет в нем место. И не только у нас, но и у всего человечества. И не к катастрофе третьей мировой войны и конца истории мир будет идти, а двинется дальше по колее истории. Мир вернется на эту колею весь, целиком. И мы опять окажемся не в арьергарде, а в авангарде.

Вот о чем сегодня важно думать. Потому что без постановки таких максимальных задач вся эта «минимизация» ничего не говорит русской душе. И она предпочитает умереть или заснуть, чем тешить себя малыми удовольствиями жалких суррогатов, которые ей предоставляет существующая картина мира. А особенно та картина мира, которая, как она чувствует, с ее жизнью не совместима вообще.

Вот в чем цена проблемы исследования нашего наследства и открытия в нем тайного послания для будущего.

1 марта 2011 года

Выпуск №5

Если мы ведем серьезный политический разговор (а я надеюсь, что мы ведем серьезный политический разговор и даже разговор стратегический, концептуальный), то необходимо обсуждать две темы: наличествующее и альтернативы наличествующему.

В каком ключе обычно происходит подобный разговор?

«Вот наличествующее, оно скверно, оно мне не нравится. А у меня есть мечта, идеал – альтернатива. Как мне одно заменить на другое?»

Для меня такой разговор абсолютно бессмыслен и аморален. Потому что дело не в том, скверно наличествующее или не скверно. И не в том, насколько мне нравится альтернатива. Дело в том, что наличествующее нежизнеспособно. И тогда надо спросить себя: почему?

СИСТЕМА (элемент №1) должна опереться на ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС (элемент №2).

Но нынешний ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС несовместим с жизнью России. Ему не нужна Россия. Он не отвечает задачам, которые стоят перед Россией. Он Россию может воспринимать только как паразит, который хочет дожрать ее до конца и бежать вон.

А СИСТЕМА может жить как социально-политический организм только до тех пор, пока Россия существует как

государство. И она, система эта, особенно в ее верхнем эшелоне, понимает, что когда она рухнет вместе с Россией, то будет наказана не только внутренними силами страны, но и внешними.

Значит, у системы и политического класса есть не только симбиоз («мы с тобой одной крови – ты и я»), но и противоречия. Как подобные противоречия разрешаются в истории?

Первый вариант. Политический класс делится на две части: компрадоров и националов, автохтонов и аллохтонов. И эти две части начинают воевать друг с другом. Наконец, жизнеспособная часть – та часть, которая является национальной, которой Россия нужна, – побеждает. Система опирается на нее и при этом чуть-чуть трансформируется.

Второй вариант. Система ищет новые базы опоры. Должна найтись сила, на которую система сможет опереться. Это очень редко реализовывалось в истории. Не знаю, имеет ли тут смысл разговор про 1937 год или нет, и осуществлял ли Сталин смену опоры. Знаю, что Петр I осуществлял смену опоры. Это уникальный случай в истории, когда гений сам себе создал опорную базу. Но он занимался этим долго. На то, чтобы созданные Петром потешные полки стали гвардией, как мы знаем, ушло довольно много времени. И не на одну только гвардию он опирался в своих решениях.

Итак, существуют ли сегодня какие-нибудь группы как живые, энергичные социальные организмы, на которые система могла бы опереться? Отвечаю. С моей точки зрения, их нет.

Задача не в том, чтобы ответить на вопрос, «как спасти Россию», разбирая отношения между системой и существующим политическим классом, или разбирая отношения между системой и какими-то другими классами, или даже имея в виду, что эти другие классы будут не строить отношения с системой, а сметать ее. Все эти варианты возможны.

Но нет элемента №3 – НОВОЙ ОПОРНОЙ ГРУППЫ, НОВОГО ОПОРНОГО КЛАССА как реальной сущности, как реального социального организма. Его нет, и сегодня трудно даже представить, что это такое. И вся программа «Суть

времени» посвящена тому, чтобы обсудить, что же такое этот элемент №3? Почему его нет? Можно ли его создать? И за счет чего?

Вы спрашиваете «что делать?» так, как будто есть живой, полноценный элемент №3, действия которого (в виде надстроек над ним – политических партий и так далее) должны либо построить с системой новые отношения, либо трансформировать ее, либо разрушить. А мы вам говорим: нет этого элемента №3! Откройте глаза!

Вы скажете: «Откроем глаза – и выяснится, что все безысходно и надо то ли просто бежать, то ли прятать голову в песок».

Нет, надо строить элемент №3! Надо создавать, собирать этот аттрактор, эти катакомбы, эти социальные организмы – живые и достаточно мощные.

Как их собирать? Кто собирает такие социальные организмы?

Их собирает дух. Их собирает смысл. Значит, этот смысл и надо обсуждать.

Итак, мы видим следующие процессы.

Система пытается опереться на существующий политический класс и... проваливается, потому что опереться на него нельзя. Она проваливается, начинает загнивать. Загнивание политических систем происходит именно тогда, когда они опираются на классы и сущности, которые не отвечают тем задачам, которые должны решать системы. Это классическая ситуация загнивания.

Система загнивает все больше. Постепенно у нее возникают патологические свойства, присущие всем загнивающим системам, которые не могут нащупать точку опоры. Им не на что опереться, и они опираются сначала на самое себя, потом на части себя, потом на подчасти и так далее. В итоге государь император опирается с трудом на руку супруги, а супруга на руку государя императора. И все кончается.

Эта коллизия неумолима. И мы понимаем, что самый простой способ ее решения (ибо мы боимся, что вместе с системой завалятся и государство, и страна) заключается в

том, чтобы «элемент №2», то есть российский буржуазный класс, разобрался сам с собой, поделившись на компрадоров и националов. Чтобы можно было помочь националам победить компрадоров – и тогда система могла бы опереться, с небольшими изменениями, на националов. Которые проявят историческую состоятельность. Которые будут соразмерны задачам страны. Которые, в конце концов, будут следовать великим строчкам Есенина:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

Будет Родина.

Не хочу сейчас подробно распространяться на китайскую тему и никогда не считал, что Китай – во всем для нас эталон. Но я убедился кое в чем во время многих моих поездок в Китай, и скажу об этом несколько слов. Там – помимо даосизма, буддизма, конфуцианства, сыгравших огромную роль в том, что Китай состоятелен (всего этого у нас нет), – есть еще один элемент, которого у нас нет: домашние храмы, храмы предков. До сих пор китаец верит, что он может работать где угодно, но захоронен он должен быть в родной земле, в земле своего селения, чтобы сразу попасть к предкам, которые уже для него и кусок неба зарезервировали, и... Я не хочу доводить до конца свои рассуждения, они слишком краткие, чтобы я мог изложить адекватно, а иначе это будет какая-то полукarikатура, а я отношусь ко всему этому серьезно.

Вот это ощущение предков, святой родной земли, в которой надо быть захороненным, свойственно китайской культуре не в меньшей степени, чем ее даосистско-буддистско-конфуцианские уровни. Этот уровень более древний, более глубокий. Между прочим, во Вьетнаме нащупывается примерно это же. У нас этого нет.

Но все равно буржуазный политический класс в каком-то виде должен соотнести себя с задачами субъекта под названием

«Россия». Он должен то ли хотеть грабить с ее помощью, то ли хотеть прятаться в ее лоне, то ли действительно любить ее по-настоящему, служить ей. И это, конечно, самое лучшее. Но, по большому счету, это уже не столь важно, поскольку разделения на националов и компрадоров нет. Все слиплось. «Все смешалось в доме Облонских».

Значит, коллизии «система (элемент №1) опирается на политический класс (элемент №2)» не существует.

Но и коллизии «разделение политического класса (элемента №2) на компрадоров (элемент №2А) и националов (элемент №2Б)» тоже не существует!

Таким образом, комбинации, при которой система (элемент №1) опирается на националов (элемент №2Б), а компрадоры (элемент №2А) исчезают с нашего горизонта, тоже не существует.

Нет полноценного конфликта между либералами и консерваторами, между компрадорами и националами, между аллохтонами и автохтонами! Нет этого! Предлагаются идеологические основы такого переоформления, такого разделения класса, создается смысловая ткань, а переоформление не идет! Потому что класс несостоятелен. Весь элемент №2 несостоятелен.

И тут возникают три вопроса.

Первый вопрос. Насколько капитализм вообще сегодня состоятелен? Насколько состоятелен буржуазный класс в целом? Такой ли он гегемон в современном мире, как это кажется?

Второй вопрос. Была ли буржуазия когда-нибудь (даже в ситуациях намного лучших, чем сегодняшняя) состоятельна в России? В феврале 1917 года она была гораздо лучше качеством. Но она же не была состоятельна! Она все проиграла.

И третий вопрос. Что такое сегодняшняя криминальная буржуазия, наскоро созданная для того, чтобы уничтожить коммунизм и СССР разгулом «первоначального накопления»? Созданная на той основе, на которой она была создана? Более надежного средства дискредитировать капитализм

в России, чем применить при его создании те методы, которые были применены, придумать невозможно. Потому что капиталистический класс в России сформировался в итоге как криминальный класс. А криминальный класс никогда, ни в какой мере не может быть самостоятельным. И очиститься он не хочет и не может. Вот в чем проблема нашего политического класса, этого самого «элемента №2», и проблема системы.

Поскольку весь этот класс таков, каков он есть, система оторвана от него и гниет. Она не то чтобы сильно отличается от этого класса, она плоть от его плоти, кровь от его крови. Но у системы как социального организма есть собственная жизнь. Класс-то может переползти во Францию, Германию и куда-нибудь еще, а система никуда переползти не может! Ее руководители дорого заплатят, если она грохнетя вместе с Россией. И они это понимают. Они понимают, что счет им предъявят отнюдь не только внутри страны, но и за рубежом. Значит, система живет своей, отдельной от политического класса жизнью.

Что же касается «элемента №3» (новых социальных организмов, новых социальных классов), то амбициозная, невероятно сложная, почти нерешаемая задача состоит в том, чтобы собрать эту сущность. Программой «Суть времени», нашей деятельностью, нашими идеологическими дискуссиями, нашими организационными, пока еще самыми начальными, шагами собрать ее в исторически короткие сроки.

Мне скажут, что это безумие, что это невозможно сделать, что это неподъемная задача и так далее. А я ничего другого не вижу! Не вижу, не понимаю, как можно действовать иначе. И считаю, что тут шансы, пусть и минимальные, есть, а ни на что другое шансов нет.

Что это за социальный организм? Как он должен строиться? За счет чего он может собраться быстро?

Отвечаю. Быстро он может собраться не за счет новой утопии – это невозможно. А за счет внимательного, настойчивого, энергичного и, прошу прощения, умного взгляда в собственное прошлое и выявления в нем какой-то

драгоценности. Это притча о советской жемчужине. Что такое «советская жемчужина»? Что за послание содержится внутри советской реальности? Что из советской реальности мы можем и должны использовать? И почему мы можем использовать это сегодня?

Разбор подобных вопросов связан с двумя видами деятельности.

Первый вид деятельности – критика капитализма. Поскольку два десятилетия назад капитализм был объявлен нашим светлым будущим, панацеей от всех бед, поскольку было сказано, что ничего хорошего, кроме него, никогда не было и не будет, что только он может нас всех спасти, и только он эффективен, то серьезная критика капитализма все это время была под запретом. Даже не в идеологическом или тоталитарном смысле: «Не смей, а то посадим вас в тюрьму!» А просто очевидность преимуществ капитализма довела над сознанием постсоветского гражданина, даже если он внутренне и считал, что более привержен социализму, социал-демократии, но не коммунизму! Коммунизм так навернулся, что постсоветскому гражданину казалось страшным повернуть голову в ту сторону и уж тем более критиковать капитализм.

Так было до 2008 года. А потом о кризисе капитализма заговорил весь мир, кроме России. В России это все не звучит. Опыт критики капитализма в России (а это обязательное занятие, коль скоро мы действительно хотим собрать «элемент №3») коммунистический. А внутри коммунизма существовала цензура на огромное количество существенных вещей, связанных с нашим реальным советским укладом, с коммунизмом как таковым. Гнать любую диссидентскую «пургу» на советскую систему было разрешено – проклинать ее, ухмыляться по ее поводу. А вот искать внутри нее жемчужины, подвергать ее интеллектуальному переосмыслению и доосмыслению было запрещено. И платить за нарушение этого запрета приходилось гораздо большую цену, чем за критику системы. Так странно была устроена сама советская система. И нам эту странность тоже придется обсудить.

Итак, занимаясь критикой капитализма, к «коммунистическому вчера» мы обратиться не можем. Как бы мы ни уважали свое прошлое, «в карете прошлого далеко не уедешь».

Тему капитализма надо переосмысливать.

Давайте для начала поговорим о том, как именно критику капитализма осуществляли люди большого масштаба – и на Западе, и во все мире. Как это делали корифеи – корифеи безусловные, не имеющие отношения ни к Институту марксизма-ленинизма, ни к Высшей партийной школе, ни к ЦК КПСС.

Я далеко не во всем согласен с Эрихом Фроммом – одним из людей такого масштаба. Мне есть в чем оппонировать ему. Могу указать на точки, где Фромм, по моему мнению, категорически неправ. Я не хочу, чтобы его книги стали новой Библией. Но мне представляется крайне важной та оценка капитализма, которую дает Фромм. Фромм, а не советские начетчики из Высшей партийной школы.

Фромм говорит, что капитализм – это общество, основанное на том, чтобы разбудить алчность, себялюбие, конкуренцию всех против всех. И он тут не первый. Об этом говорили и Гоббс, и Адам Смит. Давно говорилось о том, что если разбудить алчность и низменные чувства в каждой конкретной человеческой особи и каждая особь начнет воевать с другой, то якобы в целом человеческое сообщество вдруг начнет огромными темпами развиваться. Что единственное, на что мы можем опираться в развитии, – на низменное в человеке, на его алчность, себялюбие, на его человеческую природу.

Фромм считает, что опора на такую природу, которая выдумана в значительной степени для того, чтобы оправдать определенное устройство общества, приводит к отчуждению. Потому что формируется общество, в котором хотят «иметь», «обладать», но не «быть».

Фромм разбирает не то, больше или меньше в этом обществе будут кушать. Он смотрит в корень и бьет в самую большую точку: *«Потребление – это одна из форм обладания и, возможно, в современных развитых индустриальных обще-*

ствах наиболее важная. Потреблению присущи противоречивые свойства: с одной стороны, оно ослабляет ощущение тревоги и беспокойства...»

Человек понимает, что он смертен, что он неустойчив, что в одиночку (а ведь его сделали индивидуалистом!) он абсолютно незащищен перед роком. Он начинает тревожиться и беспокоиться, и тогда ему в виде наркотика предлагают потребление. Оно ослабляет ощущение тревоги и беспокойства. Иди в магазин, покупай все больше, и ты временно успокоишься, ты защитишь свое «Я» скорлупою вещей. Ты потрогаешь их, они тебе понравятся, и ты забудешь о том, что ты смертен, что ты одинок, что, по большому счету, ты несчастен.

Все эти супермаркеты, все эти гипермаркеты, все эти непрерывные шопинги нужны для того, чтобы заглушить внутреннее экзистенциальное беспокойство, говорит Фромм. А показы по телевидению бандитов, каннибалов и т.п. нужны для того, чтобы разбудить страх. И тогда потребитель, который начнет беспокоиться еще больше, снова побежит потреблять. Фильмы ужасов, культура агрессии нужны для того, чтобы загнать человека в шопинг. *«Современные потребители, – пишет Фромм, – могут определять себя с помощью следующей формулы: я есть то, чем я обладаю и что я потребляю».*

Дальше он спрашивает: а к чему это приводит?

«Все эти соображения, по-видимому, говорят о том, что людям присущи две тенденции: одна из них – тенденция иметь – обладать (т.е. бегать по шопингам и грызться друг с другом. – С.К.), – в конечном счете, черпает силу в биологическом факторе, в стремлении к самосохранению».

И это очень большая сила, говорит Фромм, на которую, конечно, можно опереться. Это звериная толща – все то дочеловеческое, природное, что существует в человеке, это все инстинкты, которые спят, но никуда не исчезли. Самосохранение... грызня... джунгли... «война всех против всех»...

«Вторая тенденция – быть... жертвовать собой – обретает силу в специфических условиях человеческого существо-

вания и внутренне присущей человеку потребности в преодолении одиночества посредством единения с другими...

Те культуры, которые поощряют жажду наживы, а значит, модус обладания, опираются на одни потенции человека. Те же, которые благоприятствуют бытию и единению, опираются на другие».

Но не надо, указывает Фромм, говорить, что этих других потенций нет. Не надо говорить о том, что можно опираться только на те потенции, которые нужны культурам, поощряющим жажду наживы, даже ради развития. Адам Смит, Гоббс, «война всех против всех»... Адам Смит: алчные индивидуумы начинают грызться, порождают развитие, общественное благо, благо из алчности.

«В заключение, – пишет Фромм, – можно сказать, что нет ничего удивительного в том, что стремление человека к самоотдаче и самопожертвованию проявляется столь часто и с такой силой, если учесть условия существования человеческого рода».

Человеческий род не может существовать без опоры на это. Он погибнет, если не будет существовать с опорой на это.

«Удивительно, – пишет Фромм, – скорее то, что эта потребность может с такой силой подавляться, что проявление эгоизма в индустриальном обществе (как и во многих других) становится правилом, а проявление солидарности – исключением. Вместе с тем, как это ни парадоксально, именно этот феномен вызван потребностью в единении. Общество, принципами которого является стяжательство, прибыль и собственность, порождает социальный характер, ориентированный на обладание, и как только этот доминирующий тип характера утверждается в обществе, никто не захочет быть аутсайдером, а вернее отверженным; чтобы избежать этого риска, каждый старается приспособиться к большинству, хотя единственное, что у него есть общего с этим большинством, – это только их взаимный антагонизм».

А дальше Фромм идет до конца: «В католической теологии такое состояние существования в полном разъединении

и отчуждении, не преодолеваемом и в любви (а Фромм подробно объясняет, почему в подобном состоянии подлинной любви быть не может, и она подменяется сексом, и почему нужны все эти сексуальные революции. – С.К.), определяется, как „ад“».

Фромм ставит знак тождества между адом метафизическим и адом социальным. Ад – это состояние всеобщего разъединения, не преодолеваемого и в любви.

А дальше он обращает внимание на ту сторону Маркса, которую не то чтобы запрещено было обсуждать в советское время, а просто ее категорически не хотели обсуждать. Об эксплуатации говорили, об отчуждении – нет. А мы сейчас, осуществляя критику капитализма, заговорили об отчуждении.

Фромм пишет: *«Труд, по Марксу, символизирует человеческую деятельность, а человеческая деятельность есть жизнь. Напротив, капитал, с точки зрения Маркса, – это накопленное, прошлое и в конечном счете мертвое. Нельзя полностью понять, какой эмоциональный заряд имела для Маркса борьба между трудом и капиталом, если не принять во внимание, что для него это была борьба между жизнью и смертью, борьба настоящего с прошлым, борьба людей и вещей, борьба бытия и обладания».*

Видите, какой выстраивает ряд Фромм вместе с Марксом? Бытие или обладание, жизнь или смерть, живое или мертвое.

«Для Маркса вопрос стоял так: „Кто должен править кем? Должно ли живое властвовать над отжившим или отжившее над живым?“ Социализм для него олицетворял общество, в котором живое одерживает победу над отжившим».

То есть метафизическую победу.

А вот теперь хотелось бы обсудить, – куда ведет эта дорога, которую мы наметили, когда сказали о том, что капитализм сегодня постепенно выстраивает Большой Юг, Большой Запад, Большой Дальний Восток. И начинает игру Большого Юга против Большого Дальнего Востока, заигрывает с ним. Это социокультурная политика, это глобальная политика,

это стратегия, но это еще не концепция и не конечная цель. Что по другую сторону этой стратегии?

Если верить тому, что говорят Фромм и Маркс, по другую сторону этой стратегии – то единственное, что и может быть построено, когда сложатся «мировой город» и «мировая деревня» и когда остановится развитие. Как только остановится развитие и иерархия окажется неподвижной, выяснится, что история – это грех. И рано или поздно окажется, что единственное, что может доформить это концептуально, метафизически и стратегически, – идея многоэтажного человечества.

Поскольку род человеческий (для Маркса) отчуждает в капитализме свою сущность от себя, то род человеческий, потеряв свою сущность, потеряет единство. И в этой потере единства он рано или поздно придет к идее многоэтажного человечества. А идея многоэтажного человечества, в котором единство вида будет отменено (что и будет представлять собой новую и гораздо более тонкую разновидность фашизма), рано или поздно обязательно востребует гностическую метафизику. Ибо именно в гностической метафизике все доведено до предела: там есть «пневматики», то есть высшие люди, живущие духом, творчеством, интеллектом; «психики», живущие только эмоциями; «хилики», живущие только телом, только жратвой и пр.

Раскачивание потребления рано или поздно приведет к формированию огромного количества обездушенных человеческих потребителей-скотов, над которыми начнут надстраиваться другие иерархии. Не иерархии суперпотребления, а «верхние этажи многоэтажного здания» – иерархии, отрывающие самих себя от «нижних этажей». В этом завершение замысла со всеми этими Большим Югом, Большим Дальними Востоком и так далее. Это гностическое, по большому счету, завершение, после которого человечество как единое целое перестает существовать. А как только оно перестает существовать как единое целое, гуманизма в том виде, в каком мы к нему привыкли, уже не будет. Никто ведь не запрещает директору совхоза или зоотехнику сокращать поголовье кур,

если это полезно для совхоза и для потребителей куриного мяса. Почему тогда нельзя сократить количество «хиликов», если они не нужны? Почему нельзя растоптать «психиков», если они не одно с тобой человечество? Если они фундаментально, антропологически, метафизически другие?

Что противостояло этому? И в чем (за пределами той конкретики, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать) корни советского?

Итак, **первое** – это советский опыт индустриального и даже постиндустриального коллективизма, о котором мы уже говорили. Это огромный опыт. Его наличие свидетельствует о том, что можно развиваться без атомизации, без разрушения коллективистско-традиционалистской солидарной сферы, без грызни вокруг «иметь», без разбуженного алчного состояния.

Но тогда весь этот коллективистски-солидаристский материал – это не уголь для топки развития, который пока кидаешь – паровоз едет, а потом уже угля нет, и паровоз останавливается (именно так происходит в классических обществах Модерна). Это огромного значения опыт. И мы не имеем права его не осмысливать.

На столь часто задаваемый мне вопрос «Что надо делать?» – отвечаю: осмысливать. Не можете книги писать – собирайте материал, пишите статьи, выявляйте отдельные аспекты проблемы. Учитесь. Находите тех, кто это может делать, чтобы они учили других.

Но, прежде всего, надо понять масштаб проблемы. До сих пор говорилось, что двигаться-то можно только так, как описали Адам Смит и Гоббс. За счет того, что разбужена алчность. А ее не разбудишь, пока не будет индивидуумов, пока человеческое сообщество не превратится в газ. Но когда оно превращается в газ, человеческая сущность отчуждается от человечества, и формируется уже вполне дочеловеческая, звериная многоэтажная иерархия.

Однако, если можно развиваться по-другому, зачем же развиваться так?! Тем более что так уже развиваться нельзя! У нас – потому, что нет традиционалистского материала для

топки Модерна, на Западе – по той же причине. А на Востоке это топливо еще есть, но и там остановка не за горами.

Второе – это «новый человек», «новый гуманизм» и «история как сверхценность». Говорил, повторяю и буду говорить, что нет экономики как таковой, нет социологии как таковой.

Есть социологии и экономики, опирающиеся на человека как константу.

И есть социологии и экономики, опирающиеся на человека как процесс.

Если вы можете человека поднять наверх, то с этим «поднятым человеком» вы сделаете другую экономику. А создав другую экономику, вы его еще больше поднимете. Вопрос не в том, что природа человека неизменна (и потому уж «извиняйте – что есть, то есть»), как нам пытаются втолковать. А в том, что есть две природы. Нам предлагают опереться на одну, а вторую игнорируют. Но опереться-то как раз можно именно на нее, ибо она есть и ее надо изучать – эту вторую природу солидаризма, коллективизма. С ее дочеловеческими корнями, с ее развитием, с ее потенциалом. Ее надо изучать и надо показывать, как ее использовать и как ее актуализировать.

Третье – это альтернативный образ жизни, основанный на иных краеугольных представлениях о том, что хорошо и что плохо. Я лично считаю (никому не берусь это навязывать), что если тряпок меньше, а кинотеатров и возможностей духовного роста больше, то это прекрасно. Что если квартиры скромные, но есть хорошие Дворцы культуры и качественная инфраструктура общественного транспорта, то это замечательно. Что не обязательно сидеть в «Бентли». Что смысл жизни вообще состоит не в том, чтобы оградить себя стеной из вещей, а в том, чтобы испытывать счастье от того, что ты восходишь вместе с другими к каким-то невероятным, новым перспективам, которые открываются перед тобой в течение твоей жизни.

И, наконец, **четвертое** – это окончательный характер того, что происходит в пределах обозначенного антагонизма. Если

один корень, который мы выявили сейчас, гностический, то нам нужен другой. И ясно, что он хилиастический. Ясно, что коммунизм уходит глубочайшими корнями в хилиастические мечтания о Тысячелетнем царстве человечества, о жизни в справедливости и солидарности, о Царстве Божьем на земле и так далее.

И тогда надо изучать эти корни. Это единство, которое было прервано, со всеми его обертонами (в «обертоне» входит богостроительство, которое говорило, что человек сам станет богом, а также наука, которая говорит, что на самом деле формы в их развитии борются с Тьмой как энтропийным принципом, принципом разрушения форм).

Есть гигантское поле изучения предельных конфликтов между тем, что порождает собой гностицизм (рано или поздно говорящий об иерархиях и «многоэтажном человечестве», приводящий Жизнь к концу и грезящий концом Вселенной и бытия как царства греха и злого Демидурга), и хилиазмом (который говорит о совершенно других вещах). Мы же это тоже не изучаем.

Значит, у нас есть огромное богатство. И когда спрашивают, вокруг чего надо формировать «элемент №3», мы отвечаем – вокруг переосмысленного, понятого по-новому советского наследства. Ибо те, кто говорит нам сегодня, что плановая экономика или директивное планирование уже в прошлом, просто лгут. Те, кто говорит, что общество, «застрявшее» в коллективизме, не может развиваться, лгут. Те, кто говорит, что человеческая природа неизменна, лгут.

Рано или поздно вокруг элемента №3 надо начать спокойно развивать смысловые кольца, структуры и организационное начало. Нельзя развивать одно без другого. Пусть этот №3 сформируется раньше, чем все обрушится.

Теперь о том, как будет происходить обрушение и почему.

Система, потерявшая точку опоры, начинает загнивать и сходить с ума. Она сходит с ума очень «многообразно». Недавно мне пришлось по необходимости посмотреть несколько передач по центральному телевидению. Я смотрел и все время думал:

зачем нужны такие передачи? Ведь люди, которые производят телевизионную продукцию, не так глупы и не так бездарны. Почему же они все так производят? Кому это адресовано?

Ведь обычная манипуляция (а я всегда считал, что манипуляция – это низкое искусство, а высокое искусство – актуализация, когда ты пробуждаешь в человеке подлинную энергию, и дальше эта энергия движет вперед неслыханными темпами и тебя, и его) строится на признании фактов. Высказывание Ленина о том, что надо говорить массам правду, – это азы политики. И Ленин, и Корнилов должны были сказать, что ситуация в стране ужасная. Только Корнилов должен был сказать, что к ужасу привели «краснопузые», а Ленин должен был сказать, что «белогвардейская сволочь». А это уже называется «интерпретация после признания фактов». Но не признавать факты нельзя!

Все, что сейчас происходит по телевидению (или большая часть того, что происходит), основано на игнорировании фактов, на превращении реальных фактов неблагополучия, о которых говорит каждый таксист, в какой-то оторванный от жизни гламур. Политический гламур.

«Кому он нужен?» – думал я все время, вглядываясь в эти несколько передач. И, наконец, понял – кому. Начальникам. Начальники не народ успокаивают с его помощью, они себя успокаивают. Это невроз системы, оторванной от политической базы, которая начинает успокаивать себя.

Гламур уничтожает основу сегодняшней власти – телевизионный «ящик». Но в 1996 году, когда он, «ящик», спас политическую систему, не было интернета. А сейчас – есть. Казалось бы, система должна осваивать интернет. Но когда она его осваивает, она насаждает там все тот же гламур. То есть отдает себя на растерзание интернету. И здесь перед нами тоже стоит задача – либо интернет станет орудием в руках американцев, либо он станет орудием в руках конструктивных сил. Сейчас-то он ничей. Система каждый раз, прикасаясь к нему, порождает очередного гламурного монстра. А интернет кипит сам по себе, и рано или поздно это кипение как-то во что-то будет структурироваться.

Итак, ни полноценного телятника нет, ни понимания, что рядом уже существует интернет (а когда система прикасается к интернету, она его тоже выхолащивает). Значит, нет всего оператора массовой информации. Но нет и идеологии, которая должна бы была заставить этот оператор работать. Это не так-то просто объяснить. Люди либо понимают, либо нет, почему без идеологии система средств массовой информации не работает. Нельзя управлять каждым журналистом директивным методом – система останавливается или начинает вяло производить то, что от нее спрашивают, то есть саботировать процесс. Это я и вижу невооруженным глазом.

Нет идеологии. Нет оператора средств массовой информации. Нет референтуры, потому что президент Медведев сначала сказал, что все, что говорят Меркель, Саркози и Кэмерон о провале мультикультурализма, это чушь и что мы не будем отменять мультикультурализм, в отличие от них. А потом добавил, что мы строим российскую нацию с сохранением других идентичностей. Но это же совсем другая модель!

Суть мультикультурализма как раз и состоит в отрицании того, что в ядре находится какая-либо нация. Мультикультурализм строит системы без ядра, мозаику. Однако эта модель провалилась, и об этом говорят три лидера стран старой Европы... Мультикультурализм – сложное явление. Я изучал его в свое время, потому что меня интересовал вице-президент США Альберт Гор, а Альберт Гор очень ратовал за мультикультурализм.

Почему референты не могут рассказать президенту о том, что такое мультикультурализм? Что, нельзя сделать, чтобы несколько групп референтов его нормально сопровождали – так, чтобы одно высказывание не противоречило другому? Но этого тоже нет.

И социологических данных нет, потому что социологию заил все тот же «шоколад» – победные рапорты.

Так что есть?

Репрессивный аппарат? Но мы с вами рассматривали, что это такое, на примере Египта.

Есть верхушка.

Есть собственно репрессивный аппарат, который, коль скоро он становится «счетократическим» (то есть вывозит средства в огромном размере на Запад), подконтролен Западу и может быть «выключен».

Есть «глобики», то есть люди интернета, «фейсбука» и пр., всегда готовые не за страх, а за совесть поддерживать то, что делают американцы.

И есть фундаменталисты, которые по особым каналам связываются с теми же американцами.

Ущербный фундаментализм и «глобики» выходят против верхушки при парализованном репрессивном аппарате. И верхушка, то есть политическая система, летит в тартарары.

Я не знаю, полетит ли она туда завтра или через полгода, но я знаю, что подобное обрушение страны не настоящая революция. Это не всеобщая политическая забастовка, которая грезилась большевикам или осуществлялась в 1905 году. Это не вооруженное восстание 1917 года. Это не демократический процесс. Это не военное восстание. Это не Фидель Кастро, не национально-освободительная борьба в Китае или Вьетнаме. Это твиттерная, «оранжевая» революция суррогатная, и нужна она только для того, чтобы все рухнуло.

Кто-то надеется на нее? Кто-то хочет к ней подключаться? Кто-то по второму разу хочет сыграть в эту карнавальную штучку и второй раз потом изумиться, что обломки государства падают всем на голову? Вряд ли.

Что в этой ситуации можно делать?

Можно надеяться на то, что система будет гнить не полгода, а три года. Потому что пять лет она гнить не будет, это уже ясно. Она может рухнуть при внешнем воздействии завтра.

Можно надеяться на то, что исторический срок, пусть малый, но есть, и собирать этот «элемент №3». Собирать его, обсуждать, как мы ЭТО делаем? Что дальше делать с ЭТИМ? Если есть субъект, то понятно, каков проект. Вокруг чего это собирать, тоже понятно. От чего надо освободить сознание и психику, понятно.

Меня спросят: «А что делать, если процессы будут развиваться быстро?»

Отвечаю. Если процессы будут развиваться быстро, в тот момент, когда все начнет заваливаться и станет ясно, что это крах государства, силы, любящие страну, верные долгу и державности, должны столкнуться с теми силами, которые иноземцы мобилизуют для того, чтобы страну обрушить. Тогда, а не раньше. «Утром деньги, вечером стулья. Вечером стулья, утром деньги. Но деньги вперед».

Сначала нужно всячески способствовать тому, чтобы система гнила подольше, и надеяться даже, что она спасется от гниения, потому что все остальное есть авантюра. И при этом формировать субъект №3.

Но если система все-таки начнет заваливаться, в этот момент есть только площадь. И на этой площади не должны стоять только сторонники окончательной ликвидации России. Не должно быть так.

Вот тут наступает момент истины. Тут, а не раньше. Это ключевой политический момент. Это и есть вопрос о том, надо ли лить воду или жечь огонь.

Тот, кто работает на обрушение системы, совершает историософский и политический грех и рушит все себе на голову. Площадь начинается только после того, как другие мобилизуют разрушительный потенциал, а система скажет: «Ребята, меня нет, я ушла, до свидания! Я очистила поле». Ах, очистила? Вот тогда давайте посмотрим – силы собирания державы или силы ее ликвидации окажутся мощнее в постсоветском обществе.

И никакого противоречия между **первой задачей** (согласно которой надо строить элемент №3) и **второй задачей** (согласно которой надо готовиться к тому, что, может быть, придется после обрушения системы противостоять окончательному концу страны) нет. Это двуединая задача.

И никакое нетерпение не должно помешать сделать основное: осмыслить до конца, в чем именно драгоценный клад, который дарован нам в шелухе самых разных вещей, накопленных в советский период. Создать мощное смысловое

поле и человека, который способен в нем структурироваться в субъект. Организовать этот субъект. И дальше посмотреть на то, что происходит вокруг тебя...

И всему, что происходит вокруг тебя, не мешать надо, не пытаться его как можно быстрее уничтожить. Наоборот, помогать. Потому что оно это дополнительный каркас. Какой-то каркас над тем, что упадет тебе на голову и приведет к окончательному уничтожению твоей страны.

Есть люди, которые этого очень хотят. Есть люди, которые рассчитывают на ребячество, на то, что в очередной раз на арену истории выйдут глубоко незрелые люди. Это не будут буржуа, которые сейчас всячески консервируют существующую ситуацию, которые охранительно говорят, что «всё в шоколаде». Это будут люди совершенно другого типа, мятущиеся, не знающие точно, чего хотят, и, может быть, даже желающие чего-нибудь хорошего. И о них очень точно сказал Фромм:

«У молодых людей мы находим такие типы потребления, которые представляют собой не скрытые формы приобретения и обладания, а проявление неподдельной радости от того, что человек поступает так, как ему хочется, не ожидая получить взамен что-либо „прочное и основательное“».

Это не буржуа, это, казалось бы, новая молодая надежда.

«Эти молодые люди совершают дальние путешествия, зачастую испытывая при этом трудности и невзгоды, чтобы послушать музыку, которая им нравится, или своими глазами увидеть те места, где им хочется побывать, или встретиться с теми, кого им хочется повидать. Нас в данном случае не интересует, являются ли цели, которые они преследуют, столь значительными, как это им представляется. Даже если им недостает серьезности, целеустремленности и подготовки, эти молодые люди осмеливаются быть, и при этом их не интересует, что они могут получить взамен или сохранить у себя».

В этом они, казалось бы, гораздо более искренни и многообещающи, чем то поколение, которое хочет только иметь.

«Они кажутся гораздо более искренними, чем старшее поколение, хотя часто им присуща некоторая наивность в вопросах философии и политики. Они не заняты постоянным наведением глянца на свое „я“ (как это старшее поколение – буржуазия. – С.К.), чтобы стать „предметом повышенного спроса“. Они не прячут свое лицо под маской постоянной лжи, вольной или невольной; они в отличие от большинства не тратят свою энергию на подавление истины. Нередко они поражают старших своей честностью, ибо старшие втайне восхищаются теми, кто осмеливается смотреть правде в глаза и не лгать. Эти молодые люди образуют всевозможные группировки политического и религиозного характера, но, как правило, большинство их не имеют никакой определенной идеологии или доктрины и могут утверждать лишь, что они просто „ищут себя“. И хотя им и не удастся найти ни себя (ибо нельзя найти себя, когда ты ищешь только себя. – С.К.), ни цели, которая определяет направление жизни и придает ей смысл, тем не менее они заняты поисками способа быть самими собой, а не обладать и потреблять.

Однако этот позитивный элемент картины нуждается в некотором уточнении. Многие из тех же молодых людей, а их число с конца 60-х годов продолжает явно уменьшаться (Фромм писал о хиппи и том, что за этим последовало. – С.К.), так и не поднялись со ступени свободы от (той свободы «глобиков», которую будут использовать американцы, чтобы перестраивать мир. – С.К.) на ступень свободы для (той свободы, а не несвободы, которую должны использовать мы. – С.К.); они просто протестовали, не пытаясь даже найти ту цель, к которой нужно двигаться, и желая только освободиться от всякого рода ограничений и зависимостей. Как и у их родителей – буржуа, их лозунгом было „Все новое прекрасно!“ (помните: «Мы ждем перемен!»? – С.К.), и у них развилось почти болезненное отвращение ко всем без разбора традициям, в том числе и к идеям величайших умов человечества. Внав в своего рода наивный нарциссизм, они возомнили, что им по силам самим открыть все то, что имеет какую-либо ценность».

И тут Фромм говорит главное: *«Их идеалом, в сущности, было снова стать детьми, и такие авторы, как Маркузе (а Маркузе – это крайнее крыло Франкфуртской школы, которое отделилось от марксизма и очень активно было использовано ЦРУ. – С.К.), подбросили им весьма подходящую идеологию, согласно которой возвращение в детство – а не переход к зрелости – и есть конечная цель социализма и революции. Их счастье длилось, пока они были достаточно молоды, чтобы пребывать в этом состоянии эйфории; однако для многих этот период закончился жестоким разочарованием, не принеся им никаких твердых убеждений и не сформировав у них никакого внутреннего стержня. В итоге их уделом нередко становится разочарование и апатия или же незавидная судьба фанатиков, обуреваемых жадной разрушения».*

Наша задача – формировать взрослость вокруг тех идей, которые мы сейчас раскапываем, доосмысливаем и развешиваем.

Потому что на другом полюсе будет вот этот маркузеанский идеал ребенка, который шарахается в своем недовольстве из стороны в сторону. И которым, как газом, всегда можно управлять – для разрушения. Как говорил когда-то один из спортивных комментаторов СССР, «такой хоккей нам не нужен». Это будет то, что будет нам противостоять.

Сегодня, как никогда, нас интересует взрослость. Способность быть и действовать. Возвращение себе полноты бытия, которая и делает человека субъектом действия. Беспомощные вопросы о том, что делать («Говорите, что делать? Где находится ваше Политбюро?» и так далее), – это вопросы детские.

Ясно, что делать – становиться социальным микролидером. Соединяться с другими такими же лидерами. Создавать формы деятельности, которые будут совместимы с твоими идеями, и не бояться того, что ты не сможешь их создавать. Формировать из этого социальную ткань будущего аттрактора. Если ты можешь – выдвигать новые идеи. Если не можешь – учиться идеям и учить других. Если ты находишься где-нибудь посередине – помогать и создавать

какие-то промежуточные формы деятельности, подбирать материалы, давать новые и новые факты, работать.

Нашлись люди, которые сделали стенограммы 46 серий передачи «Суд времени», за что им низкий поклон. Нашлись люди, которые создают портал по советскому наследству, за что им низкий поклон. Нашлись люди, которые хотят снимать фильмы и просят нас, чтобы мы давали контент, выступали в этих фильмах, а они будут готовить всю канву, всю матрицу. Они делают это сами.

Мало ли еще форм деятельности, которые можно вместе осуществлять, если действительно хочется работать, быть серьезным и создавать этот самый элемент №3 – социальную макрогруппу, которая сможет противостоять беспомощности и аннигиляции, коллапсу того, что нынешняя система считает своей базой и опорой и вместе с чем она будет уходить в небытие.

Вот это и есть та главная цель, ради которой можно производить такие программы, как «Суть времени». А также другие программы, другие продукты. А также заниматься деятельностью, строить социальные организмы, микро- и макро-, объединять их между собой. И, понимая, как все плохо, не опускать руки, а заниматься альтернативной деятельностью.

Либо мы успеем сформировать этот самый «элемент №3» – и тогда ситуация гораздо более спокойным образом будет выходить на нужные нам параметры. Либо не успеем. Но, может быть, успеем. Успеем создать то, что окажет противодействие окончательному обрушению России.

8 марта 2011 года

Выпуск №6

Меня часто спрашивают: «Что такое метафизика? В какой степени и в какой мере она эквивалентна религии? А если религии, то какой религии?»

Я-то лично считаю, что метафизика – это не совсем и не вполне религия. Это некое ощущение загадки мироздания, которое сегодня очень созвучно современной науке, теории эволюции, теории усложнения всех форм материального мира, включая те формы, которые создались сразу после Большого взрыва и дальше наращивались. Наращивались еще в пределах мира, в котором не было жизни, а потом в мире человеческом.

Если в живом мире подобного рода наращивание сложности форм – это эволюция, если в мире человеческом – это история, то в неживом мире... до конца нет еще даже согласия, что же именно усложняет эти формы. Но все понимают, что они усложняются. Все понимают, что когда-то не было атомов, когда-то не было молекул, когда-то не было кристаллов, когда-то не было органических молекул и так далее. И во всем этом есть какая-то загадка, требующая своего строгого объяснения. Совершенно необязательно адресуемая только к религиозному опыту. Есть какое-то пересечение между наукой и религией по вопросам о восхождении, об усложнении, о развитии и о метафизике развития.

Короче говоря, метафизика – это нечто более пространное, чем религия. Люди могут не быть религиозными и иметь метафизику. Могут быть религиозными и, как ни странно, не иметь метафизику. Люди, причастные разным религиям, могут иметь одну метафизику. И, наоборот, люди, причастные одной религии, могут иметь разные метафизику.

Я мог бы много об этом говорить, но поскольку мы говорим о политике и о сути времени, то я вместо этого прочитаю стихотворение Твардовского, в котором все пронизано метафизикой. И о котором нельзя сказать, что тут вот такая религия или другая. И это стихотворение имеет прямое отношение к сути нашей передачи.

*В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.*

*В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.*

*До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.*

*Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.*

*И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.*

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями.
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самую Москвой
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимую сорок первого;

И с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанном нечуждою рукою.

Со всеми – пусть не равен их удел, –
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел –
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ, –
Со всеми, до единого со всеми

Простились мы.

И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не за тем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не за тем, нет, не за тем одним,
Что ветры войн шумят не утихая.

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, –

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упреха!

*Что ж, мы трава? Что ж, и они трава?
Нет. Не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.*

Твардовский здесь в художественной форме говорит об эгрегоре. О царстве мертвых, которые живут в наших сердцах. О единстве эгрегора и живущих ныне на Земле. О том, что Собор есть единство живых и мертвых. И только Собор есть высшее выражение народа. Он говорит о многом – и о сути времени. «И время шло».

Метафизика как раз и выражает суть времени. Она говорит о том, что именно нас объединяет, каким образом связываются времена и какую роль в этом объединении времен, в связи времен играют наши мертвые и любимые.

«Гамлет» – это таинственное произведение, в нем много тайн. Одна из тайн, как мне кажется, состоит в том, что Гамлет просто очень любил отца. Все ставят разных «Гамлетов». Но ни в одном из этих Гамлетов нет того, что мне представляется главным. Он просто очень любил отца, был с ним связан и связан по-настоящему. И в этом расшифровка многого из того, что он делал.

Ну, а теперь вернемся от Гамлета, Твардовского, единства живых и мертвых и прочих, я убежден, основополагающих, краеугольных вещей – к тому, что называется политикой.

Понимая, что какие-то мысли схватываются аудиторией до конца, а какие-то не до конца, в большей или меньшей степени, я позволю себе сейчас применить несколько новых формул. Я предьявлю аудитории некоторые свои мысли, свои аналитические иероглифы в графике с тем, чтобы стало яснее и понятнее, о чем я говорю. Мне кажется, что такая окончательная ясность – не вообще некоторый оставшийся эмоциональный фон, не обсуждение некоторых отдельных мыслей, а уяснение всей логики как единого мегаиероглифа – безумно важна, коль скоро мы хотим, чтобы эти беседы (лекции? не знаю, как их еще назвать: исповеди, проповеди,

как некоторые говорят) имели максимальный эффект.

Итак, что вдруг стало ясно в предыдущей передаче «Суд времени»? И отчего все наши сторонники и мы сами возликовали?

Стало ясно, что есть общество.

И что в этом обществе есть меньшинство (такое совсем, совсем, совсем маленькое меньшинство) и есть большинство, причем огромное (рис. 2).

И что это большинство патриотично, поддерживает советские ценности, поддерживает единый тезис о величии нашей истории, ориентировано державно, ориентировано историофильски, а не историофобски – так, наверное, будет сказать точнее всего. Это наше, наше большинство. И важно, что оно не только наше, но оно и большинство. Каждый считал, сидя в своем углу, что он в одиночку страдает по советским и, в целом, по историофильским ценностям, в то время как вокруг клубится совсем другая, безумная жизнь. И вдруг в какой-то момент выяснилось, что таких «каждых» – «до и больше». И что они-то и слагают это наше большинство.

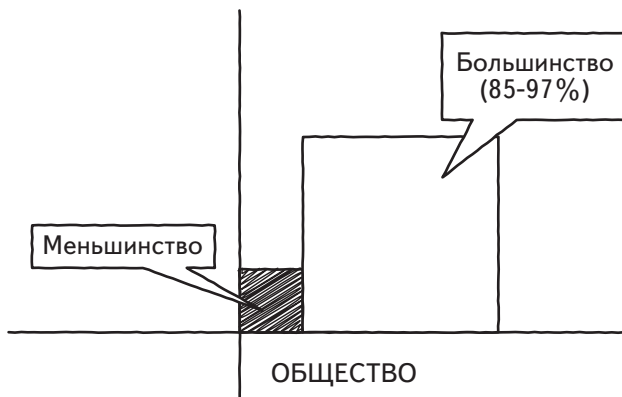

Рис. 2

Итак, есть это большинство, иногда выражаемое цифрой 85%, иногда выражаемое цифрой 97%. И есть меньшинство. Что в ответ на данный факт, обнаруженный в передачах «Суд времени» и подтвержденный многими другими данными, сказало меньшинство?

Меньшинство сказало: «Во-первых, это не так. Подумаешь, какие-то там телевизионные передачи! Подумаешь, какой-то там телевизионный актив! Это же не страна, это не общество – это малые сегменты, а может, вообще какие-то группы сумасшедших, которые по многу раз голосуют. А во-вторых, – сказало оно, – даже если это так, то ваше большинство – это неменяемый охлос, упыри, идиоты». (Сравни: «Россия, ты одурела», сказанное Юрием Карякиным после победы Жириновского в 1993 году на парламентских выборах).

Ну сказало меньшинство, что это не так, что речь идет о телевизионном шоу-тренде, а вовсе не о большом нарративе и мегатенденции... Но вскоре выясняется, что это все-таки так, потому что это подтверждается другими передачами с другим телевизионным охватом. Иначе и быть не может, потому что до 95% наших сограждан от преобразований последних 20 лет не получили вообще ничего. Около 20% этих сограждан голодает, еще 30–40% не могут приехать из Томска в Омск, не то что выехать за рубеж. И тогда вообще непонятно, что они получили.

Мобильные телефоны? Но я видел в Гималаях на высоте около 5000 метров женщину вполне традиционного обличья, которая распахивала огород на буйволе и говорила по мобильному телефону. В Африке много мобильных телефонов. И что же, все, что получило население от двадцатилетних преобразований, это мобильные телефоны? Так они есть везде! И вообще, нужно ли было огород городить, чтобы получить мобильные телефоны? Из России вывезено, по минимальным оценкам, 2 триллиона долларов. Сколько можно было купить на эти деньги мобильных телефонов, если речь была бы только об этом! Но говорилось же о чем-то другом. А в смысле этого «другого» не получено ничего.

Поэтому, во-первых, имеет место это большинство. И это макропроцесс, большой нарратив и что угодно, а не телевизионный микротренд. Ну зачем голову себе дурить?

И, во-вторых, этот феномен просто не мог не иметь места. Он обязательно должен был существовать, ибо он коренится в сути произошедшего у нас в стране.

Итак, через какое-то время меньшинство начинает понимать, что это все действительно, увы, случилось, и что оно, меньшинство, является меньшинством – абсолютным, тающим меньшинством, составляющим то ли 5, то ли 7, то ли 8%, но даже не 25 (как иногда в счастливых снах снится некоторым либералам, которые таким образом пытаются интерпретировать телевизионные результаты).

Дальше. Когда меньшинство это уясняет (а оно уясняет это довольно быстро), что оно тогда говорит? Оно говорит: «Ах, это так? Ну тогда, если это так, если все благо, которое вам принесли, всю правду, все наши изыски вы не принимаете, то не мы плохие, потому что мы не можем до вас это донести, а плохие вы – чертово быдло, упыри, охлос. И раз так, то, то, то...»

Мы спрашиваем: «То что?» (рис.3)

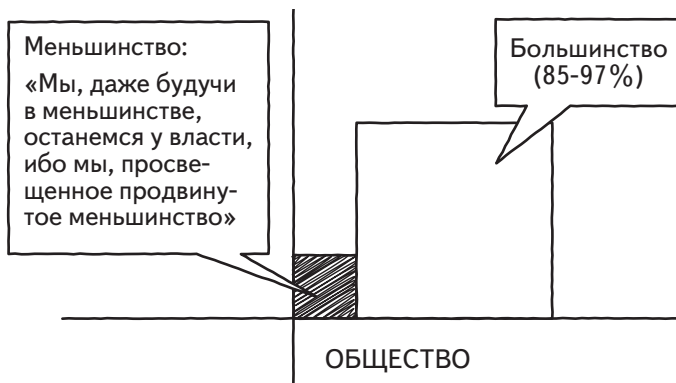

Рис. 3

Ответ, более или менее явный, таков: «А раз так, то мы, даже будучи в меньшинстве, останемся у власти, ибо мы – просвещенное, продвинутое меньшинство. И наша просвещенность и продвинутость дает нам на это право. А также дает нам на это право ваша дикость и непродвинутость как большинства».

Итак, меньшинство – это продвинутое, просвещенное меньшинство, властвующее над отсталым большинством. Теперь мы спрашиваем спокойно это меньшинство и самих себя, а также всех, кого это интересует: «Как это называется? Вот это всё вместе – как называется? Когда просвещенное, продвинутое меньшинство властвует над отсталым и идиотическим большинством – как это называется?» Ась? Не слышу! (рис. 4)

Называется это «диктатура», правильно? Это называется диктатура. И никак иначе. Это абсолютно точное политическое определение.

Но – первое – надо это слово сказать. Его надо выговорить и не подавиться. Ну скажите: «Да, наша власть будет диктаторской, а наш диктатор – вот он». Покажите пальцем, кто.

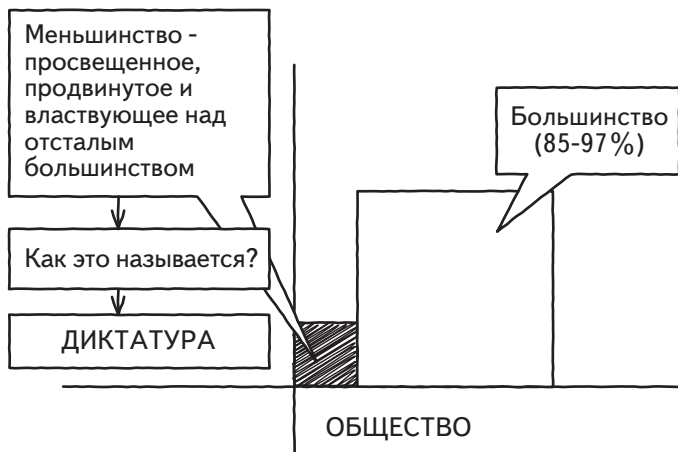

Рис. 4

Второе. Это же надо осуществить, обзаведясь, прежде всего, идеологией, легитимирующей каким-то образом такую ситуацию, потому что на штыках и вправду не усидишь; а кроме того, репрессивным адекватным аппаратом, который будет мобилизован, в том числе и через эту идеологию, а также иначе.

Но ведь меньшинство не хочет никакого репрессивного аппарата, потому что оно его боится больше, чем большинства. Оно несколько раз им обзаводилось: в варианте Коржакова, Лебеда и, в конечном итоге, Путина. И несколько раз получало от него в лоб. Поэтому оно теперь его не хочет. Оно понимает, что, как только оно им обзаведется, репрессивный аппарат это меньшинство и съест. А кроме того, меньшинство не хочет никакой идеологии, которая бы мобилизовала как какую-то социальную базу опоры, так и аппарат. Потому что оно в этой идеологии теряет свои прелестные словеса, свой либерально-космополитический флер, который оно ценит гораздо больше, чем методы удержания чего-то репрессивными способами. Даже если удерживаются твои позиции в обществе.

Третье, но очень важное, с чего я начал: меньшинство даже слово «диктатура» произнести не хочет, потому что сразу же все умрет. Тогда возникает вопрос: а что делать?

«Мы не говорим, что мы диктатура, а, напротив, говорим, что у нас наращиваются демократические процессы»...

Но демократические процессы приводят к власти большинство. А большинство, по определению меньшинства, – «отсталое» и является «охлосом», «упырями» и всем прочим.

«Мы не обзаводимся идеологией, расширяющей нашу социальную базу, а также мобилизующей репрессивный аппарат. Мы не приводим этот репрессивный аппарат к действиям, известным по явлению, именуемому „диктатура“. И мы не говорим, что мы – диктатура».

Так что же меньшинство делает? И почему это делаемое дает ему какие-то гарантии на сохранение властных или квазивластных позиций? Почему оно рассчитывает на продление

своего всевластия в условиях, когда все эти обязательные пункты, мною выше перечисленные, не только не выполняются, но выполняются, как говорят в математике и физике, с точностью до наоборот? Делается прямо противоположное – «демократизация нон-стоп» с лицом то ли Юргенса, то ли каким-то другим.

«Во-первых, – говорит в таких случаях меньшинство (говорит в режиме внутреннего монолога, самим себе, иносказательно, за некой завесой недомолвок), – большинство нужно, когда надо брать власть. Вот когда мы брали власть 20 с лишним лет назад, мы говорили: „Мы большинство! Мы большинство! Ура-ура-ура!“».

Было ли даже тогда большинство? Референдум по сохранению СССР вроде показывал что-то другое, но это отдельный разговор... В любом случае, они выводили какие-то массы на площадь, что-то клубилось. Ельцина избирали довольно демократическим путем президентом РСФСР, как вы помните. Это делало большинство. Не будем выкидывать из песни эти неприятные, но правдивые слова.

Итак, большинство нужно, когда власть берут. А когда ее взяли, то зачем оно нужно? Оно уже не так и нужно, ибо замена ему – власть. «Сидим и не уходим, и попробуйте нас скиньте». Когда ты взял власть, у тебя огромное преимущество.

«А во-вторых, потому что большинство, – говорит меньшинство (иносказаниями, в режиме полумолчания, но говорит), – не организовано в политическом смысле и бесструктурно в смысле социальном. Это аморфная масса, студень, слизь. И оттого, что оно большинство, ничего не меняется. Находясь в этом состоянии, оно ничего не может. А мы, – говорит меньшинство, – всеми нашими потенциалами будем эту аморфность усиливать, наращивать. Мы будем наращивать энтропию, а не обратное начало. Мы будем энтропизировать все процессы, имея некие потенциалы. И в этом смысле большинство будет нарастать и одновременно обретать все большую аморфность, слизеподобность, дикость или какие-нибудь другие черты: апатичность или, наоборот, примитивность эмоциональных реакций. А мы этим всем

будем управлять». Вот что говорит меньшинство. «Раз вы бесструктурные и депрессивные, раз у вас хребет сломан, то и толку-то, что вас большинство!»

«А в-третьих, – говорит меньшинство, – мы готовы гнобить большинство, гноить страну, длить регресс, уничтожая общество и даже принадлежащее нам государство, но продлевая свое квазивластное состояние. Мы, – говорит меньшинство, – на это готовы вопреки всему историческому опыту». Потому что правящий класс никогда не может наращивать энтропию в обществе, разлагать его, превращать его в аморфную слизь – ему это общество нужно для построения сильного государства. А сильное государство ему нужно, потому что правящий класс данной страны должен выдерживать конкуренцию с другими правящими классами. Поэтому он не может иметь дистрофичного солдата, не может иметь неграмотного, пьяного рабочего. Ему нужен сильный, образованный рабочий, ему нужен сильный солдат. И в этом смысл марксовской формулы, что капитал сам создает своего могильщика.

К формуле (она совершенно справедлива) должен быть добавлен один пункт. Капитал, участвующий в исторической конкуренции идвигающийся в восходящем потоке истории, рождает своего могильщика. Но если капитал понимает это – грубо говоря, читает Маркса и понимает, что там написано, – то он же может, почесав репу, сказать себе: «А зачем нам двигаться в восходящем потоке истории, зачем нам создавать своего могильщика, если мы можем управлять регрессом, поворачивать вспять историческое время, подавлять общественные потенциалы, обыдливать общество, работать не как собиратели, а как деструкторы, рассыпатели, и этим способом продлевать свое историческое время?» Вот в чем, между прочим, суть этого времени и почему к нему вполне можно адресовать великие слова: «Ваше время и власть тьмы». Вот чем занято меньшинство.

А чем занято большинство? Оно радуется, обнаружив, что оно большинство. Оно ликует по этому поводу. Говорит: «Мы-то думали, что мы меньшинство, мы жались по своим

квартиркам, считая, что нас совсем мало. А нас на самом деле – о-го-го сколько! Так надо что-то делать!»

Это правомочная радость, правомерная, правильная, великая и справедливая. Не только потому, что вообще приятно существовать в большинстве (хотя, когда у тебя есть правда, надо иметь силу воли и духа для того, чтобы существовать и в меньшинстве), но еще и потому, что обнаруживается очень крупная истина, понимаете? Дело же не только в том, что людей много и что они недовольны тем, чем обернулось двадцатилетие. Дело в другом.

Когда-то господин Ракитов (был такой советник у Ельцина) говорил о том, что «наша задача – сменить ядро цивилизации». Есть цивилизация (историко-культурная личность), а в ней есть ядро (рис. 5).

В ядре есть то, что называется «социокультурные коды» (примерно то же самое, что коды при компьютерном программировании или в генетике). Вот это ядро определяет тип личности. И господин Ракитов объявил «нашей задачей» (задачей ельцинского процесса 1991–1999 годов) смену ядра исторической личности. А сменить ядро – значит сменить

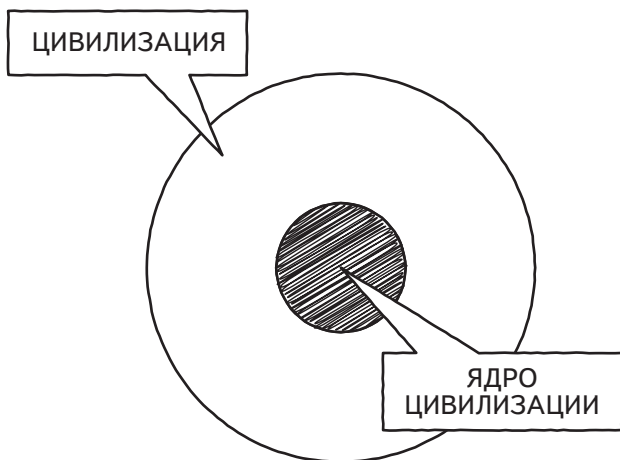

Рис. 5

принципы функционирования языка, культуры, религии, менталитета – всего. Я тогда сказал: «Фиг тебе, а не смена ядра! Не будет этого!»

Понадобилось 20 лет измывательств меньшинства над большинством, чтобы понять, что они ядро царапнули, задели, что-то в этом ядре травмировали. Но нельзя ядро, существующее тысячелетиями, изменить за 20 лет! Это все тот же народ по своим фундаментальным константам. Он – в силу своих фундаментальных констант – как поддержал советский строй и советский проект, он – в силу этих же фундаментальных констант – так и сопротивляется любому их изменению. Их так изменить нельзя.

Его царапнули, задели... Великий испанский философ Мигель де Унамуно говорил, что есть интраистория и экстраистория – внутренняя и внешняя история, в сущности, ядро истории и ее периферия.

На периферии-то похулиганили сильно и, может быть, что-нибудь травмировали и в ядре. Но ядро, конечно, не изменили. Мы всё те же. И нас большинство. Мы живем на этих просторах, мы понимаем примерно, как они устроены. Мы впитали в себя не только эти ландшафты, эту культуру, но мы впитали в себя еще и этот дух, и эти представления о должном, и эти принципы поведения, эти принципы уважения к централизованной государственности. Потому что невозможно раскинуться на такую территорию и обладать такими параметрами и не уважать всё это. Мы всё это вместе впитали и стоим на своем. Это тоже обнаруживается, помимо всего прочего. И тут есть предмет для ликования.

Но все это, как говорят математики, необходимо, но совершенно недостаточно. Это абсолютно необходимо и совершенно недостаточно.

Давайте разберемся еще раз, внимательно и спокойно, на что делает ставку меньшинство. На что оно делает ставку? (рис. 6)

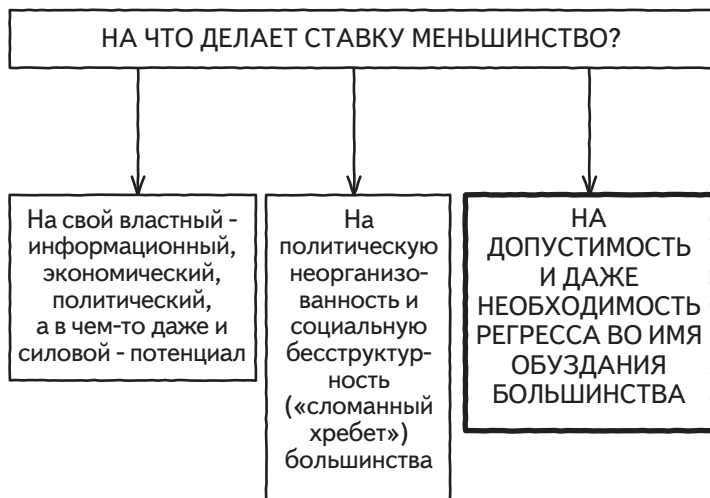

Рис. 6

На свой властный – информационный (телевизионный в том числе), *экономический, политический, а в чём-то даже силовой – потенциал*. Это первое.

На политическую неорганизованность и, что намного хуже, социальную бесструктурность («сломанный хребет») большинства.

На допустимость для меньшинства (в силу его – не побоюсь все-таки этого слова в самом обобщенном виде – антинациональности или чуждости национальному духу, чуждости любви к Родине, государству и чуждости даже идее того, что это государство является инструментом твоей силы как правящего класса... всё это чуждо, соответственно, возникает допустимость) *и даже необходимость регресса во имя обуздания большинства*. Что, в принципе, ни одно восходящее государство, сколь угодно свирепое, себе позволить не может. Гитлер омерзителен, но он не мог допустить регресса общества, которым он управлял. Ибо и общество, и государство были ему нужны для его зловещих целей.

Рис. 7

Наше же меньшинство считает регресс возможным и допустимым, а в каком-то смысле даже желательным.

Причем *информационные и прочие потенциалы применяются для растления, манипуляции, «аморфизации»* (да простится мне это, не вполне общепринятое слово) – наращивания степени аморфности общества, которым меньшинство управляет (рис. 7).

Я не могу тут не вспомнить Достоевского: «Мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве». Называлось это «Бесы». Проводились абсолютно ясные адресации, связанные с революционными движениями того времени. Но революционеры-то бесами не стали – они ввели всеобщее образование, провели индустриализацию... А сегодня? «Единственный обязательный предмет – физкультура. Да и то много. С кулаками будут кидаться на нас, поэтому можно и без физкультуры». Единственный предмет – правильное потребление водки и наркотиков. Все остальное – факультатив, платите деньги.

Я снова говорю: почему нормальная, сколь угодно свирепая элита никогда не допустит регресс собственного общества? Сколь угодно свирепая, подчеркиваю. Потому что нормальной элите государство необходимо для выигрыша в конкуренции с другими элитами! А здесь это не нужно. Вот та тайна, которая маячит за фасадом происходящего, за всеми парадными утверждениями и которую все время пытаются скрыть.

Снова спрашиваю: на что делает меньшинство ставку? Внимание! Это очень важно сформулировать четко и осознать в полной мере.

Первое. Очевидно, что ставка делается на деградацию и регресс как средства продления своего псевдогосподства. Продление господства через ликвидацию объекта, по отношению к которому осуществляется господство.

Это и есть то, что я назвал «мутация», «паразитарность», «превращенная форма». Это свойство нашего правящего класса.

Второе. Как только мы это обнаруживаем, мы спрашиваем себя: а не этим ли занимались мутировавшие группы советской элиты (а точнее, антиэлиты), разрушая СССР? Не этим ли они занимались? (рис. 8)

Советскую систему надо было переместить с индустриальной базы опоры на постиндустриальную. Если наука действительно становится непосредственной производительной силой, то технократия, интеллигенция в целом – это уже не интеллигенция. А это новый класс – когнитариат. Но тогда нужно переместить базу опоры своей системы на новый класс, не забывая обо всем обществе и не прекращая опираться на рабочих и крестьян. Это можно было сделать. Переместите туда базу опоры – и система, немного трансформировавшись, заработает так, что весь мир ахнет! И вы увидите новое чудо.

«Ну вот еще, – сказала мутировавшая часть номенклатуры, – мы переместим базу опоры, система трансформируется,

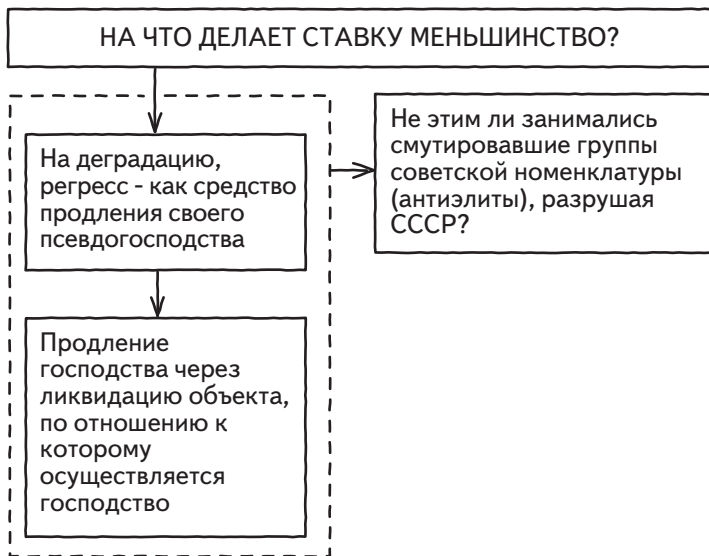

Рис. 8

и нам в ней не будет места! Нетушки, не нужно нам никакого развития, если мы теряем место в процессе. Нам нужно сохранить место – любой ценой».

Я уже рассказывал, как на одной из «элитных» посиделок, я, вызывая раздражение моих собеседников, все спрашивал: «Где модернизация, что модернизировано? Если по факту через 20 лет говорят, что ничто не модернизировано, значит, модернизации нет. За 20 лет осуществлена демодернизация: заводы разрушены, образование стало хуже, интеллигенция живет как изгой, рабочий класс разрушается (мы гигантским трудом его создали ускоренными темпами в 30-е годы)... Где модернизация?» Наконец, один из участников этих посиделок, элитный такой парень, разозлился: «Кургинян ничего не понимает! Речь не шла о модернизации общества. Речь шла о модернизации элиты». Тогда я спросил: «За счет чего?» Он мне говорит: «За счет всего». В ответ другой участник выкрикнул: «Господа, будучи настолько либералами, можно же быть хоть чуть-чуть гуманистами!» Ему сказали: «Нельзя». И отправились пить коньяк и пожирать икру – «круглый стол» завершился.

Итак, «за счет всего». Удержание власти возможно за счет всего, в том числе и за счет поворота вспять исторического времени. Не этим ли занималась не только сегодняшняя псевдокапиталистическая... не знаю, как назвать? ...класс? Нет, классом это назвать нельзя, потому что – говорил уже много раз – класс определяется собственностью на орудия и средства производства, а воровская фомка вряд ли является средством производства.

Итак, псевдокласс, супергруппа – не важно, вот эта группа, которая сейчас этим занимается, не есть ли она наследник советской антиэлитной группы? Не делает ли она то же самое? А если делает то же самое, то ясно, чем это кончится. Она будет пытаться сохраняться, разрушая государство. Она и не может ничего другого сделать. Если она поощряет регресс, поощряет гниение – государство рухнет, раньше или позже. Значит, она продлевает себя за счет разрушения государства. И понятно, чем это кончится.

У меня возникает вопрос: это одна и та же программа, которая таинственным способом передается от советской антиэлиты в постсоветскую? Или это одна и та же элита, исторически наследующая своим предшественникам в полной мере? В том числе не только на уровне идей, программ, а на уровне реального элитного субстрата? (рис. 9)

Рис. 9

И, наконец, **третье**: мне бы хотелось знать, как это соотносится с мировыми процессами? (рис.10)

Ведь это очень важно. Это наше «ноу-хау»? Или мы опять «слабое звено» в некоем мировом процессе?

Рис. 10

Перед тем, как обсудить все эти три вопроса, я еще раз спрошу о другом. Если меньшинство делает ставку:

- на свой властный, информационный, политический, даже силовой потенциал;
- на политическую неорганизованность и социальную бесструктурность («сломанный хребет») большинства;
- на допустимость и даже необходимость регресса во имя обуздания большинства,

если оно применяет информационные и прочие потенциалы для растления, манипуляции, «аморфизации», то есть делает то, что в принципе в истории не делалось (сознательно, по крайней мере) на протяжении тысячелетий...

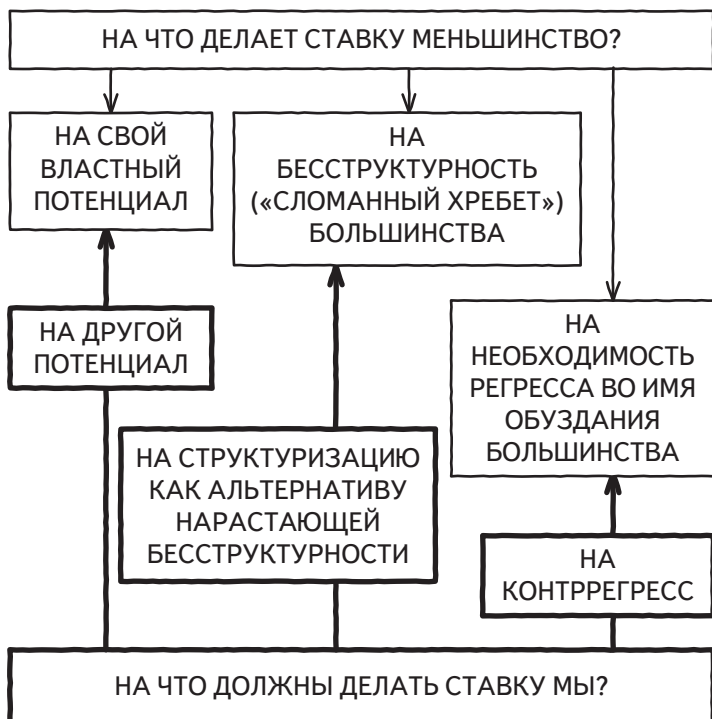

Рис. 11

Если меньшинство делает все это и делает ставку на это, то на что должны делать ставку мы? На что в этом случае должны делать ставку мы?

Понятно, что «разборка автомата Калашникова осуществляется определенным образом, а сборка осуществляется в обратном порядке», как говорили начальники – старшины, младшие лейтенанты, когда я проходил сборы в Таманской дивизии. Так вот, мы должны действовать в обратном порядке (рис. 11).

Если они хотят опереться на свой властный, информационный, экономический, политический потенциал, мы должны опереться на другой потенциал.

Если они хотят эскалировать политическую неорганизованность, социальную бесструктурность, мы должны структурировать общество. Структурировать его! В этом наша альтернатива нарастающей бесструктурности. Поймите, что она нарастает день ото дня. Значит, мы должны этому энтропийному процессу противопоставить обратный, негэнтропийный процесс. Процесс социальной структуризации, а не только политической организации. Потому что можно 25 раз организовать все политически, но если социально все дезорганизовано, то все эти политические организации гроша ломаного не стоят и рухнут при первом испытании. Точнее, рассыплются в пыль, как они рассыпались уже неоднократно.

И, наконец, последнее. Если они делают ставку на допустимость и даже необходимость регресса во имя обуздания большинства, то мы должны делать ставку на контррегресс, на обратную тенденцию. У нас нет с вами восходящего исторического процесса как данности. Мы не можем рассуждать в парадигме «могильщика». Потому что никто не делает «могильщика». «Могильщика» делают только в восходящих, повторяю, исторических условиях, а их явно нет. Явно нет! В этом гигантская новизна по отношению ко всему, о чем рассуждал Маркс. Ибо представить себе, что какой-то господствующий класс будет отказываться от господства и обеспечивать регресс, Маркс не мог. Не хотел. Может быть, боялся это себе представить.

А вот Джек Лондон, когда писал уже роман «Железная пята», довольно подробно это описывал. Описывал эту, так сказать, глобальную олигархию, которая за счет подобных вещей и будет выживать. В том числе и создавая бесструктурное, деградационное большинство, которое Джек Лондон назвал зверем из бездны. Вот она будет творить этого зверя из бездны, потом усмирять, потом снова творить и за счет этого пытаться обеспечивать самовыживание и даже устойчивость своеобразного типа.

Итак, мы должны провести инвентаризацию наших возможностей и наращивание всех возможностей – интеллектуальных, деятельностных...

Вот есть интернет. Чей он будет завтра? Это ведь зависит не только от того, сколько у кого денег и какие башни выстраивают. Это же зависит от других вещей. И чем он будет, этот интернет? Он будет значить больше, чем телевидение, или меньше? Сумеет ли та организованная часть большинства, которую мы пытаемся сформировать, пробиться с этим интернетом к большинству? Как она к нему будет пробиваться? Насколько будет активна, насколько сплочена? Потому что сплочены только люди, у которых есть ценности.

Эволюционное значение ценностей двояко. В обычных условиях они оберегают вас от преступлений, за совершение которых вас наказывают и отбрасывают назад в обществе. Но если в обществе за преступления вас не наказывают, не отбрасывают назад, а поощряют (а именно в этом смысл сегодняшнего процесса; всё, вплоть до законов, – это поощрение преступности, наращивание преступных тенденций), то какой остается эволюционный смысл у ценностей? Они ж становятся веригами! Вы себя все время держите в рамках и не можете маневрировать, а ваши противники могут. Вы все время оглядываетесь на закон, потому что вы законопослушные граждане, а они его нарушают с легкостью и за счет этого укрепляют и укрепляют свои возможности.

Так где же наш эволюционный потенциал? Только в одном. Ценности формируют мощные когерентные социальные группы. Ценности структурируют дух, если ценностей нет, то идет «война всех против всех».

Всё, лишённое ценностей и духа, распадается. Всё, обладающее этим, может структурироваться. Но тогда это должно быть достаточно накалено и должно иметь возможность править бал хотя бы в вашей душе. Потому что в противном случае ценности не объединяют, а становятся только веригами и превращают даже ядро большинства в малоэффективных доходяг, в часть регрессирующего процесса.

Итак, вот это вместе:

- инвентаризация своих возможностей и их наращивание;
- социальная структуризация через ценности как основа для структуризации политической;
- контррегресс
- это всё вместе и есть катакомбы (рис. 12).

Задача катакомб не в том, чтобы зарыться в нору. Не зарыться в нору, не бежать от действительности, не уподобиться сектантам. А осуществить действия по трем вышеуказанным направлениям: инвентаризация и наращивание своих возможностей; социальная структуризация как основа для структуризации политической; контррегресс – вот это и значит «строить катакомбы».

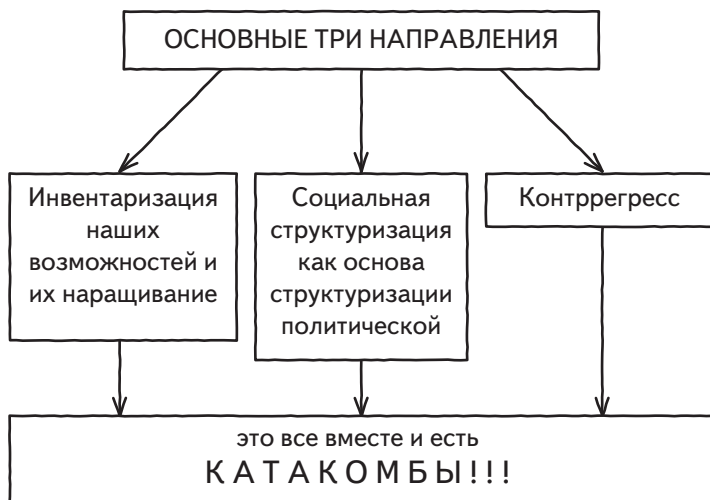

Рис. 12

Быть умнее и активнее оппонента.

Быть сплоченнее и солидарнее оппонента.

Быть реально способными к восхождению в условиях, когда оппонент нисходит, деградирует вместе с теми, кого он обрекает на деградацию.

Это вместе и есть катакомбы (рис. 13).

Еще раз повторяю: дело не в том, чтобы зарыться в нору, не в том, чтобы убежать от действительности, не в том, чтобы в деревне начать копать картошку, не в том, чтобы уподобиться секте. А в том, чтобы быть активнее и умнее оппонента, быть сплоченнее и солидарнее оппонента и быть реально способными к этому самому восхождению – хотя бы в ядре. Тогда потянется и периферия.

Конкуренция – это всегда конкуренция организованных. Борьба как крайняя форма конкуренции – это борьба между различными типами эффективной сложности, то есть организованности. Что может противостоять слабо, плохо, деструктивно организованному (прошу прощения за эту,

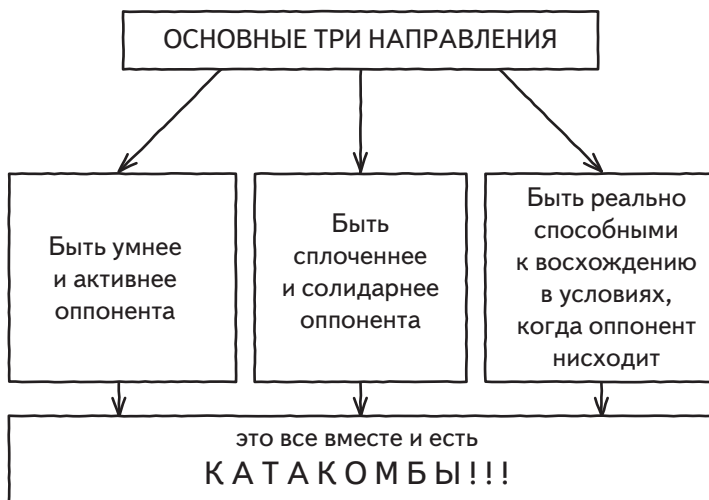

Рис. 13

казалось бы, парадоксальную, но очень отвечающую нашей действительности формулу)? Только эффективная сложность. Нарращивание этой эффективной сложности в создаваемых социальных структурах. И параллельное превращение социальных структур в структуры политические.

Но, пока нет социальных процессов в этом направлении, не будет политических. 20 лет пробовали создать их без этой социальной структуризации – что получили? Грустно перечислять, что именно. Власть меньшинства держится на беспомощности большинства. На бессмысленности, а в чем-то и провокативности создаваемых для противодействия меньшинству политических субъектов. На социальной аморфности, которая нарастает за счет усилий этого меньшинства. Значит, этим усилиям что-то должно быть противопоставлено.

Вот что такое катакомбы. Создавать формы более сложные и эффективные, чем твой противник, и задействовать эти формы – каждый день, каждый час. Если суть заключается в том, чтобы Вселенная, развиваясь, двигалась после первого взрыва от совсем элементарных частиц к атомам, потом к молекулам и всему остальному, к жизни и к человеку, то развернуть процесс назад – это значит двигаться к примитивному. А бороться с развернутым назад процессом – это снова карабкаться по лестнице сложности, вперед, вперед и вперед! Да, сбросили, развернули назад. А вот теперь надо найти в себе силы и в самих себе запустить обратный процесс. Ведь не зря было сказано: «Спаси себя, и вокруг тебя спасутся тысячи». Спаси себя в том смысле, в каком я это понимаю, – это значит двинуться вперед, в сторону этого усложнения. Заставить себя двигаться туда вопреки процессам, которые требуют обратного.

Я не буду каждый раз зачитывать Фромма. Но я напоминаю, что там говорилось о социальном характере и о том, что когда доминирующий социальный характер – причем деструктивный – сформировался, то все остальные боятся проявить что-нибудь, кроме этого характера. Они боятся быть другими. Они чувствуют себя маргиналами.

Для того чтобы не чувствовать себя маргиналами, нужно место, пространство формирования альтернативных мощных социальных характеров. Не тех, которые приводят вот к этому ужасу, который мы имеем, а обратных.

Но их просто так не сформируешь. Если два часа вечером формировать в себе обратный характер, а весь рабочий день и оставшееся время, когда надо искать побочные к работе промыслы, формировать основной характер, то, извините, и будет формироваться основной. И в этом смысле бытие определяет сознание. Не до конца, но определяет.

А значит, нужно искать альтернативное бытие. И абсолютно не обязательно в деревнях, копая картошку. Но как-то его надо искать! Альтернативную коллективность. Жизнь вместе с другими, такими, как ты. Да, жизнь, а не только собирание на политические собрания раз в месяц. Социальную жизнь. Это безумно важно, и это делалось в истории человечества много раз. В Латинской Америке, где все-таки, казалось бы, актив социального большинства находится на более низкой образовательной ступени и у него не тот социальный опыт, что в России, нашли такие формы, какие здесь не находят, в том числе, и простейшие.

Когда Кавальо в Аргентине (это такой аргентинский Гайдар) провел реформы, при которых все начало сыпаться, люди стали сами выпускать себе социальные сертификаты. Нет денег – что делать? Один человек приходит к другому на весь вечер в качестве няни. Ему подписывается социальный сертификат. Он может отдать этот сертификат еще кому-то, и этот кто-то помоеет у него окна. Примитивная форма? Примитивная. Но люди стали создавать какие-то формы жизни. Они стали собираться вместе для сохранения своих форм культуры, своих ценностей.

Праздники... Все ли справляют те праздники, которые они же сами любят, если они причастны к определенной исторической линии? Справляют ли они их и насколько эффективно они их справляют, то есть вместе с кем? Если они их справляют вместе с кем-то, то у них уже есть катакомбы. Потому что завтра эти праздники, как вы знаете, будут

аннулированы. А кто-то предлагает их и запретить.

Типичная катакомбная ситуация, отдающая в условиях реформы образования только анекдотом: «Все спецслужбы страны после длительных усилий и талантливо осуществленных спецмероприятий, наконец, докопались до главной преступной подпольной группы, которая слушала Моцарта и читала Толстого». Анекдот анекдотом, но не к этому ли идет дело?

Итак, в каких случаях все это может быть эффективно? Если у этого есть собирающее начало. Смысловое начало. Но каким образом через такую тьму времен пробиться к смыслу, к этому собирающему началу?

Через философию.

И здесь опять надо бы почитать Ленина, потому что Ленин – человек в этом смысле просто гениальный. Его фраза о том, что никакая наука, никакой естественный материализм людей ничего нам не даст, если не будет философии, что в отсутствие философии мы обречены на то, чтобы буржуазия нанесла нам поражение... Вот так и сказано: в отсутствие философии мы обречены на то, чтобы буржуазия нас разгромила (это сказано уже после взятия власти). Это надо быть очень незаурядным человеком! К сожалению, не обеспечившим главного – того, чтобы на место революционеров-философов первого поколения через 40–50 лет не пришли люди настолько заурядные, что им философия была не только не нужна – их от нее тошнило. И тогда буржуазия нанесла поражение. Не только по этой, но и по этой причине.

Итак, нам нужна эта самая философия. А главный философский вопрос, который является одновременно политическим, прост и поразительно соотносится с нашей передачей: в чем суть времени? Мы назвали передачу «Суть времени». Так в чем эта суть?

Суть времени, и этому были посвящены предыдущие 5 передач, заключается в том, что завершается одна эпоха – эпоха А, эпоха Модерна, содержание которой Модерн, и начинается другая эпоха – эпоха Б (рис. 14).

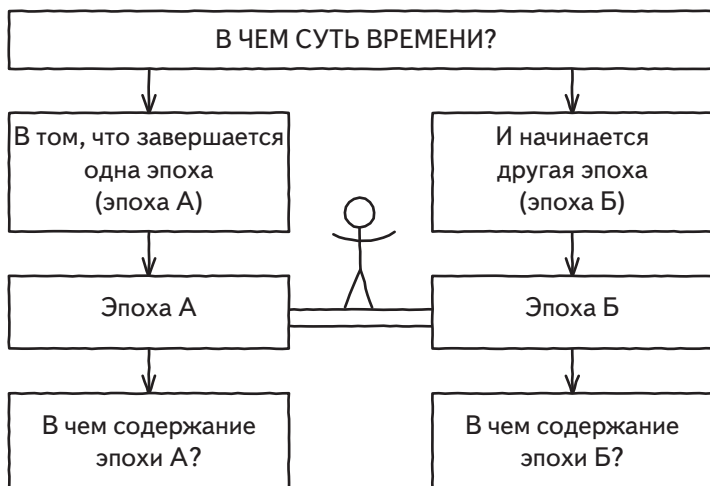

Рис. 14

Эпоха А длилась очень долго. Теперь наступает эпоха Б. А мы с вами находимся на маленьком мостике между двумя эпохами. «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»... Но в чем же содержание «эпохи А» и «эпохи Б»?

Содержание «эпохи А» – Модерн. Сегодня остаточный модерн существует на Востоке. Но на сегодняшний день Модерн не единственный проект, то есть он там существует как один из проектов. А в «эпоху А» Модерн был монопроектом: есть только Модерн – и ничего больше (рис. 15).

В гигантскую эпоху, на протяжении почти пятисот лет, считалось, что, раньше или позже, каждый народ земли пойдет по пути Модерна – пусть с учетом национальной специфики и культурных особенностей, но пойдет этим путем. И, рано или поздно, доразовьется до некоего социального и интеллектуального, политического, культурного блага. Тогда, возможно, человечество станет единым.

Да, в этом не было подлинной универсальности. Ее место занимала нивелировка всех до некоторых норм Модерна. Но

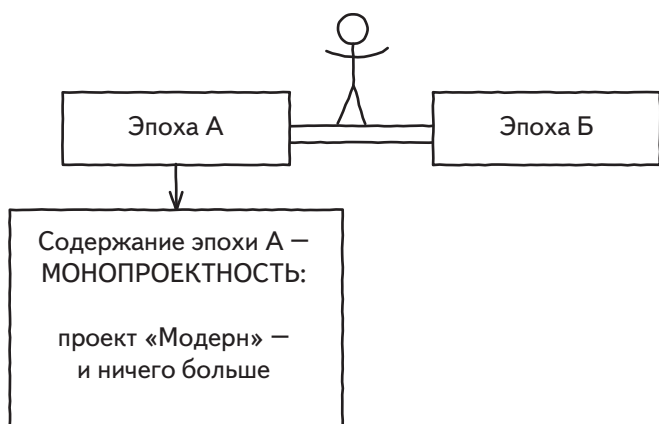

Рис. 15

в этом была всеобщность. И эта эпоха длилась примерно 500 лет. Примерно с 1460-го и до 1960-го года. Вот эти 500 лет длилась эта эпоха.

Буржуазия зарождалась, оформлялась. Она победила в Великой Французской революции и серии буржуазных революций, прокатившихся по миру (Англия, Америка и так далее). Она утвердила эту монопроектность. Она двинулась этим путем. Но в какой-то момент стала загнивать. И если бы не советский альтернативный проект, который, как балка, подпер балку заваливающегося проекта «Модерн», буржуазия рухнула бы уже в конце XIX – начале XX века, после Первой мировой войны. Фашизм был попыткой буржуазии продлить себя за пределы угасающего проекта «Модерн». Но «балка» советского проекта подперла заваливающуюся «балку» Модерна и не дала ему обрушиться. А вот когда сбили советскую «балку» – Модерн начал рушиться. Это мы сейчас и наблюдаем. Это и есть переход из «эпохи А» в «эпоху Б».

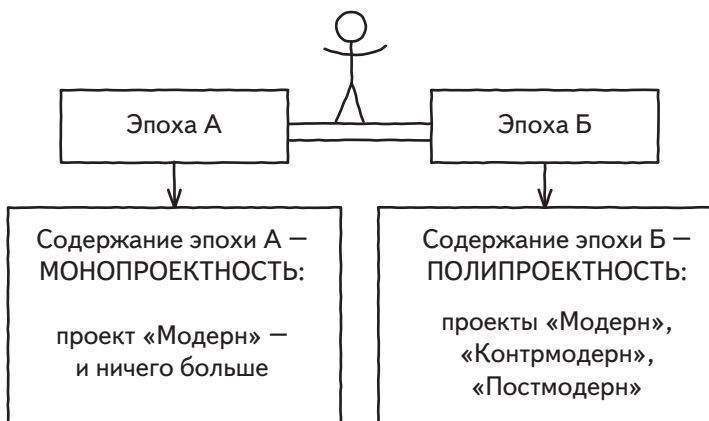

Рис. 16

Итак, «эпоха А» – это монопроектность Модерна со всеми его принципами, а «эпоха Б» – это полипроектность, когда есть несколько проектов: Модерн, Контрмодерн, Постмодерн, – и они каким-то образом соотносятся друг с другом (рис. 16).

Повторяю еще раз.

Эпоха А – это когда есть Модерн – и ничего больше.

Эпоха Б – это когда есть разные проекты: Постмодерн, Контрмодерн, остаточный Модерн. При этом Постмодерн и Контрмодерн у нас на глазах (в этом египетский опыт!) начинают объединяться и создавать, соответственно, «мировой город» и «мировую деревню», с тем чтобы атаковать Модерн, концентрирующийся сегодня на Большом Дальнем Востоке.

Если бы существовала эта схема, то миру и человечеству пришел бы конец. Поскольку эта схема иллюстрирует одно: капитализм, продлевая себя за Модерн, продлевая свое господство за его пределы, все равно превращается в фашизм, гностицизм, в демонтаж единства рода человеческого, он ничего другого сделать не может. В пределах этих трех проектов не может происходить ничего! (рис. 17).

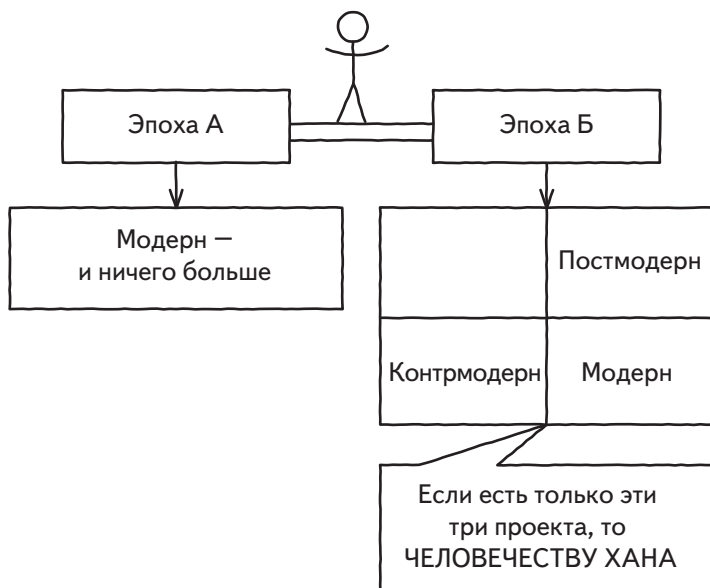

Рис. 17

России, которой в рамках «эпохи А» – монопроекта Модерн – было место (она могла понемножку продвигаться в сторону модернизации), в рамках указанной трехчленки места нет. Почему?

Потому что остаточный Модерн существует сегодня только на Большом Дальнем Востоке (здесь много бедного, молодого, дисциплинированного населения).

В Контрмодерне России тоже места нет (точнее, если оно и есть, то это ужасное место).

В Постмодерне ей явно нет места. Никакого! Но даже если бы ей было место в Постмодерне, все равно это мир ужаса. Это социальный, политический, геополитический, метафизический ад. О чем тоже говорит Фромм: мир, в котором любовь уже не преодолевает отчуждения, – это ад, по христианскому определению.

Но в том-то и дело, что есть четвертый проект! Кроме Постмодерна, Контрмодерна и Модерна, есть четвертый проект (рис.18).

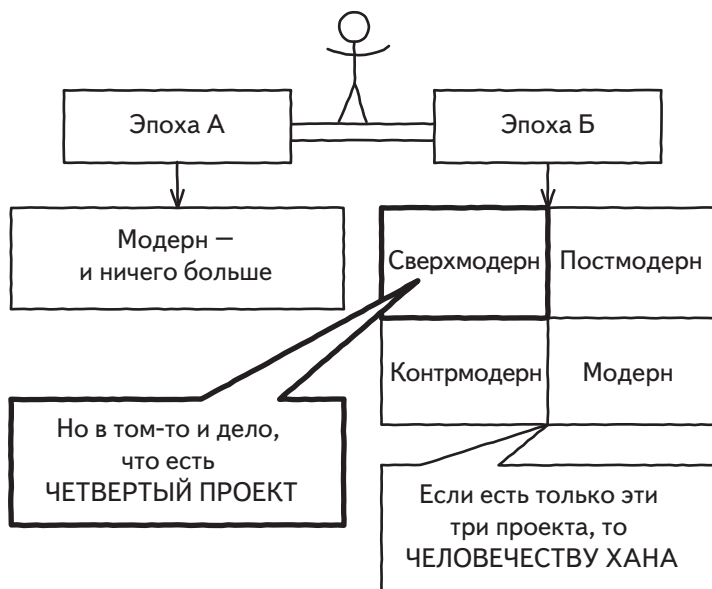

Рис. 18

Назовем его Сверхмодерн. И дальше, уже в следующем разговоре, обсудим, что это такое. Пока же скажем, что этот четвертый проект, проект «Сверхмодерн», включает в себя нечто новое, чего ни в каком коммунизме не было (рис. 19):

- нечто, отброшенное из коммунизма и советскости еще в советскую эпоху;

- нечто, скомпрометированное в постсоветскую эпоху и теперь постепенно оправдываемое (это и есть основное);

- нечто, не введенное в советскую коммунистическую систему ни в советскую эпоху, ни в постсоветскую, ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве и прочих, ни потом.

Вот эти три столба: два маленьких столбика («отброшенное» и «невведенное») и один огромный (реально су-

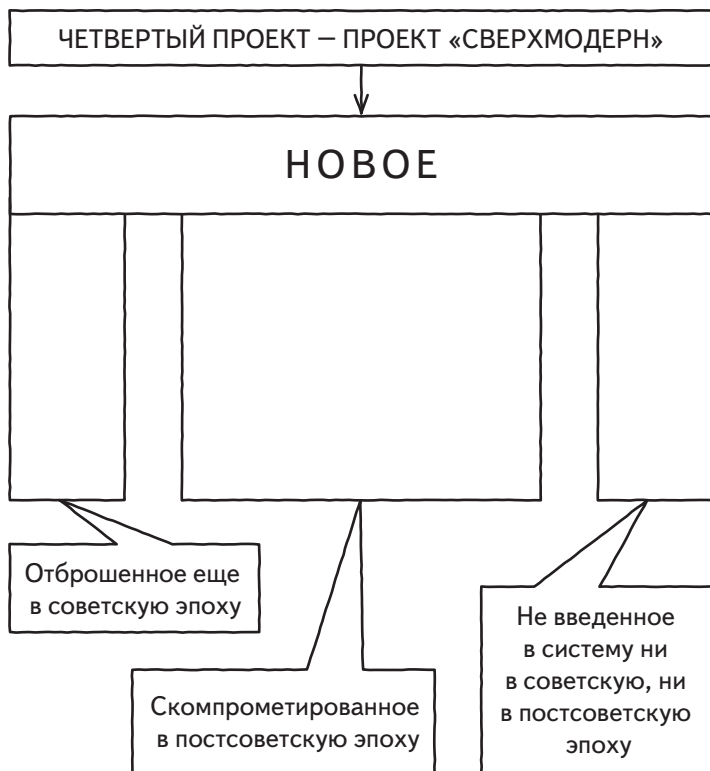

Рис. 19

ществовавшее, но скомпрометированное в постсоветскую эпоху) – составляют фундамент проекта «Сверхмодерн». Это посткапитализм, в любом случае. Это посткапиталистические перспективы, о которых говорили давно, как бы их ни называли: «эпоха когнитариата», «информационное общество», «меритократическое общество»... Но это уже не капитализм.

Капитализм кончается, он умирает. Нет капиталистических семей, передающих наследство по-настоящему, как общее дело – как передавала когда-то семья Рокфеллера и другие семьи. Нет этики капиталистической. Много чего нет.

Итак, капитализм умирает, возникает посткапитализм. И это и есть четвёртый проект – Сверхмодерн. И он удивительно созвучен тому, что делалось в советское время. Снова повторю, что именно обрушение советской «балки» завалило всемирный модерн. С 1991 по 2001 год. Десять лет на это понадобилось, и это было сделано.

Теперь о том, что нам нужно (рис. 20).

Нам нужен **проект** как цель. Если четвертый проект существует, то нам нужен этот проект. И программа «Суть времени» должна собрать тех, кому нужен этот проект как цель.

Нужен **субъект**, тот, кто реализует этот проект, – высокоорганизованная социальная группа, которая объединена идеалами, ценностями и целями данного проекта.

Нужна **технология** (как будет реализован этот четвертый проект).

Нужны **ресурсы** (за счет чего будет реализован четвертый проект? За счет чего будут созданы те или иные инструменты его реализации?)

И нужен **человеческий материал**.

Нельзя создать самолет из глины. Но если есть глинозем, то ты выплавишь алюминий и создашь из него самолет любого качества. Глинозем есть, а алюминия пока очень мало для самолетов.

Нужно это пятиединство: цель (проект); субъект; технология; ресурсы; человеческий материал.

Теперь возникает вопрос: «Но что же делать? За работу! Если есть проект, то давайте обсуждать его».

Но мало обсуждать его. Потому что проект – это великая цель, воодушевляющая людей, глубоко мотивирующая их на действия, трансформирующая их человеческую природу. А стратегической, идеальной цели вообще не может быть, если нет Идеального. Цель рождается только в рамках такого Идеального, которое действительно функционирует в человеческом сознании, мобилизует его.

Если повреждено Идеальное (а в этом и была цель перестройки, регресса, вот этой чечевичной похлебки), то цель

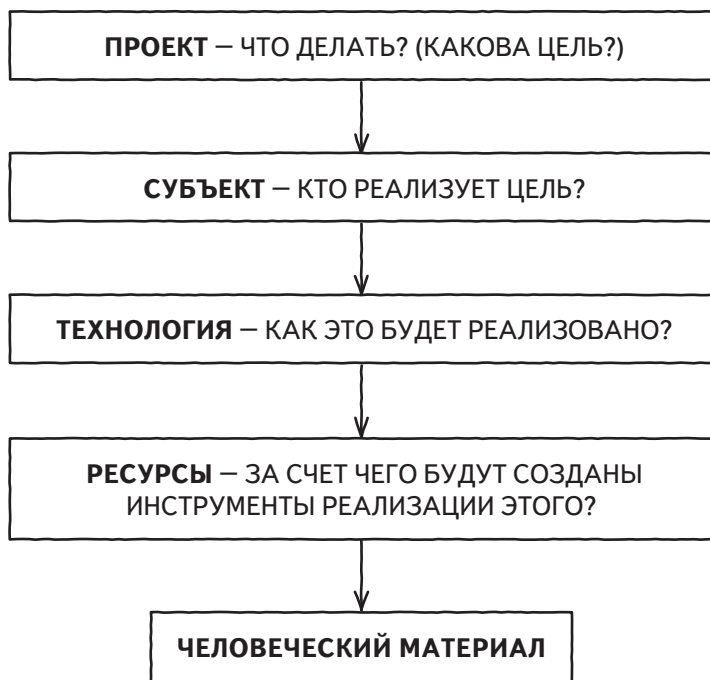

Рис. 20

вроде как умом понимается, а человека по-настоящему не мобилизует.

Задача противника – обрушение Идеального вообще. Он этим и занялся, он не только советское Идеальное рушил. Он рушил Идеальное вообще. По крайней мере, он хотел лишить его мобилизующей силы. Если Козырев прямо сказал: «Обсуждали национальную идею, потом решили: какая ни будет, начнется это чертово воодушевление, зачем оно нужно? И решили: пусть деньги будут национальной идеей...» На Совете Безопасности, при Ельцине, решили, что деньги должны быть национальной идеей. Прямая формула криминального государства: Золотой Телец, город Желтого Дьявола. Проклинали-проклинали, потом сами решили строить.

Итак, если не будет восстановлена мобилизующая сила Идеального, то все наши проекты – это игрушки, и ничего больше. Значит, перед нами стоит триединая задача.

Первое. Мы должны обсуждать действительность. Все глубже и глубже сверять ее с нашим понятийным аппаратом. Все глубже и глубже понимать, как работает этот понятийный аппарат. Это и есть политическая философия, философия, переходящая в политику.

Второе. Это должно быть освоено и проработано группами на местах. Без этапа марксистских кружков не обойтись. Я не говорю, что нужно снова Маркса изучать. Я уже сказал, что Маркс во многих пунктах оказался неполон... Это связано с тем, что он просто не мог до конца ощутить масштабы зла, которое может развернуться в мире, и изощренность этого зла. Так вот, теория изучается в кружках. Нужен кружковый этап создания политического и социального субъекта. Если этот этап не пройти, вообще ничего не будет. Не будет – и всё.

И, наконец, политический вопрос, по поводу которого мы много спорим. Мне говорят: «Так что же, не протестовать против ЖКХ, против плохого образования?»

Почему не протестовать? Речь идет совершенно о другом. Речь идет о том, что, действуя подобным образом, мы потеряем государство. А потеряв государство, мы потеряем Родину. Государство – это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение. Только поняв это историческое предназначение до конца и приведя себя снова в состояние, когда твое Идеальное может быть подчинено этому историческому предназначению, можно стать народом. Но без государства русский народ не может – причем в большей степени, чем любой другой. Ну не может он без него, он это чувствует.

Значит, государство потерять нельзя. Нельзя, чтобы обрушение политической системы и даже обрушение государства (которое само по себе, подчеркиваю, лишь средство) привело к обрушению Родины и народа. К окончательному прекращению исторического существования.

И вот здесь я опять возвращаюсь к «Гамлету», потому что, с моей точки зрения, это политическое пособие для тех, кто идет на глубину. Вопрос не только в «цепи времен». Вопрос в великой фразе, которую Призрак сказал Гамлету: «Не посягай на мать».

Я убежден, что Призрак отца имел в виду именно Родину-мать по большому счету. «Не посягай на нее, даже если ты понимаешь, что она пала. Даже если ты понимаешь, что она существует в прискорбном состоянии, не смей на нее посягать». Не система, не государство, а Родина. История, судьба, народ, Собор как единство живых и мертвых, без которого мы «трава», мы ничто, мы люди со сломанными хребтами. Вот на это посягать нельзя.

Смотрите пристальнее, кто на это посягает, в том числе и объединяясь с подонками из меньшинства, которое явно презирает всё, что связано с исторической судьбой Родины. А кто пытается выстраивать нечто, не посягая на Мать. И это вовсе не значит, что он отказывается от борьбы и уводит куда-то в сторону, в какие-то сектантские радения.

Не будет борьбы без тех условий, которые я в очередной раз оговариваю. И я буду оговаривать их снова и снова, потому что это все должно быть создано.

Теперь вопрос практики, очень короткий. Как вы думаете, если бы в передачах типа «Суд времени» или в «Поединке» вдруг стало понятно, что счетчик накручивает 5 миллионов голосов или 10... Это такой фантастический сон... представим себе – это «идеальный эксперимент», как говорил Эйнштейн, фантазия... Пофантазируем! Как вы думаете, это бы тоже не имело никаких результатов самого прямого характера?

Суть-то заключается в том, что проект, который длился 20 лет и назывался «построение капитализма в России», умирает. Просто люди не хотят видеть, что он умирает, но он же умирает! И все эти неврозы по поводу того, как мы хорошо развиваемся, встаем с колен и так далее, – просто попытка заговорить боль того, что он уж точно умирает и не может не умирать.

Потому что он был запрограммирован своим генезисом на смерть.

Нельзя было из преступников создавать класс, а потом рассчитывать, что этот класс спасет страну. Так не делают.

Нельзя было использовать те технологии «спасения», которые были использованы. Так не делают.

Нельзя все время работать на регресс и говорить, что ты спасатель. Так не делают. Гайдар когда-то апеллировал к Стругацким и рассматривал самого себя как «прогрессора», а на самом деле он типичный регрессор. И все рядом с ним регрессоры.

Нельзя обращаться к регрессорам, если ты хочешь прогресса. Так не делают.

Итак, если бы такие результаты вдруг возникли (5 или 10 миллионов проголосовавших), как вы думаете, это не поставило бы еще дополнительный акцент в вопросе о том, что проект мертв? Поставило бы. Если бы началось формирование широкой социальной ткани, это, само по себе, не повлияло бы на ситуацию? Сейчас ситуация такая, что «Апрельские тезисы» Ленина вполне правомочны. Вы помните, что он в них говорил? В них говорилось о том, что ситуация складывается такая, что давление правильно организованного большинства на меньшинство может повернуть все процессы, включая исторический, в нужном направлении – причем не способами применения насилия, а другими способами. Потому что исторически ситуация складывается так.

В пьесе Ромена Роллана «Четырнадцатое июля» комендант Бастилии заявляет: «Никому не взять Бастилию. Она может быть сдана, но не взята». На что революционер говорит: «Она будет сдана». «Кто же ее сдаст?» – спрашивает комендант. Революционер отвечает: «Ваша нечистая совесть».

Ситуация сейчас очень своеобразная. Но ведь нет форм социальной активности и той степени самоорганизации, когда мы можем говорить о чем-то подобном! Значит, эти формы надо создавать.

Поэтому давайте не будем рассуждать в организационном плане о каких-то совершенно химерических вопросах, а давайте создадим виртуальный клуб «Суть времени». Из

любого количества членов. Судя по количеству слушающих эту программу людей, в виртуальный клуб могут войти десятки тысяч. Или тысячи, неважно. Создадим этот клуб. Потом сделаем то, что делают все интернетчики: постараемся хотя бы по регионам, по локальным территориям, собраться и посмотреть друг другу в лицо. И я готов приезжать на эти собрания. Потому что большое количество людей в Москве просто не соберешь. Где их надо собирать – на стадионе в палатках? Незнакомых людей? И что это будет? А вот на такие небольшие собрания в разные точки я буду приезжать. А главное заключается не в том, что я буду приезжать. Главное заключается в том, что люди будут узнавать друг друга и создавать более плотные формы социальной общности.

Давайте для начала создадим виртуальный клуб без всяких обязательств. И дальше структурируем это, повторяю, по территориям. И встретимся лицом к лицу – в реальности. Почтовый ящик для сбора активистов: *eot@eot.su*

Присылайте свои данные в виде ником и номеров ваших регионов, так чтобы мы могли что-то вам сообщить. Мы постараемся понять, сколько в каком регионе есть людей, которые хотели бы создать такой виртуальный клуб «Суть времени» для обсуждения Четвертого проекта. Я буду его продолжать обсуждать в следующих передачах. Давайте сделаем первый шаг и посмотрим, что будет. А потом еще один. И еще один. И тогда, может быть, в совокупности этих шагов у нас действительно что-то сформируется. Что? Субъект под Четвертый проект, который нам предстоит не только доосмыслить, доработать, но и довести до состояния, когда его можно пропагандировать.

Этот субъект – обладающий определенными ресурсами (в виде телепрограмм или чего-то еще), обладающий определенными технологиями саморазвертывания (назовите их «катакомбы»), не только обладающий человеческим материалом, но и способный преобразовывать этот материал – вполне может решить что-то в момент, когда вопрос действительно встанет ребром: или исторический конец России, или продолжение исторической жизни нашей страны.

15 марта 2011 года

Выпуск №7

Эту передачу я начну со стихов не потому, что мне хочется насытить наши обсуждения какой-то красотью, а потому, что нужны образы и символы, которые будут адресованы не только уму, но и сердцу. Без этого разговор бессмыслен.

Итак, отрывок из блоковского «Возмездия».

*Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминучий,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пусть же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:*

То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит –
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар – он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? – Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, – лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, –
И мир – он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно, –
Его рука – в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой –
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там – пожар.

Но песня – песнью все пребудет,
В толпе все кто-нибудь поет.
Вот – голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там – он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь – именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою, –
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни

*Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.*

Тут очень много сказано. И про то, что «герой уж не разит свободно, его рука – в руке народной». И про то, что «в каждом сердце, в мысли каждой свой произвол и свой закон». И про дракона, который, «разинув пасть, томится жаждой». Такое впечатление, что это написано не сто лет назад, а прямо сейчас. Это поражает и, с другой стороны, внушает некоторые надежды. Потому что если сто лет назад удалось избежать пожирания мира драконом, который уже разинул пасть, то, возможно, и сейчас снова это удастся. Только в чьей руке будет меч? Кто его скует? И есть ли рука, способная его удержать? Есть ли народ? Или у него сломан позвоночник и рука его вяло лежит вдоль тела и не может даже подняться?

Почему мы всё это обсуждаем? Потому, что у очень многих почти синхронно вдруг возникла мысль (а если точнее, то мыслечувство, единство чувства и мысли): «Хватит Ваньку валять».

А почему хватит? Что, собственно, произошло? Почему этого «Ваньку» с большим или меньшим успехом «валяли» очень долго, а вот сейчас – «хватит»?

Это очень важный политический, жизненный, исторический, метафизический, экзистенциальный вопрос.

Потому, по-видимому, возникла эта мысль, что кто умом, кто нюхом, кто и умом, и нюхом одновременно, кто по косвенным признакам, кто зная процесс изнутри, а кто неизвестно почему, с бухты-барухты, как это часто в России бывает, вдруг понял, что нечто скверное, донельзя скверное сооружается сейчас и в нашей стране, и в мире.

Но что же именно?

Для того чтобы ответить на такой вопрос (а я очень подробно обсуждаю данную тему в своей книге «Исав и Иаков»), нужно вернуться в советское прошлое. И мне хотелось бы

рассказать, как я его в целом понимаю, потому что я участвовал, причем достаточно активно, в процессах, которые происходили на финальном этапе существования СССР. Мне не в чем себя упрекнуть, кроме того, что эта активность не привела к нужному результату. Это серьезный упрек, но очень часто приходится действовать даже тогда, когда ты понимаешь, что твои силы недостаточны, чтобы изменить ход процесса. Когда-нибудь потом то, что ты действовал именно так, а не по-другому, скажется.

Так вот. Жило-было советское общество. Оно уже довольно вяло существовало – по горизонтали. И очень многие, да и я в том числе, восклицали: «Ах, мы не взмываем! Где же прорыв, где же новое качество? Ах, нас обгоняют американцы! Что же делать, как же быть? Это так скучно, когда нет большого полета, настоящего нового развития! Даешь развитие!»

Наконец, пришли люди, в том числе и с Горбачевым (а с ним пришли очень разные люди), которые сказали: «Да-да, мы понимаем, что развитие очень нужно. Да, мы отстаем по компьютерам. А тут Америка готовит «звездные войны». И так далее. А раз так, то что мы сделаем? Вариант один: напряжем существующую систему». Это называлось «ускорение».

Мы им в ответ: «Если ее напрячь, она может не выдержать. Поэтому давайте мы эту систему обопрем на другую базу, на другие слои. Она сама при этом чуть-чуть изменится. А вот когда мы это сделаем, мы так рванем, что о-го-го!».

А они нам: «Нет, это слишком сложно. Лучше мы все-таки систему просто напряжем. Перемещать ее на другую базу опоры? Непонятно, какая база опоры. Долго. Потом, наш класс потеряет власть («наш класс» – это номенклатура), а кто ее получит – неизвестно. Нет-нет, мы просто напряжем систему».

«Ну, хорошо. Напрягайте. Главное, чтобы был этот самый ускоренный рост, возникло новое качество жизни, а оно обязательно откроет и новые духовные перспективы».

Напрягли. А не напрягается, не получается.

Мы говорим: «Ну если не получается, если это ваше на-

пряжение ни к чему не приводит, почему не вернуться к тому, что мы предлагаем? Давайте все-таки обопрём систему на другую базу. Система чуть-чуть изменится сама. Тут будет не просто ускорение, а прорыв – прорыв в новое качество».

«Нет, знаете, это слишком сильно отдаёт сталинизмом».

Почему сталинизмом?

И началась истерическая кампания против «сталинщины». «Сталинщина, сталинщина, сталинщина... Будь она проклята! Мерзость! Гадость! Пакость!» Фильм «Покаяние»... Проклятия, которые не снились и Хрущеву... И постепенный перенос всего этого предельного негатива и на Ленина, и на весь советский период. Но главное – истеричность повторной десталинизации. Уже была одна десталинизация при Хрущеве, ничего хорошего не дала. И снова.

Понятно, зачем она была нужна? Чтобы, исключив возможность перемещения системы на новую базу опоры, фактически запретить прорыв. Каждый раз истерики десталинизации нужны для того, чтобы запретить мобилизацию на решение крупных стратегических целей. И не надо дурака валять, что кого-то волнует Сталин! Десталинизацию проводят совсем по другой причине. Чтобы в ту сторону не ходили и никакой мобилизацией под новые социальные базы, под новые задачи не занимались.

Хорошо. Перестали этим заниматься. Дальше возникает вопрос: «А чем же заниматься, ведь ничего не работает?»

И началось: «Демократизация! Демократизация!»

Но не просто демократизация, а демократизация плюс десталинизация, причем достаточно директивная. Попробуй в таких условиях устрой дискуссию! Попробуй в таких условиях выступи независимо! А где ты будешь выступать? Либо тебя сразу загонят в издания, которые ведут тебя в тупик, либо ты будешь у себя дома витийствовать. Пресса подконтрольна партии, телевидение – тем более. Партия проводит десталинизацию, так попробуй скажи, что это глупость. Так попробуй скажи что-нибудь, что ей не по шерстке. Номенклатурно-партийная элита взбесилась, повернула в противоположную сторону, а ты ее по шерстке только гладь, в

противном случае она тебе рот заткнет. Или даст высказаться настолько фрагментарным и нужным ей образом, чтоб тебя потом можно было размазать по стенке.

Я, естественно, решил высказаться. Она, естественно решила меня размазать по стенке. Ну вот так мы с ней и выясняли отношения. И не я один это делал.

Итак, **промывка мозгов, десталинизация директивного типа плюс демократизация и запрет на какое-либо развитие** (потому что невозможно мобилизовать ресурсы, невозможно поставить стратегические цели, невозможно подавить сопротивление развитию и так далее) – приводят к чему?

К тому, что после вот таких вот колебаний: десталинизация, промывка мозгов, демократизация, запрет на перемещение опорной базы – все идет колом вниз. Начинается эпоха позднегорбачевского и ельцинского падения. И это падение «колом вниз» продолжается до 2000 года. Все в ужасе. Все понимают, что мы вот-вот разобьемся вдребезги.

Приходит Путин. И падение «колом вниз» переходит в сползающее, но почти горизонтальное, с небольшим наклоном, движение (рис. 21).

Рис. 21

Мы говорим: «Это все хорошо, но ведь опять прорыва-то, восхождения нет! Мы же уже довольно сильно упали. Восходить-то мы не можем. Мы хоть и гораздо медленнее, но все равно идем вниз».

Нам в ответ: «Да что вы! Не надо нам никаких новых рывков. Смотрите, какая разница! Вам что, нравилось, как мы падаем?»

«Нет, не нравилось».

«Вы что, не видите, что стало лучше?»

«Конечно, если на дне каюк, то лучше медленно ползти вниз, чем быстро падать. Но ведь это же не спасает».

«А вы чего хотите? Возврата назад?»

«Нет, мы не хотим ельцинизма. Мы хотим, чтобы началось ускоренное, форсированное развитие. Чтобы возникла настоящая социальная база. Чтобы были поставлены стратегические цели. Чтобы можно было мобилизовать ресурсы. Чтобы страна приобрела новое качество. В противном случае, она окажется в состоянии очередной перестройки!»

И она оказывается. С 2008 года мы слышим сначала: «Ах, давайте развиваться!» Потом: «Нет, это сталинщина, так делать нельзя!» Потом – разговоры о демократизации, потом – промывка мозгов, и так далее. Все возвращается «на круги своя».

Устроить сейчас новую перестройку сложнее, чем в 1987 году. Есть большое сопротивление. Есть новые информационные возможности. Есть качественно новая атмосфера в обществе. Но это пытаются делать. И все это видят.

Но если это еще раз сделать, то все снова колом пойдет вниз (рис. 22).

Так что такое вот этот каскад? Все стояло достаточно устойчиво – потом забилось в истериках – потом стало падать колом вниз – потом чуть-чуть выровнялось – и снова забилось в истериках и начало колом падать вниз... А потом оно снова чуть-чуть выравнивается – и снова забьется в истериках... Что это все такое?

Это уже не перестройкаА, а перестройкиИ. Перестройка-1, -2, -3 и так далее (рис. 23).

Рис. 22

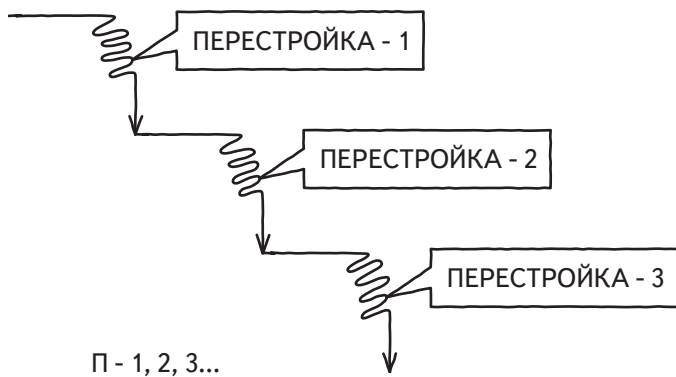

Рис. 23

Но если перестройка-1 повлекла за собой распад СССР, то есть распад большой, исторической России, то перестройка-2 (после нее всё опять колом пойдет вниз) неминуемо приведет к распаду РФ. А если что-нибудь и удержится, то потом возникнет перестройка-3, которая приведет к распаду остаточной Руси. А потом перестройка-4, которая приведет к распылу. Потому что такова логика цепи «перестроек» (рис. 24).

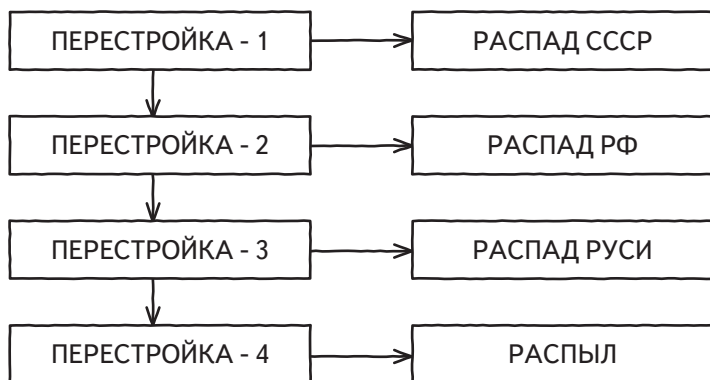

Рис. 24

И это чувствуют люди, они понимают, что в воздухе запахло скверной.

Не демократия плоха, не то, что заговорили о развитии, плохо. А то, какими обертонами это сразу стали модулировать, какие игры начались вокруг и к какому результату могут привести эти игры. Опыт есть. Все повторяется один к одному. Это просто ремейк.

В книге «Исав и Иаков» я сказал о том, что начинается перестройка-2, а потом это много кто повторил. Но ведь есть не только внутренняя, но и глобальная перестройка. В мире ведь происходит то же самое.

Что Обама сказал по поводу событий на Большом Ближнем Востоке? Что они сравнимы с падением Берлинской стены. Чем было падение Берлинской стены? Перестройкой-1.

Так, значит, теперь идет глобальная перестройка-2? Процессы в Египте и других странах сравнивают с падением Берлинской стены. А почему? Что теперь падает? Тогда падал коммунизм и советская система, тогда мы лишились СССР. Что падает теперь? И как нам не оказаться вовлеченными в этот процесс?

Итак, то скверное, что сооружается у нас и в мире одновременно и по отношению к чему мы легко можем стать новым слабым звеном, – это перестройка-2. Ее нельзя допустить. Суть времени – это перестройки-1, -2, -3 и так далее.

И если мы занимаемся изучением этого процесса, мы должны задать себе следующий вопрос: а какова цель перестроек? Мы уже в предыдущих передачах установили, что речь идет о смене мироустройства. Что было некое мироустройство А, что будет некое мироустройство Б и что мы стоим на мостике между этими мироустройствами (рис. 25).

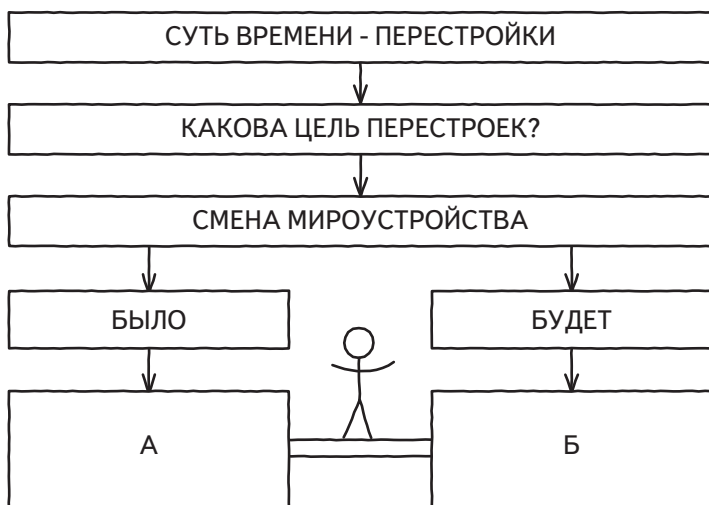

Рис. 25

Но если для нас мироустройство А во внутривнутриполитическом смысле означает, что чудом уцелело ущербное государство (это результат перестройки-1: шли-шли от государства более-менее нормального, сделали перестройку – и перешли к чудом уцелевшей РФ), то движение через перестройку-2, -3 и так далее приведет нас в мироустройство Б (распад страны, распыл и полный абзац). А русский народ не умеет жить в безгосударственном состоянии. Он не может тысячелетиями существовать в диаспоре. У него нет такого опыта и нет таких внутренних кодов. Тогда будет полный конец. Полная ликвидация.

Так что можно с этим делать?

Первый сценарий состоит в том, чтобы пытаться исправить несовершенное «А». Чем это может кончиться? Да тем, что чуть-чуть изменится вектор. Мы придем не в один сегмент внутри «Б», а в другой сегмент внутри все того же «Б» (рис. 26).

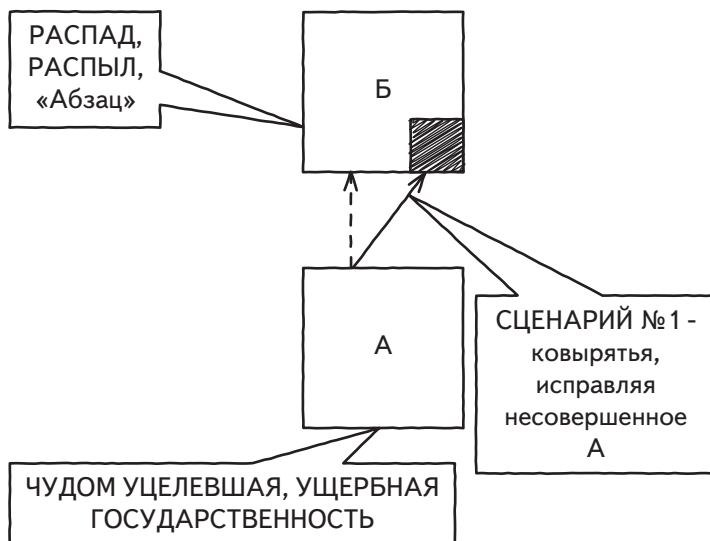

Рис. 26

Но самое главное – никто же всерьез ничего не пытается исправить! И потом это все-таки тактика. Не все ли равно, в какой сегмент внутри «Б» попасть? Главное – не попасть в «Б», в полный распыл, в ликвидацию.

А что надо делать?

Второй сценарий состоит в том, что надо дернуться, надо взять – и повернуть. Куда поворачивать – непонятно. Это поворот просто ради того, чтобы не оказаться в «Б». Но ведь при таком крутом повороте нагрузки на систему резко нарастают! Система может рассыпаться, остаточное государство будет пущено в распыл, и в итоге мы опять окажемся в «Б», от которого так резко отвернули. Значит, это тоже не выход (рис. 27).

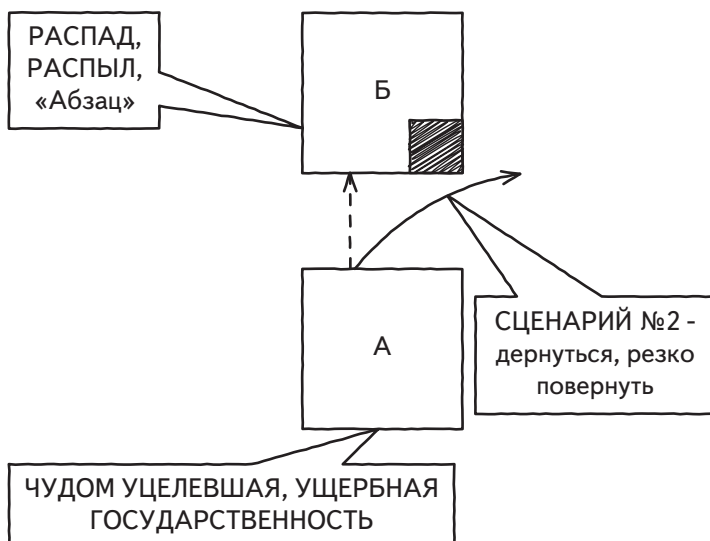

Рис. 27

Так в чем же выход?

У нас в силу самых разных обстоятельств есть некоторый, очень маленький, но исторически существенный промежуток примерно в 7 лет – с 2011 года, когда ведется этот разговор, до 2018-го. И за этот промежуток можно плавно обогнуть это «Б», просчитав траекторию так, чтобы нагрузки на систему не были предельными, чтобы система не развалилась. И чтобы мы не залетели снова в «Б», пытаюсь от него резко отвернуть, а, обогнув его, действительно пришли куда-то (рис. 28).

Откуда следует, что это можно сделать? Вновь возвращаюсь к Блоку: «Его рука в руке народной...» Откуда следует, что меч можно сковать и дракона «Б» можно поразить?

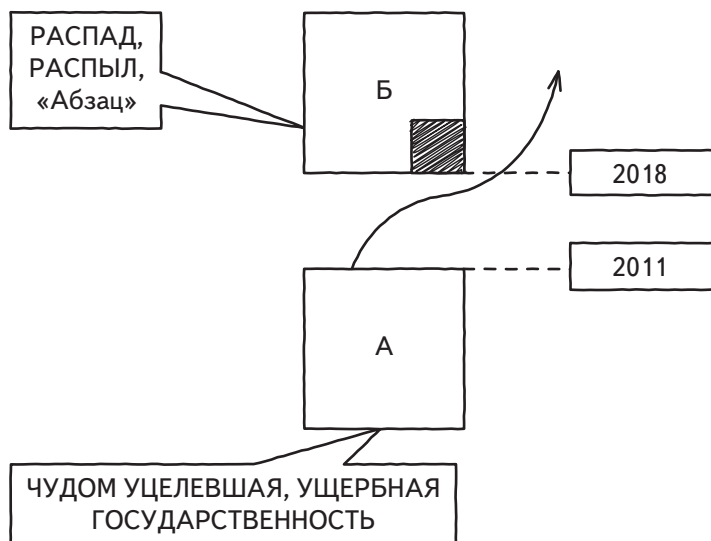

Рис. 28

То, что мы уже обсуждали в прошлой передаче, дает слабую надежду на это. Я не могу сказать, что это сильная надежда... Но вдруг выясняется, что есть большинство и что его «достало». Так что разговор «его рука в руке народной» не является абсолютно бессмысленным. Потому что поворачивать в одиночку нельзя. Как сказано в романе Хемингуэя «Иметь или не иметь», «человек один не может ни черта». И еще там сказано: ему понадобилось несколько минут, чтобы это сказать, и вся жизнь, чтобы это понять.

«Рука в руке народной...» Если есть большинство и оно способно стать из населения народом (а это очень сложная процедура), то оно может сжать эту руку. И тогда вызов, который бросает дракон «Б», может быть преодолен.

Могут сколько угодно говорить, что большинство это телевизионное, что оно «шутейное» и т.д., и т.п. Но это не так. Конечно, это надо глубже исследовать. Но это, безусловно, не так. Есть некое слагаемое большого поворота общественного сознания. Попытки выстроить новую идентичность. Попытки сильно переиграть всю ту игру, в которую очень и очень многих затащили в предыдущее двадцатилетие.

Что содержится внутри этих попыток просыпания? Совесть, обида, страх за детей. Я выступал недавно в Академии наук. В перерыве подходит ко мне изящная женщина лет сорока, университетский профессор из очень крупного провинциального города: «Как же мне хотелось хоть когда-нибудь Вас увидеть! Я так редко бываю в Москве».

Я спрашиваю: «Расскажите, как Вы там у себя живете? Сколько Вы получаете?»

Она отвечает спокойно: «Восемнадцать тысяч».

Я знаю, как наша интеллигенция хотела тех процессов, в результате которых она так обнищала... Говорю: «Восемнадцать тысяч... А как же „слетать в Париж, сходить в Лувр“?» (В годы перестройки много говорилось о том, что такая возможность откроется перед каждым.)

Она отмахивается: «Да, ладно, ладно, обойдемся без Парижа...» И вдруг хватает меня за руку: «Скажите, с детьми-то что будет?!»

Итак, есть страх за детей, страх за будущее, усталость, уныние, униженность...

Можно перечислить большие слагаемые просыпания.

Первое слагаемое – проснулся инстинкт самосохранения. А это очень мощный инстинкт. Стало понятно, что, если случится еще одна перестройка, а потом еще одна, произойдет распыл страны и наступит полный конец. И деваться некуда. Очень важно, что этот инстинкт проснулся.

Второе слагаемое – может быть, проснулась еще и совесть: есть предки, есть история... Может быть, она проснулась настолько, чтобы пробудить еще и чувство исторической ответственности. Это огромное чувство, но проснулось ли уже и оно, я не знаю.

Третье слагаемое – проснулась осторожность, которая свойственна сильно загнанному зверю. «Не так дернемся – и все развалится». Когда зверь загнан, он прыгает очень точно. Он не будет прыгать, куда попало. Это крайне важное слагаемое, потому что оно не просчитано нашими противниками. Они на это не рассчитывают. Они считают, что зверь уже настолько истеричен, что он дернется напропалую, не разбирая дороги. Надеюсь, что они в этом заблуждаются.

А что есть еще, кроме этого? Важнейшая вещь – это политическое мировоззрение. Однако место политического мировоззрения, к прискорбию, занимает мировоззренческий винегрет. Кто в лес, кто по дрова... У одного индивидуума десять символов веры, и каждый четный противоречит нечетному. Этого может хватить на то, чтобы сказать «нет» либероидам. Но этим никак не обойдешься в крупной политической игре. Этого никак не хватит на поворот.

Нужен идеологический, мировоззренческий прорыв в совершенно новое качество. И я надеюсь, что наша программа «Суть времени», создаваемый нами виртуальный клуб смогут превратиться в идеологический центр, который обеспечит подобный прорыв, преобразовав мировоззренческий винегрет в политическое сознание и самосознание, что и представляет собой основную задачу любой кружковой, бесконечно ценной и важной деятельности. Каждый, кто хочет миновать эту

деятельность и перейти сразу к деятельности другого типа, должен оглянуться назад, посмотреть, как 20 лет избегали этого кружкового этапа, посмотреть, какой винегрет у людей в сознании, и понять, что миновать кружковый этап нельзя. Ничего серьезного без этого не построишь.

Удастся ли правильно пройти этот этап? Тут никто не гарантирован. Но надо его пройти деликатно, спокойно, корректно, конституционно, вежливо, респектабельно и эффективно. Вот в чем задача. Обеспечить этот идеологический, мировоззренческий прорыв, изменить состояние сознания и самосознания будущего политического субъекта. Ибо субъектом можно стать только обладая самосознанием, саморефлексией.

Нам иногда говорят по этому поводу: «Вы что, сектантство устроите, новую промывку мозгов?» Странно, что это говорят люди, которые сами не чураются сайентологии Хаббарда.

Образование и воспитание – вот основные элементы, с помощью которых человек меняет свое сознание, свое мировоззрение. Так было испокон веков и так будет. Вопрос в эффективности образования и самообразования, воспитания и самовоспитания. Неправда, что это происходит только в детстве! Живой человек учится до последнего дня своей жизни, он постоянно двигается вперед. Это огромное счастье – двигаться вперед. И те, кто лишен такого счастья, – по большому счету, люди мертвые или заснувшие. Задача ведь еще и в том, чтобы человек проснулся. Это очень глубокая задача, если кто понимает.

Прорыв (как и просыпание) захватывает три компонента: ум, чувство и волю.

Начнем с воли. Говорится: «Я не отдам то, что есть, и я верну потерянное. Как Орфей возвращал Эвридику. Как возвращали себе потерянное народы, оказавшиеся в диаспоре. Я верну это».

И тогда спрашивают: «А почему ты не отдашь? И почему вернешь?»

«Потому, что я это люблю. А если я и утерял способность любить, то я верну ее себе. И мне помогут ее вернуть те, кто

находится рядом со мной, – мои товарищи по борьбе. Те, кто хочет срastить переломанный хребет и соединить разорванную цепь времен».

Говорят: «А что ты любишь-то? Что, что ты любишь? Стоит ли ЭТО любить? Чудовищная история – одни сплошные злодеяния! Какому имени ты присягаешь?»

Я неоднократно сталкивался с этим вопросом, когда речь шла о так называемой высшей разведке, занимающейся смыслами.

Есть талантливые люди, которые прекрасно добывают военные секреты, прекрасно перетягивают на свою сторону нужных людей или занимают, отвоевывают определенные позиции в тех или иных системах. Но только очень малая часть из них понимает, что разведка смыслов (смыслов не всегда открытых, явных) есть тоже важная часть подобной работы.

Для большинства таких людей, даже очень талантливых и эффективных, смысл не существует, но для меньшинства – существует. И вот это меньшинство начинает заниматься смыслами. Я видел людей, которые начинают исследовать те сущности, к которым адресуется противник, его смысловые, системообразующие коды. Если они опираются в своих исследованиях на хорошую смысловую интуицию и на хорошо развитое мышление, то рано или поздно эта сущность выходит к исследователю: «Здравствуй! Ты меня звал? Давай с тобой познакомимся. Кто ты такой?»

Исследователь отвечает: «Я полковник Пупкин».

Сущность говорит: «Для меня полковника не существует. Для меня существует исмаилит, суфий, мунист, католик... Ты кто?»

И в тот момент, когда оказывается, что он никто вот в этом высшем смысле, что у него нету этого имени, что он не знает твердо, что он любит, что он не располагает той тайной, на которую может реально опереться, отвечая на подобный вопрос, – он вдруг оказывается перетянут на сторону сущности, которую хотел исследовать... Был такой Жан Тириар – социалист и антифашист. Отправился заниматься разведкой

эсэсовских тайн и превратился в эсэсовца. Это очень известный процесс. Поэтому вопрос об имени безумно важен.

Сначала ты говоришь: «Я не отдам, я верну».

Тебя спрашивают: «Почему?» Тогда ты адресуешь к любви.

Тебя спрашивают: «Что за любовь?» Тогда ты должен сказать об имени.

И всё это вместе замыкается в некий мировоззренческий прорыв. Нет его – нет ничего.

Соответственно, первая наша задача – создание политических ячеек, внутри которых можно заниматься мировоззрением. Нужно это мировоззрение достраивать, трансформировать, нужно «учиться, учиться и учиться». Это абсолютно актуальный политический процесс. И это нельзя делать в одиночку. Это нужно делать вместе с другими.

Я надеюсь, что со временем мы будем выпускать несколько передач в пределах телевидения ЭТЦ. Сейчас готовятся передачи по специстории. Позже, возможно, появится программа «Анданте», где мы медленно и спокойно будем разбирать, что такое Модерн, что такое Контрмодерн, что такое Постмодерн, что такое регресс. И еще массу понятий, задетых мною в рамках программы «Суть времени», походя. Может быть, мы сумеем развернуть и другие форматы передач. Может быть, все это вместе трансформируется в виртуальный учебный центр. Очень хотелось бы. Но мы можем сделать это только вместе с вами.

Поэтому не думайте, что, когда мы спрашиваем вас, кто хочет дальше заниматься в виртуальном клубе «Суть времени», мы то ли зовем вас на баррикады, то ли развлекаемся. Мы не делаем ни того, ни другого. Мы занимаемся серьезным делом. Мы изучаем все полученные от вас письма. Мы намерены определенными методами заниматься вместе с вами аналитической, политической и прочей работой. И мы, рано или поздно (надеюсь, что рано), сформируем мировоззренческие ячейки, кружки.

Но параллельно с ними надо формировать и социальные ячейки. Ячейки жизни. Если речь идет об изменении сознания, ничто так не меняет сознание, как бытие. Это в

советское время можно было более или менее вяло работать, а в свободное время ходить в театральные кружки. Маммона вялости не терпит. Когда служишь Маммоне с утра до ночи, действуя в коллективе чуждых тебе людей, а потом на досуге чуть-чуть занимаешься тем, что считаешь правильным и нужным, то возникает разрыв сознания.

Рано или поздно надо оказаться рядом с такими же, как ты. Надо укреплять социальные ячейки. Если противник хочет, чтобы они разрушались, значит, их надо укреплять: семью, круг друзей, более широкие ячейки мировоззренческого и деятельностного типа, ячейки взаимопомощи, ячейки внутренней солидарности. Нужно, чтобы было, на что опереться в формировании политического мировоззрения, на какую-то жизнь.

И когда речь идет о катакомбах, то это процесс-то совершенно не мистическо-эскапистский.

Конец 80-х годов. Выхожу на руководство и говорю: «Если мы так хотим соединиться с Западом (культурно, мировоззренчески и т.п.), то почему мы не проповедуем высокие западные стили? Ведь они есть. Есть не только хиппи или панки. Есть, например, яппи – молодые профессионалы, интеллектуалы в Калифорнии, в других местах. Они отказываются слушать рок-музыку, вместо этого слушают Моцарта. Они очень много занимаются физкультурой и здоровым образом жизни и одновременно развитием интеллектуальных возможностей. Они исповедуют определенный стиль одежды, определенные ценности. Почему об этом нельзя рассказать по телевидению? Почему нельзя, с поправкой на нашу специфику, что-нибудь такое у нас сформировать?»

Говорил с телевидением, говорил с идеологами, говорил с разными людьми. А потом понял, что так замыслено: во все не нужно, чтобы мы и Запад сошлись. Нужно, чтобы их «канализация» стала нашим «водопроводом».

Но так было задумано теми, кто хотел погубить страну. А если мы хотим, наоборот, ее спасти, почему мы не можем сделать по-другому? Почему не могут возникнуть киноклубы, в которых обсуждается интеллектуально-культурная

проблематика? Почему не может возникнуть андеграундная культура, которая даст пищу сердцу и уму? Почему не могут возникнуть другие школы, другие пионерлагеря? Почему не может возникнуть таких вот социальных ячеек – вдобавок к мировоззренческо-политическим? Симбиоз одного и другого – это же огромная задача (рис. 29).

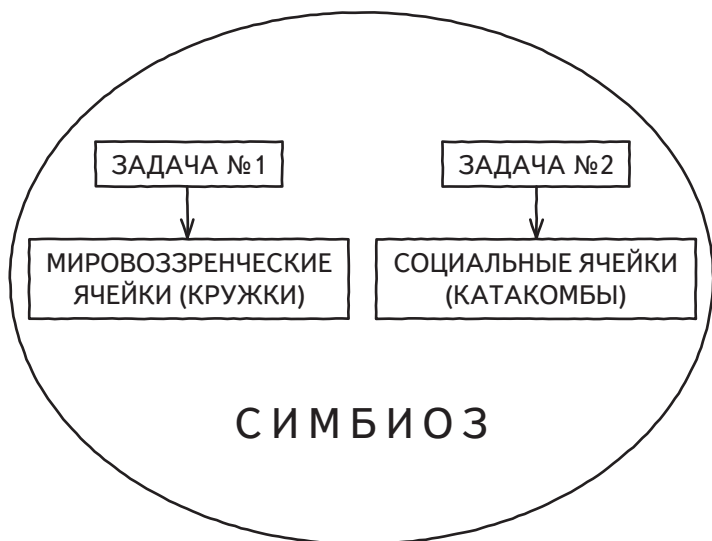

Рис. 29

Меня спросят: «И все?»

Если бы Эскриву де Балагера, руководителя ордена «Опус Деи» спросили: «И все?» – он бы сказал: «И все». А если бы ему сказали: «А что будет через год?» – он бы хмыкнул и больше не разговаривал с человеком. А через 10 лет вся Испания была под контролем «Опус Деи», потому что он знал, чего хотел.

Но когда вы меня спрашиваете: «И все?» – то в нашей неблагоприятной действительности я не отвечаю: «И все». Я говорю: «Нет, конечно, не все».

Такой симбиоз абсолютно необходим. Но необходимое не значит достаточное. Нужно решать практические задачи в сегодняшней жизни. Какие же это задачи?

Вернемся в исходную точку, каковой для нас является «Суд времени». В чем была практическая политическая задача? Она была очень простой – дать отпор намечавшейся десталинизации, десоветизации. Дать ей отпор. Если стратегическая задача была в том, чтобы выковырять всех «тараканов», которыми либероидное сообщество заполонило общественное сознание, чтобы разобраться с каждой молекулой этой псевдоидеологии, этого вируса, то задача-минимум заключалась в том, чтобы дать отпор десталинизации. Это что, маленькая задача?

А вы представляете себе, как замысливалась десталинизация? Она замысливалась как денацификация. Но если мы вспомним денацификацию Германии, то она проводилась в стране, в которой царило абсолютное зло гитлеризма, которая была оккупирована, которая подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Проводилась методами промывки мозгов, методами психологических репрессий и шока, с использованием наработок Франкфуртской школы (это школа философских и психологических исследований, к которой принадлежат Хоркхаймер, Маркузе и другие; она отпочковалась от марксистской школы Лукача, потом переехала в США и там очень понравилась определенной части элит ЦРУ). Привело это к обратным, безумно разрушительным результатам. Но – еще раз! – проводилась денацификация по отношению к гитлеризму в оккупированной стране, подписавшей безоговорочную капитуляцию, по свежим следам.

Так что, мы могли бы допустить, чтобы это делалось у нас? Чтобы десталинизация началась по третьему разу? Мы понимаем, что результата в итоге могло быть два. Либо бесконечная пропасть между управляющими системами и народом, которая чревата только коллапсом и смутой. Либо окончательное разрушение самосознания и сознания. Но нельзя осуществить десталинизацию демократическим путем, если 90% голосуют «против».

Итак, любая публичная акция, которую либероиды будут сейчас осуществлять, пытаясь доказать себе, что у идеи десталинизации и других идей в русле перестройки-2 есть какая-то общественная поддержка, должна корректно, интеллигентно, демократически преодолеваться. Так, как она и преодолевалась в ходе «Суда времени».

Мы ведем этот бой. И можно сказать, что какие-то тактические победы в нем, безусловно, одержаны. Все могло быть совсем не так, как оно было. И если нам удастся создать широкое общественное поле для того, чтобы давать отпор таким попыткам, то у нас есть огромный исторический шанс. И это совершенно конкретная идеолого-политическая работа.

Создание практически действующего крупного идеологического центра – огромная задача, которая не решалась все это двадцатилетие. Насколько можно с этой помощью решать большие задачи, я поясню на мысленном эксперименте. Физики любят такие идеальные мысленные эксперименты: «Представим себе, что земной шар висит на ниточке». Это не значит, что он на ней висит, но нам предлагают вообразить такую конструкцию.

Вот так же, в порядке совершенно абстрактного фантазийного эксперимента, представим себе, что создалась очень большая организация. Эта организация собрала доказательные бумаги от 50 миллионов граждан (которые предоставили свои паспортные данные и т.д.), заявивших, что они против десталинизации. Можно ли после этого проводить десталинизацию? Можно, но в режиме диктатуры. А это противоречит очень многому: установкам правящей либероидной группы, которая боится репрессивного аппарата; международному контексту «войны с диктатурой»... Мало ли еще чему.

Этот идеально-умозрительный пример говорит о том, что крупный, сильный идеологический центр в существующих условиях может абсолютно корректно и абсолютно респектабельно, демократическим путем добиваться очень и очень многого и корректировать хотя бы протекание самых негативных процессов. Махатма Ганди не пренебрегал такими вещами. А здесь ими почему-то надо пренебрегать?

Но если говорить совсем по-крупному, то речь, конечно, идет о том, чтобы противодействовать не десталинизации и даже не перестройке-2, а всему этому набору: перестройке-1, -2, -3, -4 и так далее, тому, что стоит за ними.

Чему мы говорим «нет»? И чему говорим «да»? Ведь если мы только скажем «нет» всем перестроечным процессам (не назвав даже, чем они являются по совокупности), но не скажем «да» чему-то другому, мы уже проиграли. Надо наступать. И надо, наступая, иметь свое созидательное «да», а не одно только «нет», которое необходимо, но недостаточно.

Итак, вернемся к содержанию всех этих «перестроек», которое мы уже обсуждали. Оно состоит в следующем. Как минимум, завершается «эпоха А» и начинается другая эпоха – «эпоха Б». Мы стоим на мостике между этими эпохами, и нас волокут в «эпоху Б». Причем не только в мировом масштабе (что особенно ясно после Египта, да и после кризиса 2008 года), но и во внутреннем (что ясно по всем этим десталинизациям и т.п.). Нас волокут в «эпоху Б» – и вот этому процессу и надо сказать «нет».

А что значит сказать «нет»? Это значит наметить другой маршрут и объяснить, куда мы хотим попасть и по какому пути мы хотим туда прийти. Создать большую стратегическую карту. Вот это и есть идеолого-мировоззренческая задача. Потому что просто сказать: «Нет, я не хочу в эпоху Б»... Ну, не хочешь – стой на мосту, а все перейдут и тебя туда перетащат, и мост рухнет.

Вместо того чтобы наметить другой маршрут и создать большую стратегическую карту, занимаются чем угодно, но только не этим. Даже при осмыслении процессов на том же Ближнем Востоке у нас блеют, мычат. Банальная бойкая болтовня, которая заполняла собой предыдущее двадцатилетие, превратилась во что-то странное.

Я недавно проводил очередное заседание клуба «Содержательное единство», который основал много лет назад. И назвал тему заседания «Дальнейшее – молчанье», взяв ключевую фразу из «Гамлета». А потом подумал: «Может, назвать «Дальнейшее – мычанье»?»

Описываешь картину, даешь доказательства. В ответ – невнятное мычанье. Оппоненты не согласны с моей концепцией происходящего? Ну, так дайте свою картину, свою контррефлексию, разверните свои построения! Вы ведь интеллектуалы. Ну займитесь этим! Что же вы блеете? Это же неприлично! Блеют, мычат. Скоро вообще замолкнут.

Итак, как мы уже говорили, «эпоха А» имеет своим содержанием всеобъемлющий, полноценный Модерн. Это эпоха монопроектная. Эпоха, в которую все живут по законам Модерна. Длилось она около 500 лет. Теперь проект «Модерн» рассыпается сам – по внутренним причинам. И одновременно его ускоренно демонтируют. Никогда не бывает одного без другого.

Содержание же «эпохи Б» – это полипроектность, когда проект «Модерн» уже утрачивает свое всеобъемлющее значение. Сохраняется только его реликтовая, суррогатная форма в отдельных регионах мира. А одновременно с этим реликтовым Модерном сосуществует Постмодерн и Контрмодерн.

Сначала скажу о Модерне. Есть два принципиально разных модерна.

Один – подлинный, всечеловеческий Модерн – обладает гигантским всемирно-историческим, духовным содержанием. И потому он полноценен. Он не сводится к тому, как именно буржуазия будет получать прибыль и как будет устроена политическая система, при которой буржуазный класс будет чувствовать себя хорошо. Он поднимает вопросы всечеловеческие – не только о «свободе, равенстве, братстве», но и о единстве Разума и Веры. О вере в человеческое Восхождение. О новом качестве гуманности. О новом представлении касательно долга и миссии. Повторяю, это эпоха с гигантским духовным содержанием, хотя мы все время забываем даже о том содержании, которое существует в словах «свобода, равенство и братство»: нет свободы без равенства и братства. Это уже огромное содержание.

Когда потом это содержание развивалось в Советском Союзе, то речь шла о том, как соотносятся свобода и равен-

ство, как соотносятся свобода политическая и социальная, а вовсе не о том, чтобы отказаться от чего-то подобного.

В романе Томаса Манна «Доктор Фаустус» герой, который борется с великим Модерном, говорит своему другу: «Я понял, этого быть не должно».

«Чего не должно быть?»

«Доброго и благородного, того, что зовется человеческим. Того, за что боролись люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого не должно быть. Оно будет отнято. Я его отниму».

«Что ты хочешь отнять?»

«Девятую симфонию».

Вот масштаб. Если вы хотите понять в полном масштабе содержание величия эпохи человеческого, духовного Модерна, выберите момент, поставьте «Девятую симфонию» Бетховена и вслушайтесь в нее по-настоящему. А также всмотритесь в гигантское количество культурных, религиозных, материальных артефактов, созданных эпохой Модерна. Это реальная великая эпоха.

Она началась где-нибудь в середине XV века, когда зародилась буржуазия. Развиваясь, прошла через Ренессанс, Просвещение. Достигла апофеоза при Великой Французской революции. Она меняла мир. Вот что такое всечеловеческий великий Модерн, он же «эпоха А».

Проект «Модерн» завершается, во-первых, потому, что он устал, и надо специально обсуждать – почему. А во-вторых, потому что его добивают. Беспощадно добивают.

В «эпоху Б» – эпоху полипроектности, когда сосуществуют проект «Модерн», проект «Постмодерн» и проект «Контрмодерн», – Модерн утрачивает свое всечеловеческое значение. То, что мы видим в Китае, Вьетнаме, Южной Корее (условно, на Большом Дальнем Востоке), это суррогатный, реликтовый, ремейковый модерн. Он лишен полноценного всемирно-исторического содержания именно потому, что он локален. Он адресован не всему миру, а одной зоне. Это догоняющая, в основном все-таки техническо-экономическая модернизация. Да, отдельные дальневосточные народы

успешно продвигаются сегодня по этому пути для того, чтобы победить в экономической, политической и геополитической конкуренции. Но почувствуйте разницу между реликтовым Модерном и подлинным всечеловеческим, духовным Модерном, который завершается.

Теперь о Контрмодерне. Иногда говорят: «Контрмодерн? Ну и что? Придем к высокому Средневековью...» Нет! Контрмодерн – это специальная искусственная конструкция, задача которой вовсе не в том, чтобы вернуться к великому подъему высокого Средневековья. Это не возвращение в эпоху Джотто. Это совсем другое.

Тогда, в Премодерн, величайшие идеи зажигали сердца, и огонь исторически прогрессивного, движущегося вперед, к величайшим целям христианства озарял мир. Возникали готические соборы. Возникало новое качество свободы после рабовладения. Возникла новая великая литература, новый великий гуманизм. Действительно по-другому прорабатывалось соотношение Разума и Веры. Сердца согревала великая мечта о великом духовном восхождении человека. Это была эпоха всё пронизывающего Идеала. Всмотритесь в готические соборы. Представьте народ, накаленный великой мечтой, глядящий в готические своды, ввысь, в небо, чувствующий себя единым целым.

Не туда хочет вернуться Контрмодерн! Он выхолащивает из Премодерна все высокое, все гуманистическое содержание, оставляя скорлупу, форму, в которой уже нет ничего животворящего. Это искусственная конструкция, созданная политтехнологами (или спецполиттехнологами, чтобы быть точным). Это конструкция, созданная постмодернистами. Они сами называют ее вторичной, неполноценной архаизацией. Эта конструкция призвана обеспечить жизнь части человечества в состоянии вечного, фундаментального неразвития, то есть в состоянии гетто. Это вторичная колонизация народов, но теперь уже навеки. Ибо та, первая, колонизация была колонизацией «бремени белых». Киплинг писал: «Несите бремя белых, сумейте все стерпеть». Для чего? Чтобы принести колонизированным народам свет разума и про-

свещения – и они станут такими же, как белые народы... Даже если это была романтическая утопия, а на самом деле за ней таилось циничное политическое содержание, то хотя бы была утопия, хотя бы была декларация!

Теперь нет ничего. Создается вечная «мировая деревня» при вечном «мировом городе». И в какой бы стране контрмодерн ни устанавливался, причем с беспощадным истреблением всех ростков модерна, этот устанавливаемый порядок поразительно напоминает нацистский план «Ост», изобретенный немцами для порабощения славянских и других «неполноценных» народов. Мы («Экспериментальный творческий центр») написали на эту тему совместно с индийским Observer Research Foundation книгу «Радикальный ислам». В ней описано, как это делается.

Переходим к Постмодерну. Говорят: «Это такая культура... Новый тип соотношений между абсолютным, релятивным, относительным и т.д.». Нет, это не культура! Только одна из ветвей Постмодерна – это культурные процессы, которые тоже совсем не так безопасны, как это кажется. Почитайте главных постмодернистских авторов: Гваттари, Дерриду, Делеза. А главное – маркиза де Сада, которого постмодернисты считают своим отцом-основателем, своим богом, который рекомендовал французскому Конвенту в 1793 году демонтаж христианства, семьи, поселение специального разврата в душах, возвращение к формам абсолютной жестокости, морального релятивизма. Французские якобинцы, люди свирепые, отвергли эти рекомендации с ужасом, арестовали де Сада и приговорили к смертной казни. При Наполеоне его держали в сумасшедшем доме. (По поводу всего этого есть даже интересная пьеса Петера Вайса – «Марат/Сад», в которой Жан Поль Марат ведет дискуссии с Садом).

Если те, кто формирует сегодня в нашей стране определенную действительность, раньше шутили по поводу советской действительности: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью», – то теперь они с издевкой говорят: «А мы на самом деле другого хотели и о другом говорили. Мы рождены, чтоб

Сада сделать былью. Если эти идиоты так хотели построить Рай на земле, то теперь мы им построим Ад на земле по рецептам де Сада».

Вот что такое постмодернизм. Он празднует победу над подлинным Модерном. И он объединяется с Контрмодерном, который сам же он и создает в виде архаизации. Он будет вечным «мировым городом» – тем, что раньше называлось «золотым миллиардом», а теперь обретает совершенно новые формы... Может быть, это будет даже и не миллиард. Неизвестно, сколько вообще населения при подобных трансформациях останется на Земле. Многие считают, что 10 процентов того, которое есть сейчас.

А будет еще архаизированная периферия («мировая деревня»), с которой сам же «мировой город» будет воевать. И одновременно он будет ею управлять. Установится некое «единство и борьба противоположностей» навеки. Потому что при архаизации никакого развития быть не может, а без развития «деревня» никогда не победит «город». Вот что замысливается на месте великого Модерна.

И теперь давайте обсудим главное серьезно и спокойно.

Если все это так (а, разумеется, надо проверять – так это или не так), то о чем идет речь? О том, что легитимация капитализма – это великий всечеловеческий духовный Модерн. Не реликтовый модерн в локальных регионах, а именно этот великий, духовный Модерн легитимирует капитализм. Нет у капитализма другой легитимации! Нет у капитализма другого исторического оправдания, кроме того, что проект «Модерн» – это его великий проект, поскольку он несет весть всем людям. В рамках этого проекта буржуазный класс является не «классом для себя», а «классом для других», историческим классом, локомотивом истории. Это легитимация капитализма.

У капитализма нет легитимации за рамками великого всечеловеческого Модерна. Если великий всечеловеческий Модерн рухнет сам и в то же самое время демонтируется противниками – значит, капитализм теряет легитимацию полностью. Мне кажется, что Хабермас это прекрасно по-

нимает. А вот здесь этого не понимают совсем! Капитализм, вышедший за границы полноценного – не реликтового – модерна, теряет легитимацию полностью и заваливается.

Итак, в течение 500 лет существовала «эпоха А» и был капитализм, который нес с собой не только зло, но и добро, который был усмирен великим проектом «Модерн» и который одухотворялся этим проектом, и потому не был «Зверем из Бездны». Капитализм вне этого одухотворения страшен, чудовищен, убийствен не только в России, но и в любой другой стране. Главное – это узда Модерна, которая на него надета. Если снята эта узда – все, конец! Преодолевая пределы, которые устанавливает Модерн, выходя за эти рамки, капитализм превращается в чудовище, в монстра. Он теряет способность обеспечивать историческое развитие. И рано или поздно он превратится в неонацизм, демонтаж единства рода человеческого, в гностицизм. Он не может ничего другого сделать.

Полипроектный мир из трех элементов («контрмодерн и постмодерн – против реликтового, регионального модерна») – это делегитимация капитализма, это его заваливание в абсолютную мерзость.

Капитализм начал выходить за рамки великого Модерна (модерна для всех, духовного модерна) и «заваливаться» уже в конце XIX века. Это декаданс, это то, что Шпенглер называл «закатом Европы». Он почти полностью вышел за эти рамки во время Первой мировой войны – чудовищной войны непонятно за что. Вторая велась с фашизмом. За что велась Первая – никто не понимал. Она усыпала Европу миллионами гниющих трупов. Она была антигуманна, бессмысленна, абсурдна. Все понимали только, что воюют за какие-то абстрактные интересы, что мир кончается. После этой войны родилось потерянное поколение (рис.30).

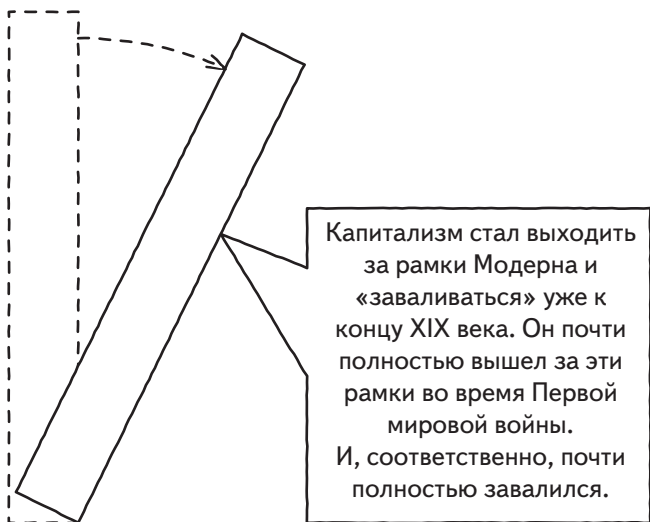

Рис. 30

Капитализм уже почти полностью завалился в мутацию, гностицизм, протонацизм. Но тут появился советский Красный проект, и он как бы подпер собою капитализм. Заваливающаяся балка оказалась подперта другой балкой (рис.31).

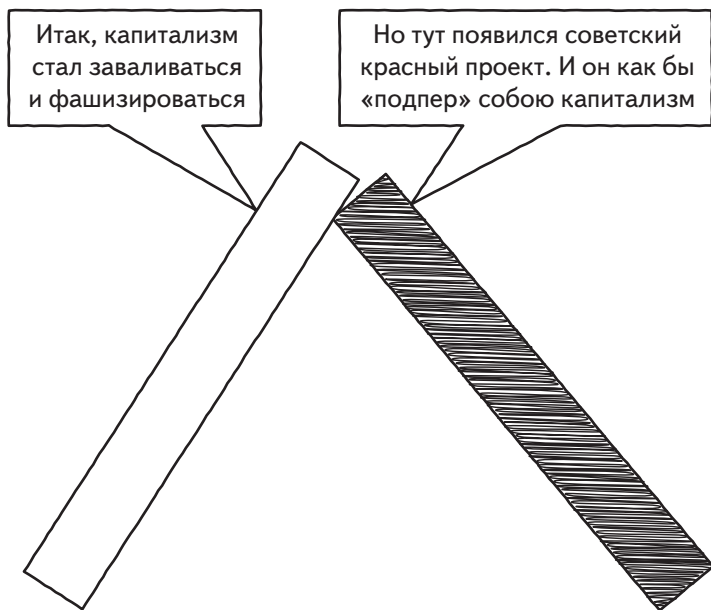

Рис. 31

Возникла, как ни странно, довольно устойчивая конструкция (ее часто называют «ялтинской»): два мира, два проекта, две системы. Особенно она была устойчива потому, что все-таки сформировалась на трупe нацизма. Нацизм ненавидел эту конструкцию и обещал обязательно уничтожить сначала «красного» ялтинского хищника, а потом и либерально-западного.

Рис. 32

Рис. 33

А затем советский проект начали демонтировать в ходе перестройки (с 1987 по 1991 гг.) и постперестройки (с 1991 по 2011 гг.). Он стал рассыпаться (рис. 32).

И тогда капитализм, оставшись один, стал снова заваливаться, мутировать, выходя за рамки всеобщего и безусловного Модерна (рис. 33).

Вот что мы сейчас наблюдаем. Ему помогают еще быстрее упасть. Но он и сам падает! Потому что ему опираться не на что.

Три проекта – реликтовый модерн, контрмодерн и постмодерн – реальны. Это не выдумки, не какие-то абстрактные рассуждения. Это реальность, которая воплощена в миллионах идеальных, религиозных, культурных и материальных артефактов. В этом живут народы.

Итак, наша задача – сказать «нет» делигитимированному капитализму, вышедшему за свои пределы и превращающемуся в монстра. «Нет» – «эпохе Б», состоящей из постмодерна, контрмодерна и реликтового модерна. Наша задача – обогнуть эту «эпоху Б», выйти во что-то другое и не дать ей состояться. Разгромить ее. Но для этого нужно иметь четвертый проект, столь же реальный, под названием «Сверхмодерн» (рис. 34).

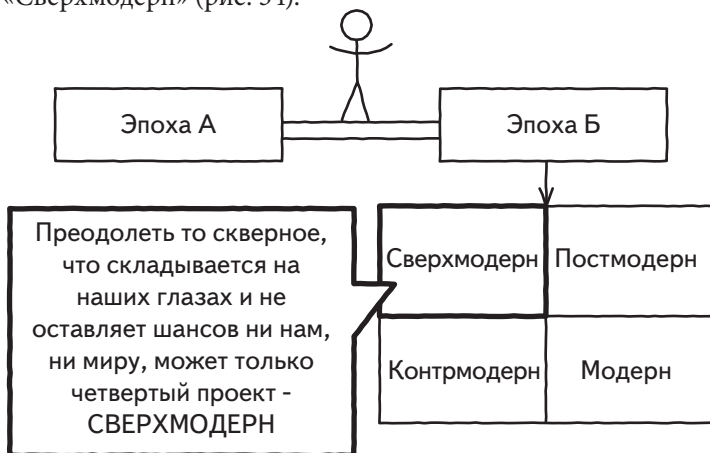

Рис. 34

Не будет этого проекта – мы никакого «да» не скажем. Мы только скажем «нет» трехпроектной «эпохе Б»... Как говорилось в экзистенциальной литературе, «сказать «нет» и умереть». А наша задача – жить и победить. Значит, нам нужен этот четвертый проект. И мы его уже обсуждали в предыдущей передаче. Мы называли его «Сверхмодерн» и сказали, что у него есть четыре блока (рис. 35).

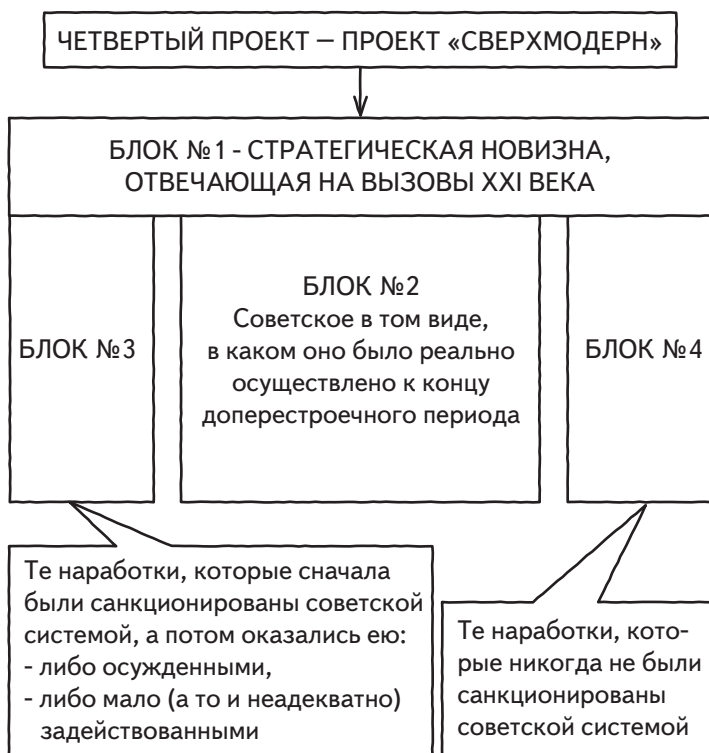

Рис. 35

Блок №1 – стратегическая новизна, отвечающая на вызовы XXI века.

Блок №2 (наиважнейший!) – советское в том виде, в каком оно было осуществлено к концу доперестроечного периода. Во всех передачах «Суд времени» я не обсуждал блок №1, или блок №3, или №4. Я занимался только реабилитацией блока №2, освобождал его от чудовищных либероидных «тараканов», потому что без этого блока нет ничего. Борьба за него есть борьба политическая, духовная и стратегическая, что не одно и то же.

Кроме этого, есть **блок №3** – это те наработки, которые сначала были санкционированы советской системой, а потом оказались ею либо осуждены, либо неадекватно использованы.

И, наконец, есть наработки, которые вообще никогда не были санкционированы советской системой, – это **блок №4**.

Реальная конструкция Сверхмодерна состоит из этих четырех блоков, основным из которых является блок №2 – «советское в том виде, в каком оно было реализовано к концу доперестроечного периода». Это главный блок, потому что он реален. По этой модели жили сотни миллионов, чуть не миллиарды людей. Она несла в себе свой образ жизни, она несла в себе свои принципы развития, основанного на коллективизме. Это безумно важно, поскольку говорит о том, что советское развитие не было модернистским развитием, а было другим развитием. Мы это тоже обсуждали, и мы еще должны будем к этому подробно вернуться.

Теперь возникает главный политический вопрос. Почему, говоря о проекте «Сверхмодерн» или о том, что миру необходимо снова обрести устойчивость, нельзя призвать просто вернуться в один этот блок №2 – в советское в том виде, в каком оно реально было осуществлено к концу доперестроечного периода? Почему туда нельзя вернуться? Почему нельзя оставить один этот, хорошо известный блок? Ведь еще не забыли, как он выстроен. Ведь, казалось бы, можно его снова сконструировать и в нем зажить. Потому что нынешняя жизнь для кого-то более удобна, комфортна и т.д.?

Для меня, например, она более удобна и духовно комфортна, чем та жизнь, не буду этого скрывать. Но если бы речь шла о том, что в советское – в том виде, в каком оно было реализовано к концу доперестроечного периода, – можно вернуться, что это морально, политически реализуемо и эффективно для страны, то я пожертвовал бы своим нынешним избыточным комфортом, включая духовный. Потому что для сотни миллионов людей жить там, в том мире, не только более комфортно (точнее, менее дискомфортно), но еще и более праведно. Я отвечаю за свои слова. Речь идет не только о том, что там жизнь для большинства была более сытая (что тоже очень важно, особенно когда дети плачут от голода или не доедают, не потребляют нужного количества белка или когда в стране несколько миллионов беспризорников)... И не только о том, что лучше было жить в смысле количества благ... Та жизнь была праведнее, понятнее, чем жизнь, которая строится сейчас. Потому что оправдать неравенство и принципы дифференциации не может ни один человек, в котором осталась совесть.

Так, значит, дело не в том, что та жизнь была менее удобной для кого-то. Тогда в чем же?

Может быть, дело в том, что вернуться в конец советской эпохи невозможно? Это принцип пасты и тубика: пасту легко выдавить, но ее нельзя втянуть назад. Может быть, чтобы попасть в конец советской эпохи, надо сначала вернуться назад к ленинизму, а потом к сталинизму и претерпеть все то, что происходило тогда? Кроме того, в одну и ту же воду нельзя войти дважды.

Это серьезный аргумент, но не он основной. Основной аргумент прост и убийствен одновременно. Каков же этот аргумент, в котором метафизика, политика, экзистенциальная основа и практика соединяются воедино?

Та схема, в которую так хочется вернуться («back to USSR», «ах, как хочется в СССР»), РУХНУЛА. Она несла в себе безумно много блага, она решила многие задачи, а потом взяла и РУХНУЛА. И это колоссальный аргумент. Никаких других фундаментальных аргументов против возвращения в

схему, в которой будет только блок №2, нет. Но этот аргумент колоссальной силы – и политической, и моральной.

Почему она рухнула? Потому что в ней завелись «кроты»? Сколько? Миллионов семьдесят людей, проголосовавших за Ельцина, – это все были «кроты империализма»? Съезд КПСС и Пленумы, которые голосовали за Горбачева, когда уже было видно, что он убийца партии, – это «кроты американского империализма»? Кто-то в это верит? Ну, хорошо, если в той схеме завелись «кроты», то сейчас, когда мы ее воспроизведем, они в ней снова заведутся и она снова завалится?

Гигантское значение подобного аргумента не проработано в нашей среде внутренне, духовно, морально. А ведь этот аргумент в течение двадцати последних лет лично для меня, например, был самым главным. Именно на его основе строилась до меня практика жизни и деятельности, которую я назвал «немешательство». (Не путать с «невмешательством». Вмешиваться можно, мешать не надо.)

Строят капитализм? Пусть строят. Капитализм существует только тогда, когда существует сильное государство. Пусть построят сильное, эффективное государство. Пусть обеспечат в этом государстве действительное развитие. Пусть откроют каналы вертикальной мобильности. Пусть решат все задачи, которые должно решить это государство. Пусть сделают страну, им дан мандат. Блок №2, который я люблю и любил всегда намного больше, чем капитализм, рухнул, и я не имею право навязывать его политический возврат.

Все эти 20 лет я существовал по принципу «немешательства», занимаясь страной, делая все, чтобы она не развалилась, помогая даже строить этот чужой проект – со стороны, дистанцированно, тактично и деликатно, не входя в систему, которая это строит. Потому что эта система чужая, но страна-то своя! Не идеология выше страны, а страна выше идеологии. И каждый, кто думает иначе, с моей точки зрения, аморален.

Но капиталистический эксперимент длится уже 20 лет. Давайте зафиксируем это спокойно и окончательно. Мы можем праздновать двадцатилетие этого эксперимента, со

скорбью и печалью. Это важнейшая историческая веха, которую никто не хочет обсуждать и даже замечать.

Между тем с конца гражданской войны (с 1922 года) по начало Великой Отечественной войны прошло 19 лет. И это не только сталинские пятилетки и коллективизация, но еще и восстановительный период после гражданской войны, когда избавлялись от беспризорности, вводили НЭП, вели политические дискуссии... И все это за меньший, чем сейчас, интервал времени.

С начала коллективизации и сталинских пятилеток (с 1929 года) до начала войны прошло 12 лет, чуть ли не вдвое меньше, чем длится капиталистический эксперимент в России.

То есть капиталистический эксперимент длится слишком долго для того, чтобы мы могли не обсуждать его реальные исторические результаты. Ну, так и давайте их обсуждать – спокойно, деликатно, без напряжения.

Дал ли капиталистический эксперимент за эти годы что-нибудь исторически или хотя бы стратегически значимое? Принес ли он новую весть или хотя бы то, что приносит с собой новая стратегема, – то есть новую степень развития производительных сил, качественно новые социальные возможности для большинства населения и приумножение возможностей страны, например, ее территорий или территорий ее влияния? После Великой Отечественной войны территория влияния СССР, как минимум, удвоилась, а то и утроилась, считая Китай, Индию и другие страны.

Ничего подобного не просматривается. Нет тысяч новых заводов. Нет новых каналов вертикальной мобильности. Нет нового развития производительных сил. Нет нового качества образования для людей, причем для большинства людей.

Кто-то получил возможность ездить за границу? Кто? Люди с зарплатой в 15, 18, 12 тысяч рублей могут ездить за границу? Опомнитесь, они из Томска в Омск с трудом переезжают! А уж во Владивосток – тем более. Для них поездка в Москву – гигантская роскошь.

Мобильные телефоны? Говорил и еще раз повторяю: за 2 триллиона долларов, которые вывезли из страны, можно

было столько купить этих мобильных телефонов! Это и есть наше достижение? Ну, что мы дурака-то будем валять!

Капиталистический эксперимент в России провалился. Чуть раньше или чуть позже это придется признать. И тогда посмотрите, что получается.

Есть 20 лет российского капитализма, и они завершаются.

Есть 500 лет проекта «Модерн», который легитимирует капитализм. Они тоже завершаются.

Конструкция российского капитализма была сделана под фиаско, и это тоже можно доказать. Зачем нужно было обнулять вклады населения, почему нужно было бандитам отдавать собственность и так далее – это отдельный вопрос.

Но ведь происходят два провала – российский и общемировой, завершаются наш капиталистический эксперимент и эпоха проекта «Модерн». И она не в 2008 году завершается, а гораздо раньше. Уже в 2005 году начали обсуждать, как этот проект демонтировать. А теперь, на наших глазах, в 2011 году пошла большая волна очень сознательного демонтажа, глобальная перестройка-2, падение новой Берлинской стены (рис.36).

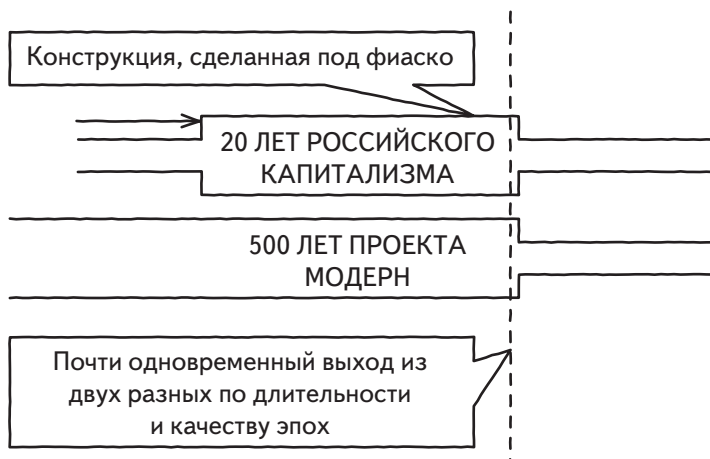

Рис. 36

Но не это самое главное. Главное то, что были исторические эпохи – эпоха Модерна, Премодерна, еще какие-то эпохи. А теперь вообще не ясно, что за чертой истории? Какие общества, какие гигантские социальные массивы станут возгораться от огня великого нового идеала? И каким будет этот великий новый идеал?

Итак,

- 1) наш российский эксперимент кончается,
- 2) напоздает этот самый «конец истории» – завершается эпоха Модерна;
- 3) капитализм впадает в состояние делегитимации.

Так что же о капитализме-то сейчас говорить!

Хотите говорить – давайте. Я понимаю, что изложенная мною точка зрения и точка зрения властей предрержащих расходятся диаметрально, на 180 градусов. Хорошо, давайте это обсуждать. Вы хотите национального капитализма, который спасет страну? Давайте его делать! Мы опять поможем, в последний раз – давайте! Но тогда надо:

поднять его идеологическое знамя,
собрать его сторонников
и дать бой компрадорской, либероидной, псевдокапиталистической элите (рис. 37).

Но всего этого нет и в помине!

Ну, скажите мне, кто это делает? «Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека»... На этой есенинской фразе из поэмы «Пугачев» я завершаю свою лекцию.

Рис. 37

22 марта 2011 года

Выпуск №8

Основные проблемы, стоящие между нами и начинанием, которое замыслено, мы будем решать медленно. Но мы их решим, одну за другой. Только не надо превращать нас в людей более наивных, чем мы есть, и пытаться трансформировать те задачи, которые мы перед собой ставим, в другие задачи, соседние, которых мы перед собой не ставим.

Между тем это делается. Иногда из самых лучших побуждений, иногда из каких-то других. И я вынужден в прологе поговорить именно об этом.

Я всегда жил так, как будто бы каждое мое слово слышат все. Все 140 миллионов, живущих в России, и 300 миллионов, живущих в СССР, и все прогрессивное человечество, и даже непрогрессивное тоже.

Были люди, которые жили иначе. Они боялись собственной тени, искали КГБ под подушкой и под кроватью, всячески себя закрывали, шифровали, прятались. И в итоге «залетали» по полной программе. Именно потому, что внутри этой игры в прятки, очень часто абсолютно непрофессиональной, есть какая-то гниль, какая-то двусмысленность. В итоге вся эта гниль выплескивалась, скрываемое обнаруживалось, и ничем хорошим это не кончалось.

Если бы я пытался построить закрытую организацию, имеющую закрытые цели, я бы не читал лекции по телевидению,

не выкладывал бы их на свой сайт. Я бы действовал иначе. Возможно, в определенных ситуациях и надо действовать иначе. Лично я, в соответствии с моими представлениями о должном, начал бы так действовать, если бы страна была оккупирована, нужно бы было отмечаться в американских или нацистских комендатурах, маршировали бы соответствующие наземные войска и диктовали бы мне, что я должен делать. В этих условиях я, наверное, постарался бы создать подполье или какую-то другую закрытую структуру для борьбы.

Но в воздухе пахнет совершенно другим. И методы нашей работы и наших действий сообразны тому, чем пахнет. Почувствуйте этот запах. Почитайте газеты, посмотрите телевизор. Втяните политический воздух ноздрями, и шибанет тем, о чем я заговорил еще в 2008 году: перестройкой.

«Перестройка-2» – ею насыщен воздух. Она как бы пропитывает каждую молекулу нашего сегодняшнего социального, политического и даже метафизического бытия. Она снова началась. Или, точнее говоря, ее снова начали. И первая задача – задача самая широкая, вполне объединяющая людей, думающих и чувствующих очень по-разному, – дать этой перестройке бой. Дать ей бой по полной программе. Дать ей интеллектуальное и идеологическое сражение, ответить ей такой широкой общественной деятельностью, после которой она спрячется назад в свою нору. Вернется в эту нору и будет ждать следующего удобного момента для того, чтобы из этой норы выйти. Но мы ей его, я надеюсь, не дадим.

Этого недостаточно для того чтобы спасти страну, чтобы отстоять ее историческое будущее, чтобы вывести страну и мир на новые горизонты. Этого мало, но это абсолютно необходимо.

Программу «Суд времени» я и воспринял, как ответ на вызов перестройки-2. Наши противники хотели начать новую перестройку и расправиться в очередной раз с советской историей. Надо было дать им отпор. И мы все вместе смогли дать им отпор, используя уникальное стечение определенных обстоятельств.

Ведь смогли же! Результаты телевизионных голосований, огромное количество писем, направленное зрителями в

наш «Экспериментальный творческий центр», что-то, начавшееся уже за рамками этих простых форм деятельности, в глубинах социальной психологии, – всё это говорит о том, что мы можем победить в объявленной нам войне, новой беспощадной войне. У нас для этого есть масса оснований. Если мы не сумеем ими воспользоваться правильно, то вина ляжет на нас.

Но речь идет не о той деятельности, которую нужно осуществлять в условиях реальной оккупации страны, когда ходят патрули, введен комендантский час, функционирует полицейский режим, завинчены все гайки. Не такая деятельность нужна – явки, шифры, пароли, конспирация, – а совершенно другая, открытая общественная деятельность. Респектабельная, требующая от нас не умения скрываться под кроватями или в подпольях, а умения открыто выходить к обществу и открыто говорить с обществом. Говорить массам правду. И завоевывать умы и сердца этих масс.

В этом задача. Другой задачи нет. Если бы задача была другая, то были бы выбраны формы деятельности, соответствующие решению другой задачи. Но выбраны формы деятельности, соответствующие этой задаче.

Да, я могу долго разбираться с тем, в каком именно регионе и что именно затевают наши сторонники. И понимать при этом, что они могут затевать как созидательные начинания, так и разрушительные. Я долго в этом разбираюсь. Коллектив моих соратников, который должен действовать, не очень приспособлен для того, чтобы решать подобные задачи «вдруг», с низкого старта. Однако то, что я и мои соратники действуем медленно, не значит, что мы не способны отличить правильные, но неловкие действия от действий бессмысленных, ненужных и контрпродуктивных.

Что мы можем и должны сделать? И почему мне кажется, что все это имеет вполне серьезную перспективу?

Мы должны выиграть системную войну, ведущуюся в условиях нарастающей общественной открытости.

Противник не может вести ту войну, которую он хочет вести, в условиях закрытости. Ему нужно развинчивать

гайки, открывать политическую систему. И он считает, что он воспользуется этой открытостью. А мы считаем, что мы ею воспользуемся.

Почему мы должны считать, что противник обладает сумасшедшим преимуществом над нами? Во что мы не верим? В свой народ? В нашу собственную убедительность? В то, что за эти годы мы не накопили материала, позволяющего нам с другой мерой ясности и внятности говорить с людьми о волнующих их задачах?

Если мы во все это не верим, то надо уходить в кусты, прятаться там навеки. А если мы в это верим, то нам дан шанс – так же как нашим противникам. Они сильнее, они организованнее, за ними стоят международные фонды поддержки – ну и что? Они к этой территории относятся, как к чужой. А мы существуем на своей земле. И земля наша дает нам поддержку, скажем, 1000:1. Мы что-то любим, во что-то верим, чего-то хотим. У нас есть опыт наших ошибок...

Учитывая все это и сохранив в своих душах любовь (а может, даже укрепив ее), мы вполне способны двигаться к победе. Да, она не гарантирована, гарантированная победа вообще ерунда. Но она возможна. Шансы невелики? Даже малые шансы надо использовать! Только тот, кто использует все шансы, заслуживает название человека. Человек борется до конца. Тот, кто ломается в какой-то момент, уже не человек. Может, человекоподобное существо...

Итак, давайте представим себе некоторые формы деятельности, которые могли бы иметь сокрушительный результат в условиях этой вторичной – тухлой, гнилой, замысленной не ради нашего блага – открытости.

Знаете ли вы, что в распоряжении людей, которые сейчас хотели бы вести подобную интеллектуальную войну, вообще нет социологии? Понимаете ли вы, что ее вообще нет! Что все, что сейчас называется социологическими данными, включая данные вполне известных социологических центров, – это ерунда. Нет ни настоящих сетей, ни способности проводить более или менее глубоководные исследования, ни методик, отвечающих подлинным требованиям современности.

Ничего этого нет.

Эту передачу смотрят десятки тысяч людей, которые хотели бы создания виртуального клуба «Суть времени». Если бы эти десятки тысяч людей не шифры и пароли искали у себя под кроватями, не думали все время о том, как заняться той деятельностью, которая на данный момент времени неактуальна, а смотрели бы в глаза наползающей на них реальности и искали бы адекватные этой страшной реальности ответы на страшные, реальные вызовы, то они могли бы провести такое социологическое исследование (абсолютно законное и нормальное), которое никакой социологический центр страны сейчас провести не может. В принципе не может. И, обладая результатами такого исследования, они могли бы действовать в десять раз точнее, чем их противник, твердо понимая, с каким обществом они имеют дело.

Меня всегда ужасала фраза Юрия Владимировича Андропова о том, что мы не знаем общество, в котором живем. Мне всегда в этом виделось что-то двусмысленное. Например, что «мы и не хотим это знать, потому что мы будем строить другое общество». Или что «это общество все равно погибает, зачем это знать». Или «мы такие глупые, что ничего о нем не можем знать». Непонятно, согласитесь, что эта фраза значит. Если ты хочешь знать, что такое общество, в котором живешь, – обладая всею полнотою власти, ты можешь это узнать... Что значит «не знаем»? Почему «не знаем»?

Из нормальных, неконспирологических объяснений я вижу только одно: «Мы не обладаем методом, позволяющим нам узнать наше общество, мы живем в системе упрощенно-марксистских предрассудков, у нас нет готовой методологии для того, чтобы действительно постичь новый общественный процесс».

А это значит, что, помимо задачи просто исследовать общество по различным параметрам, надо понять реальную «сермягу» его жизни, реальные умонастроения в той глубинке, которая почему-то никого не интересует и которая безумно интересует нас. Ибо имя ей – Страна.

Подвожу итоги прекратившимся, к счастью, выяснениям отношений между москвичами и немосквичами. Существует ли Москва отдельно от страны или нет? Конечно, Москва не страна, кто же спорит? Конечно, Москва живет по особым, очень странным законам. Конечно, она напоминает сейчас скорее даже не Париж и Лондон или Нью-Йорк, и уж тем более не саму себя, а Лас-Вегас. В Париже практически нет рекламы, а Москва обвешана рекламой, как елка елочными игрушками. И так же похожа на нормальный город, как елка с елочными игрушками похожа на елку, стоящую в лесу.

Конечно же, Москва – это Москва, а Россия – это Россия. Просто страшно-то одно – что антимосковские настроения (как и любые настроения по принципу «анти») только раскачают ситуацию, поселят еще одну распрю. Я приводил уже цитату из Фромма, что ад – это место, где разобщенность не преодолевается даже в любви. Не хватает любви для того, чтобы преодолеть разобщенность, разобщенность всего и вся: отдельных регионов, отдельных слоев населения... Всего и вся. А вот ее-то и надо преодолеть.

А когда ее преодолеваешь, то напрягаешь мышцы любви, а не мышцы ненависти. Мне только не хватало, чтобы между собой начали ссориться в пределах одного клуба москвичи и немосквичи, потом краснодарцы и северяне, потом сибиряки и ленинградцы и так далее. Один мой совсем не глупый знакомый говорил, что соборность – это прекрасное свойство нашего общества, но только у нас очень часто соборность превращается в «разборность».

Так вот, если Москва не будет знать Россию, если она не будет идти навстречу России, то эта Москва не стоит выеденного яйца. Но если у России не будет столицы, то России не будет тоже.

Если Москва ведет себя некрасиво, отчуждаясь от огромного тела собственной страны, паразитируя на этом теле и так далее, должна быть другая Москва. Нам нужно не возмущение всей провинции тем, что столица у нее такая скверная, отказ от столицы – это нонсенс. Нам нужна другая Москва. Так давайте – в единстве с периферией – создадим такую столицу,

которая не будет оторвана от периферии, которая не будет ею пренебрегать, которая не будет по ее поводу высокомерно высказываться, которая будет ее любить и чувствовать, чем она дышит. Поэтому социологическое исследование того, чем дышит страна, чем дышит периферия, – это один этап.

Второй этап – хроника текущих событий. У нас постоянно должны быть вести с периферии. Периферия должна чувствовать, что она нужна другим. Новгород должен чувствовать, что он нужен Владивостоку. Владивосток должен чувствовать, что он нужен Новгороду. Каждая клеточка страны должна чувствовать свое единство с другими клетками страны. Это нужно делать не только на уровне социологических и вообще научных исследований, хотя они бесконечно нужны. Не только на уровне исследования реальных региональных процессов, хотя и они необходимы. Это нужно делать на уровне информирования людей о происходящем.

А это значит, что помимо войны интеллектуальной, социальной, социологической, политологической придется вести еще и войну информационную. Войну за единство вот этого сложного организма. Организм должен получать возможность строить информационный диалог внутри самого себя, объединяться с другими клеточками тела, смотреть вживе на то, как выглядит жизнь в разных точках его, организма, потому что он есть высшая сверхсложная целостность. Не зная самого себя, не понимая, в чем состоит рядом с ним находящаяся боль, он никогда ничего про себя не поймет. Он будет жить, окукливаясь в каждой отдельной провинциальной самодостаточности.

Противнику только и нужно, чтобы у нас история страны заменилась историей отдельных регионов. Краеведением. Этнологией. Этнографией. Исследованием местных обычаев. Местные обычаи – замечательная вещь. История малого региона – прекрасное занятие, ею, безусловно, надо заниматься. Все это очень важно. Но только нельзя, чтобы это оторвало нас от большого процесса, чтобы каждая из клеточек замкнулась в себе, потому что, когда клеточки так замкнутся, организм будет готов к распаду. А наша задача – этот распад не допустить.

Нам нужны исследования, нам нужна живая (ученые называют ее «феноменологическая»), образная информация с мест. Нам нужны информационные инфраструктуры, позволяющие делиться такой информацией. Все это должно быть на уровне XXI века, без этого нет победы. Кто мешает этим заниматься, создавая клуб? Кто мешает активным членам клуба подключиться к проведению социального исследования, которое впервые за 20 лет скажет что-нибудь о реальной ситуации в стране?

Вы считаете, что это маленькая задача? Это огромная задача, если удастся ее решить. Огромная. Она сама по себе может повернуть очень многое.

Кто мешает проявлять инициативу, давать реальную информацию с мест, вести теле- и видеосъемку на местах с тем, чтобы мы потом могли размещать эти ролики на сайте и комментировать? Кто мешает создавать для этого большую, живую, нормальную структуру без шифров и паролей, без прятанья под кровать или ухода в подполье, без шараханья от собственной тени, без постоянного нашептывания: «Да-да, мы знаем: как только начнется деятельность, так появятся провокаторы»?

Провокаторы обязательно появятся. И это следующий вопрос. Они просто не могут не появиться. Во-первых, они всегда слетаются на свежее начинание, как мухи на мед. Во-вторых, их «слетают» даже не для того, чтобы обязательно что-нибудь разгромить, а для того, чтобы просто проверить: кто собрался-то? Идиоты, не идиоты? Чем заниматься будут? Совсем лохи или не совсем? Это может быть вполне сдержанно-доброжелательное зондирование, так сказать, «проверка на вшивость».

И если проявятся такие провокаторы – грубые, очевидные, оголтелые, – их надо отсекают. Это дело самозащиты. Это критерий серьезности людей, взявшихся за большое начинание.

Но нельзя же, боясь всего этого, прятаться в подполье или под кровать или зарывать голову в песок. Надо просто заниматься той деятельностью, которая сейчас возможна,

реальна, для которой открываются новые поля. Это как в боевых искусствах... Я был не самым лучшим самбистом, но учил меня замечательный человек, очень добрый, умный, – Анатолий Аркадьевич Харлампьев. Он всегда говорил, что в подобного рода искусствах использование силы противника есть основа основ. Если противник очень сильный и очень тяжелый, но ты знаешь, что такое подсечка, то чем тяжелее твой противник и сильнее, тем больше он ударится, упав.

Весь набор стоящих перед нами задач – информационных, интеллектуальных, мировоззренческих – мы будем последовательно решать. Медленно – не обессудьте. Но мы их обязательно будем решать.

А вот когда придет время и станет ясно, что перестройка-2 так же выходит на улицы, как она выходила в эпоху перестройки-1... Ведь, согласитесь, никто не мешал людям собраться в момент, когда распустили Советский Союз. Или в момент, когда Беловежскую пуцу сделали основой для окончательного развала того, что осталось от Большой России. Собраться и выступить в защиту Советского Союза или против возмутительной дезинтеграции, при которой от тела России отрывают Украину и Белоруссию. Но ведь люди не вышли. Почему они не вышли? Почему? Потому что они были к этому не готовы. А почему они были не готовы?

Отвечать на все эти вопросы надо спокойно и нормально.

Если помните, я завершил предыдущую передачу фразой Есенина: «Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека».

О чем я говорил? Я говорил о том, что мы на развилке. Что, теоретически, у нас есть минимальная задача: попытаться привести в сколь-нибудь адекватное состояние общество, которое возникло в результате того, что граждане захотели капитализма. Не надо говорить только, что они его не захотели. Они его захотели.

Я повторю, но не для того, чтобы сыпать соль на рану: в 1991 году, в июне месяце, на территории РСФСР, то бишь нынешней Российской Федерации, проходили прямые выборы президента, наделенного не нынешними суперполномочиями,

а вполне умеренными полномочиями. Кандидатами на выборах были Жириновский, Николай Иванович Рыжков и еще несколько человек, включая Бориса Николаевича Ельцина.

Я про выборный процесс знал все. В частности, могу поклясться, что этот процесс был нормальный, демократический, без грубых подтасовок.

Все заявки уже были сделаны. В июне 1991 года Борис Николаевич Ельцин не прятал свое желание де-факто строить капитализм. Он был избран тогда триумфально. И я не могу верить, что избравшие его, ну скажем, 70 миллионов моих сограждан являются картотечными агентами ЦРУ США. Потому что если я в это поверю, то я должен повеситься. Зачем мне тогда работать с обществом?

Значит, я что-то другое должен думать про этих граждан... Что их обманули, что по отношению к ним применили шоковые технологии и так далее. Я уже много раз об этом говорил.

На референдуме 1993 года эти же сограждане, уже ограбленные Ельциным и Гайдаром и зомбированные классической формулой «Да-Да-Нет-Да», проголосовали так:

Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?	Да
Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 года?	Да
Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?	Нет
Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?	Нет

В числе «Да» было доверие ельцинскому курсу реформ.

В 1993 году – уже после того, как Ельцин пообещал, что ляжет на рельсы, если в результате реформ цены вырастут втрое, когда уже произошло то, что произошло, когда народ уже ограбили, обесценив его сбережения в банках, когда уже все было ясно, когда Гайдар уже чмокал, а все остальные уже завывали по поводу советского прошлого на разные голоса – граждане проголосовали за то, чтобы экономическая политика правительства Гайдара была сохранена. Почему? Потому что они надеялись на то, что будет построен спасительный капитализм.

Потом они разуверились не в капитализме, а в Ельцине. И долго искали ему замену. Зюганов (который представлял собой такую записную альтернативу Борису Николаевичу и вообще всем ревнителям капитализма) никогда не осмелился говорить даже об изменении результатов приватизации – не то что о построении государства на основе прежней формы собственности на орудия и средства производства или о возвращении к общественным фондам потребления. Он даже близко об этом ничего не говорил.

Очень высокомерно и специфически говорит об этом Чубайс: «Да, в 1996 году мы увидели, что Зюганов никаких результатов вообще не пересматривает, ни слова об этом не говорит. И мы поняли, что он внутренне сломан».

В 1996 году выборы были специфические. Совсем не так сильно смутировавшие, как теперь об этом говорят. Но специфические... Уверяю вас, если бы 80–90% граждан в 1996 году хотели, чтобы Ельцина любой ценой смели, то президентом стал бы Зюганов.

Но произошло другое. Были использованы какие-то дополнительные административные возможности или не были... Даже если были, то в пределах 10–12%, но не более того. Никакого сокрушительного антиельцинизма не было.

Потом, разочаровавшись в Ельцине, схватились за Лебеда. Схватились – как за возврат к сталинскому социализму? Я вас умоляю... Совсем иначе!

А потом схватились за Путина. Какие же надежды ему делегировали? Надежды на то, что будет спасен капитализм, что все дело в Ельцине: ему поверили, а оказалось, что он и пьяный, и нехороший, и такой, и разэтакий. А теперь, наконец, к власти пришел человек спортивный, разумный, который укрепит власть, стабилизирует ситуацию, – и будет у нас нормальный капитализм.

Каков же реальный объем надежд наших сограждан на то, что они не зря отказались от СССР и всего, что они имели в советском обществе, в обмен на этот самый капитализм? Ведь как они цепляются за возможность хоть каким-то способом капитализм сохранить!

Да, есть гигантский потенциал разочарования. Но это же не разочарование в чистом виде, а смесь разочарования и надежд! Существует правящий класс, который так просто все не отдаст. Существует международная ситуация. И, конечно, если бы можно было нормальным способом превратить капитализм во что-то, совместимое с жизнью страны, то это и надо было бы сделать.

Но мы живем в специфическом мире кривых зеркал. Мы живем в стране, которая разорвана на отдельные социальные зоны. У нас нет общества в строгом смысле этого слова. Это социальные среды. В каждой из сред – «свой производ и свой закон». И в одной из этих сред, называемой «элита», все видится в ином свете. Там есть представление о том, что все в порядке. Что капитализм цветет и пахнет. Что его надо защищать и развивать. Что его не надо радикально пере-страивать: он и так уже хороший.

Сказав: «Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!», – я вдруг увидел этого человека. И все его увидели. Это первый вице-премьер Российской Федерации Игорь Шувалов, который сделал заявления явно неэкономического характера (если верить «Коммерсанту» от 17 марта 2011 года) и вступил в полемику с господином Юргенсом.

Господин Юргенс говорит, что все надо быстренько «раздолбать» с тем, чтобы создать что-то новое, а то иначе не вытанцовывается модернизация.

А Шувалов говорит, что ничего не надо «раздалбывать», что надо все медленно и спокойно во что-то превращать. Он пишет: *«Россия 2020 – это Россия экономически мощная и комфортная для проживания»*. Для проживания кого? На дворе 2011 год. Россия 2020-го – это страна, комфортная для проживания кого? Откуда это слово «комфортная»? Мы в России с трудом разбираемся в качествах комфорта, особенно когда речь идет о комфорте для 5% населения страны.

Во-первых, очень дискомфортно жить комфортно, если 95% живет некомфортно. А во-вторых, у нас есть слово «счастье». Но его страшно произносить, потому что хочется говорить о комфорте. «Comfortable!» – так и рвется изнутри.

Кроме того, что значит «экономически мощная»? В каком смысле «экономически мощная»? Господин Кудрин, который тоже является спасителем капитализма в России, заявил, что в бюджете денег нет. Я не ослышался? В бюджете денег нет! Их не хватает. За счет этого мы будем возвращаться к ситуации Вашингтонского консенсуса. То есть брать крупные заимствования и попадать в экономическую (и, значит, политическую) зависимость от кредиторов. Мы уже наращиваем эти заимствования.

А почему денег нет? Вы мне можете объяснить, почему их нет, если бюджет сверстывался при цене 40–50 долларов за баррель, а сегодня цена на нефть, а также на все остальные энергоносители переходит за сотню? Ну так почему нет денег? Мы всё говорим: такой модерн, другой модерн... Почему денег в бюджете нет? Ну можно задать простой вопрос?

А потому нет, что промышленность и все остальное заваливаются. Естественно, заваливаются. И собранные в бюджет средства нужны для того, чтобы затыкать дыры, обнажаемые этим завалом. Часть, конечно, разворовывается – «красиво жить не запретишь». Комфортно. Comfortable, прошу прощения. Но, помимо этого, просто обнажаются все новые и новые дыры, их надо затыкать средствами, собираемыми с избыточных цен на нефть. И уже этих избыточных цен не хватает! А почему не хватает? Потому что дыр становится все больше. Идут трещины, дыры начинают зиять одна за другой.

И вот эти все заклинания называются спасением капитализма? Господин Шувалов пишет: *«Если мы говорим про собственность и защиту институтов собственности, про судебную систему, про инфраструктуру, которая обеспечивает бизнес, про другие вопросы, то политики должны как раз называть эти ценности».*

Почему инфраструктура, которая обеспечивает бизнес, и прочее называются ценностями? Это что за аксиология? Я года полтора занимался аксиологическими исследованиями – протоаксиологией в Древнем мире, классическим аксиологическим периодом, который кто-то начинает с Канта, кто с кого. При чем тут ценности?

Но если говорить о мироощущении, то в этой группе – мироощущение какой-то такой благодати. Она не слышит, как воют другие группы. Она не слышит, что собирается вокруг нее, как к ней относятся. Власть не понимает, что нельзя стать «президентом надежд» ни через 4 года президентства, ни, тем более, через 8–10. Что нужно как-то объясняться со своим обществом, и не на этом птичьем языке.

Соорудили самый глупый тип периферийного капитализма, поэтому он начал обваливаться. Периферийного, беспомощного капитализма – в момент, когда капитализм начал заваливаться во всем мире, когда он теряет легитимацию. Заговорили о модернизации в тот момент, когда с модерном происходит что-то нехорошее. И так далее.

Что такое элита, которая все это устраивает? Это элита, находящаяся в глубочайшем отрыве от широких общественных масс. Что делать? Противопоставить элите сами эти широкие массы? А массы ничего не могут. Они наголосовались, они донадеялись. И теперь, когда они перейдут от надежды к разочарованиям, они все это просто грохнут.

У нас отвратительное государство – гнилое, не просто коррумпированное, а криминальное по своей сути. У него есть масса сквернейших характеристик. Но оно есть. И единственное оправдание ему заключается в том, что в лоне всей этой гадости, может – поверьте мне, может – сформироваться что-то здоровое. Большие социальные общности,

новые классы, новые крупные социальные группы. Внутри этой гадости существует общество, не большое до конца, не мертвое.

Россия – очень живая страна. Гораздо более живая, чем какая-нибудь Германия или Франция. И в ней возможно формирование новых больших социальных общностей. Но если государства завтра не будет, то эти общности не успеют сформироваться... У матери в животе ребенок, а сама-то она и пьет, и делает еще бог знает что, и больна, но если она умрет не через 2 года, а через 8 месяцев или 6, то ребенок не родится. Ничего не будет. Будущего не будет.

Оправдание гниению не в том, что оно есть «вставание с колен» или что-нибудь в этом роде... Оно отвратительно. Все это сползание, гниение отвратительно. Но если альтернатива ему – быстрое обрушение, то пусть оно лучше погнит. И в этом смысле, конечно, не высокая литература здесь пригодна, а всем знакомый фильм «Белое солнце пустыни», в котором Сухова спрашивает один из представителей «бригады» (как сейчас бы сказали) Абдуллы: «Ты как хочешь – умереть сразу или помучиться?» Сухов отвечает: «Лучше помучиться».

Лучше погнить, чем вот так сразу рухнуть. И когда я в 2008 году стал понимать, что это все пахнет новым быстрым обрушением... то лучше погнить. Но «лучше погнить» не значит, что надо гнить. Надо взмывать... И никто об этом не говорит. Ни Шувалов, ни Юргенс. Просто Юргенс про свою демократизацию, модернизацию, «без которой нам не жить», говорит на языке перестройки, которая обрушит все в два года. А Шувалов говорит на языке гниения.

Нет раскола на национальный капитал и на капитал антинациональный! Есть скромная полемика между людьми, пришедшими на юбилей Гайдара. Между Институтом экономики переходного периода Гайдара и Институтом Юргенса. Ничего больше нет. Это всё «девочки надежные, проверенные, большевички с 17-го года». Это всё одна примерно компания. Это победившая группа либералов, часть из которых хочет, чтобы процесс шел медленно (чтобы вот так вот гнило), а часть считает, что неплохо бы и обрушить.

А еще у них есть противники, которые вообще говорят, что желательно элиту экспортировать из других стран. И это говорится всерьез. И называется это националистической оппозицией. Понимаете? Вот рельеф! Вот реальная карта, которая лежит на столе. И всему этому надо дать бой.

Соответственно, мы ведем разговор о своем проекте, а также о проекте «Модерн» и прочем. Зачем нужен этот разговор? Зачем нужен вообще этот разговор о модерне и его альтернативах? При том что в сколь-нибудь нормальной социально-политической ситуации такой разговор, вообще-то говоря, есть удел небольших философских групп. А затем он нужен, что ситуация ненормальная.

Страна потеряла смысловые опоры, смысловой каркас. У нее действительно сломан хребет. В мозгах – полный хаос. Это называется когнитивный хаос, аксиологический (господин Шувалов под ценностями имеет в виду инфраструктуру бизнеса, но мы знаем, что ценности – это другое, «аксио» – то, что наполняет нашу жизнь духовным, человеческим содержанием), культурный и иной. В условиях этого хаоса, этого вакуума люди мечутся. Они утратили опоры, существующие в нормальном обществе, которому не ломали хребет. Они понимают, что они тонут, и пытаются нащупать опору, нащупать какие-то точки. И хватаются за любые соломины, потому что нет готовности к формированию смыслового каркаса на месте этого клубящегося сумбура (про Шостаковича когда-то, в эпоху борьбы с космополитизмом, писали: «Сумбур вместо музыки»).

В этих условиях найти мировоззренческие основания безумно трудно. Надо помочь. Надо успеть выиграть эту борьбу. Надо навести в сознании порядок раньше, чем наши противники поселят туда окончательный хаос. И от того, что этот хаос будет не либероидного, а какого-нибудь другого образца, лучше не будет. Не будет.

Наши псевдонационалисты – как я их называю, «уменьшительные националисты» – говорят о том, что они всё ждут, когда 2% населения выйдет на улицы и учредит новое государство. Вот если эти 2% населения выйдут с

тем содержанием в мозгах, с теми «тараканами», которых в мозгах уже поселили (а новые постлибероидные «тараканы» ничем не лучше либероидных, они еще сквернее)... Вот если эти 2% начнут учреждать государство, имея все это в мозгах, то государства не будет. Ни плохого, ни хорошего. Ни фашистского, ни либерального. Никакого. И это надо понимать.

Почему в этой ситуации нужно обсуждать проект «Модерн»? Потому что идеологические основания, которые ищут наши граждане, должны быть полноценными. Полноценными. А карта, которую мы даем гражданам, – карта маршрутов, по которым они могут двигаться, – должна быть не фиктивной. Не сказкой про Алису в стране чудес, а натуральной картой имеющихся на сегодня идеологических местностей: регионов, территорий, морей и речек. Нам нужна реальная, интеллектуальная, идеологическая топография, без которой не выжить, не построить мировоззрение.

Мы говорим об общении между людьми. Но общение же требует языка. Язык – это не просто данный нам язык. Для того чтобы общение было политическим или интеллектуально-политическим, нужен интеллектуально-политический язык. Его нет. Его нет как средства полноценного общения с себе подобными. А мы все время говорим о том, что вот мы сейчас насоздаем суперструктур... Мы пузыри можем надуть любые, а структуры создаются не так. Утром язык – вечером структура. Но язык вначале.

Итак, проект «Модерн» важен для нас потому, что указывает на основополагающее, фундаментальное качество идеологии. Идеология не может быть привязана к территории, потому что территория материальна. Сколько ей ни придавай особого смысла, сколько ее ни сакрализуешь, она все равно материальна. Идеология не может быть связана с природными циклами, потому что человек – существо в существенной степени внеприродное. Идеология может быть связана только с тем, что отделяет человека от природы живой и неживой, – с духом, со смыслом, с идеалом, с социально-культурными большими проектами.

Проект «Модерн» – это идеология, потому что он адресует к социально-культурным основаниям жизни.

А «евразийство» – это не идеология, потому что оно адресует к территории, на которой складываются какие-нибудь уклады.

Фашизм – это идеология. Отвратительная, абсолютно разрушительная для России. Россия должна покаяться еще и в том, что она победила «замечательную» фашистскую идеологию в 1945 году? Но она же не хочет в этом каяться! Тогда о чем мы говорим? Но фашизм – это идеология.

А национализм – не идеология. Ну, не идеология и всё! Потому что непонятно, о чем идет речь. Давайте вот с этим разберемся в соответствии с тем же проектом «Модерн».

Человеческие сообщества в истории прошли определенную эволюцию. Они трансформировались, и это оставило свои следы на теле человечества – как в культуре, так и в реальной жизни существующих сейчас народов. Существуют древнейшие «микроэлементы», с помощью которых человечество, еще не обладая полноценными государствами, уже заявило о себе как о чем-то неслыханном, не имеющем аналогов среди живого и неживого.

Сначала был род. Род строил себя в соответствии с родоначальником. Например, в Библии существует род Авраама, праотец – Авраам. Если ориентироваться на ту же Библию, то есть еще более мелкая единица – колена. Колена Иакова. Это существенный элемент внутри рода. Род в целом существовал отнюдь не только в кочевых племенах, начинавших строительство государства Израиль. В той же Шотландии до сих пор есть род МакГрегоров или другие роды. Они существуют как следы тех видов человеческого существования, которое было давным-давно. В России есть замечательное выражение: «А какого ты роду-племени?»

Племя – это уже следующая единица, более крупная, чем род. Ибо для того, чтобы племя сформировалось, нужны организованные определенным образом обмена невестами между разными родами. Вот в этом роду есть жених, а в том роду есть невеста. И они должны каким-то институализиро-

ванным образом, ритуальным образом обмениваться друг с другом. Тогда возникает племя как более сильная единица.

Следующая за племенем единица – народность, которая есть совокупность племен. Если классическим родам (кочевым или некочевым, неважно) до возникновения мировых религий свойственны простейшие формы религий, очень часто отдающие шаманизмом или чем-нибудь сходным, если племена уже имеют более разветвленные, но примитивные типы язычества, то народность – это такой олимпийский пантеон, в котором возникает центральный бог, свой Зевс, вокруг которого боги отдельных племен и родов образуют группу по некоей соподчиненности. Если взглянуть во всех этих олимпийских богов, то можно увидеть, что когда-то они были богами отдельных племен на той территории, на которой племена позже объединились в народность.

Когда из народности возникает народ? В каком-то стихотворении, строчки которого случайно запали мне в голову, было сказано: «И в великий народ превращается племя». Когда появляется большая религиозная форма, монотеистическая, тогда и возникают народы. Не французская народность, не народности и племена, населяющие территорию Ближнего Востока, а народ как единство веры и народности. Народность обретает веру. Большую веру. И превращается в народ.

Я говорил в ходе передач «Суд времени»: «Государство – это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение». Возникает историческое предназначение. Исторически, прошу прощения за тавтологию, оно возникает только вместе с большой монотеистической верой, вместе с историей, в которой появляется некая направленность – не цикличность, а направленность – времени. Вместе со всем этим возникает народ – очень высокая форма общности.

А потом эта форма общности начинает рушиться.

Как она рушится? Народ объединен единой верой. Французы были католиками. Но потом появились французы-гугеноты. И гугеноту уже непонятно, почему король, суверен,

является на его территории столь священной фигурой, если его помазали? Его кто помазал? Папа Римский? А кто такой Папа Римский? Для гугенота это сатана... Вместе с религиозной войной начинает расшатываться народная религиозная идентичность.

А кроме этого, возникает еще более страшный и странный элемент – светские люди, которые ни в Папу не верят, ни в Лютера. Ни в того, ни в другого. Что с ними делать? Они вроде на французском языке разговаривают, ходят по той же земле и налоги платят, а в Бога не верят. Пока это единицы, их можно сжечь на костре инквизиции. Но потом их становится все больше и больше, и инквизиция уже захлебывается... А потом оказывается, что среди городского населения неверующих, светских уже чуть ли не больше, чем верующих. Что с ними делать?

Как заново это все объединять? Традиционное общество рушится. Рушатся все его скрепы. А люди хотят сохранить общность и государство. И что тогда они изобретают? Они изобретают новую, очень мощную и в чем-то неслыханную по отношению ко всем предыдущим общность под названием «нация».

Нация – это не народ. Нация – это как бы «народ минус вера». Это идентичность, уже не построенная на вере. А на чем же она тогда строится? Нация – это как бы «народ минус традиция». Пушкин писал: «Привычка – душа держав». Нет привычки как души державы, а что же есть? Возникает новый регулятор. Этим регулятором является писанный, строгий закон. Новая идентичность уже не апеллирует к вере. Она апеллирует к истории, культуре, языку, гражданству и «священным камням прошлого» – этосу.

А в этот момент, поскольку народ как форма трещит по швам, всё летит в обратном направлении: на месте народа появляются народности, а на месте народностей появляются племена. Всё летит чуть не к родовой структуре. Государства распадаются.

Аббат Сийес, обращаясь в 1789 г. к французам в известной брошюре «Что такое третье сословие?», говорил примерно

следующее: «Не пора ли нам прогнать угнетателей–франков с нашей земли? Мы галлы, мы не германское племя – мы великие кельты, галлы. А нас оседлали эти чертовы франки. Так давайте изгоним франков!» Он имел в виду Марию Антуанетту, ее род королевский. Но никогда впоследствии французский Конвент не санкционирует подобного рода речи, потому что обращение «галлы», «франки» – это уже адресация к племенам. Кельты... франки... германские племена... Вот ко всему этому запрещено обращаться. Нельзя подчеркивать: «мы – Прованс», «мы – Лангедок», «мы – Окситания», «мы – Вандея». В этих землях говорят зачастую на языках, довольно сильно отличающихся друг от друга, и подогреть это «местное» начало запрещено.

Когда буржуазия вместе с якобинцами приходит в мир, она приносит идею нации. И начинает рубить головы на гильотине каждому, кто пытается отделить территорию. Не только Корсику от Франции, но и Нормандию, Прованс, любую другую. Она-то одержима созданием новой территориальной целостности, великого национального государства. В этом государстве запрещено говорить о том, кто какого роду-племени, запрещено говорить о галлах, франках, окситанцах, аквитанцах, бог еще знает ком. Ведь когда всё это оживает, распадается народная общность.

Народ дышит империей, как бы она ни называлась. Нация начинает дышать новой формой национального государства. И это национальное государство, окончательно утвердившись в Европе в конце XVIII – начале XIX века, дальше начинает завоевывать весь мир. Но оно же является национальным, а не племенным, не родовым.

Я два месяца как приехал из Вьетнама. У меня перед глазами карта вьетнамских народностей, непохожих друг на друга, говорящих на разных языках. Они все объединены в национальное государство Вьетнам.

Сунь Ятсен, понимая, что Китай распадается, что ханьцы – это ханьцы, маньчжуры – это маньчжуры, а уйгуры – это вообще нечто совершенно отдельное, сформулировал принцип «пяти лучей». Он запретил распри между ханьцами и

маньчжурами и кем угодно еще. И он их объединил. Они все образовали единую великую китайскую нацию.

В Индии – индийская нация, индийцы. В Индии не говорят: «Мы – индусы», потому что индусы – это религия. А там несколько сот миллионов людей, исповедующих ислам (Индия – государство с очень большим исламским населением.) Индийцы очень часто не понимают друг друга, южные и северные племена говорят на разных языках. Но ведь единое государство скреплено этим понятием о великой индийской нации!

Модерн принес нацию как конструкцию, национальное государство, закон как регулятор, классическую светскую культуру как форму жизни. Он принес с собой очень и очень многое. И это очень и очень многое укоренилось в каждой клеточке тела под названием человечество, постепенно распространяясь и распространяясь по всему миру. Это оказался доминирующий тип государства.

В этом смысле националисты – все. Нет не националистов.

Вопрос о том, есть ли нация? Для того чтобы в России появилась нация, в ней должна произойти модернизация. Нация – и субъект, и продукт модернизации. Модернизация не происходит – нет нации.

На протяжении веков русские нацией не были. Они были народом с великой православной миссией, имперским гиперэтносом. В Советском Союзе они все равно превратились в имперский фокус советской структуры. Империя может быть очень разная, как я говорил уже много раз. Она может быть демократическая, даже либеральная. Она может быть авторитарная, теократическая, монархическая. Это просто форма, в которой есть «потолок» – великая идея, на котором висят «люстры» отдельных народностей и племен, объединенных этой идеей.

Если «потолок» коммунизма рухнет, советская империя распадется. Какое общее дело решили сделать народы, собравшись в единую империю? Коммунизм построить. Если общего дела нет, почему надо сидеть всем вместе?

Так какое государство мы создаем? Мы хотим создать национальное государство? Это труднейшая задача. Почему она труднейшая? Потому что есть анклав, на территории которых живут люди, не желающие признавать себя русскими. Даже в национальном смысле...

Национализм – не племенной охранительный рефлекс, а национализм заключается в том, что есть единство языка, гражданства, политической идентичности, исторической идентичности и «священных камней». Больше ничего нет, все остальное запрещено к рассмотрению. С этого начинается национализм. Посмотрите на Францию. Это классическое национальное или националистическое государство, которое держится за все эти основания, потому что понимает, что без них потеряет целостность. И эти основы заложены Великой Французской революцией.

Но Чечня, а также другие части нашего государства, причем отнюдь не только расположенные у одной из границ – например, Татарстан, Башкирия, – не хотят в этом смысле стать элементами национального государства. Они органически входили в империю.

Для того чтобы переделать Россию в национальное государство, нужен не только модерн, нужны якобинцы в ХХI веке. А это ХХI век! Легко болтать про репрессии и глубокие зачистки за кружкой пива и там же травить анекдоты про братство народов. Это мы знаем с советской эпохи. Хорошо на эту тему веселиться в тот момент, когда есть крепкий каркас государства. А когда его нет? И когда эти 2% с «тараканами» начнут учреждать что-то заново, они же просто всё развалят! Всё.

Достаточно понять, что если отделить Северный Кавказ от России, то обнажается Волга. Происходит взрыв по Волге – и всё, территория разламывается на две плиты, ведь все трубопроводы сходятся между Башкирией и Татарстаном. Это конец, это голод на Европейской равнине, это общегосударственный хаос. Кроме того, любой нормальный националист грезит расширением державы. А что же это за национализм, который грезит ее уменьшением? Это что такое?

Все очень просто. Я ведь уже описал эту «пирамиду».
Есть верхушка, которую надо заваливать.

Ниже есть репрессивный аппарат, который рано или поздно будут отключать.

Дальше есть маленький слой либероидов.

А дальше надо создать квазифундаменталистов, «оранжевых» фундаменталистов. Если в Египте их надо создавать на основе исламизма, то здесь их нужно создавать на основе «уменьшительного национализма». Потому что упаси Бог, если национализм окажется неуменьшительным и вместо того, чтобы разрушить страну, ее начнут воссоздавать. Поэтому его и делают уменьшительным, в него сразу закладывают всю программу саморазрушения, оккупации. Она уже готова заранее. Поэтому уменьшительный национализм имеет такое же отношение к национализму якобинцев, как я к Галине Улановой.

Зачем нужен весь этот разговор о проекте «Модерн»? Он нужен потому, что позволяет понять, как устроен мир. Мир устроен на основе определенных регуляторов, которых у нас нет. Эти регуляторы называются «закон».

Закон... Но мы всегда были построены по-другому. В России с эпохи Петра, а то и раньше не было регуляторов, связанных с традицией, потому что Петр довольно круто разорвал с традицией. Правильно он сделал или нет – не будем сейчас обсуждать. Петр – великий человек, допустивший массу ошибок. Неважно. С традицией было покончено. Но и закона в том виде, в котором он существует в классическом модернистском государстве, тоже не возникло. Достаточно вспомнить русские поговорки: «Закон что телеграфный столб...» или «закон что дышло...» И так далее, и тому подобное.

Но если традиционные регуляторы не работают и закон не работает, то что работает? Культура. Россия показала, что культура может взять на себя роль регулятора. И уже этим она продемонстрировала, что идет не путем модерна, при котором главный регулятор – закон, а другим путем. Принципиально другим. С этой точки зрения, ни Екатери-

на, ни прочие наши правители не являются классическими модернизаторами. И сталинский коллективизм тоже есть следствие культуроцентричности России, возвращение к культуроцентричной традиции. Не традиции модерна, а традиции альтернативных форм развития макрочеловеческих общностей, макросоциальных общностей.

Можно ли сейчас вернуться к построению модерна – регуляторов в виде закона, формированию нации на основе этоса, культуры, языка, гражданства, то есть на основании, ликвидирующем всякие племенные рефлексy? Здесь говорят: «Россияне или русские?» Русские, да. Но русские и русы – это разное. Никто не запрещает гордиться тем, что рус, что роду племени такого, ради бога. Но род и племя в национальном государстве уходят в сферу частной жизни. Они не могут быть средством программирования государственной идентичности. Как только они им становятся, идентичность рушится. На что и делается ставка в так называемом уменьшительном национализме.

Это еще не все. Что предполагает политическая система, в которой есть две партии? Почему эти партии – демократическая и республиканская – не грызутся друг с другом насмерть, точнее не грызлись? Потому что есть рамка, которая называется «консенсус модерна». И как только рамка рушится, эти две партии смотрят друг на друга в прорезь оптического прицела. Я это вижу повсюду. От Англии, Франции, Германии до Соединенных Штатов и Израиля. Всюду это так. Нет рамки модерна – всё, рушится консенсус этих двух партий.

Значит, Модерн – это сложнейшая конструкция, адресующая к определенным основаниям, определенным принципам существования. Она полноценна в том смысле, что от нее можно отстраивать карту идеологии. От нее можно отстраиваться, давая определения, что такое Контрмодерн, что такое Постмодерн, что такое Сверхмодерн. А если начать танцевать не от полноценной «печки», то не будет идеологии, не будет мировоззрения. Не будет преодолен хаос в мозгах. Не будет пройден этот самый кружковский этап. Не создадим мы ничего. Под кроватью будем прятаться, в подполье

залезать, шифрами перестукиваться. И создавать «пузыри» в виде псевдоструктур.

Нам нужно договориться о мировоззренческих основаниях. Нужно понять, чем полноценные идеологии отличаются от неполноценных. От каких идеологических «печек» можно танцевать, перестраивая полностью мировоззрение, освобождаясь от идеологического хлама, от смыслового вакуума, от кризиса, от когнитивного хаоса в сознании, вычищая всё это, преобразуя себя в процессе политического образования и самообразования, в процессе интеллектуально-политической деятельности, в процессе создания языка, на основе которого можно строить общности людей, думающих так же, как и ты.

Всё, что мы хотим, это не задать какие-то катехизисы, а дать человеку карту, качественную карту, компас и сказать: «Вот видишь: вот это речка, а это мост, а это гора, а вот здесь обрыв, а вот здесь болото. Ты хочешь пройти из точки А в точку Б? Иди! Выбирай маршрут».

Это огромная ответственная задача. Кто-нибудь сейчас может нам помешать приступить к ее решению? Не смешите меня.

Эту задачу можно свободно решать наряду с теми, которые я перечислил выше. Так давайте ее и решать. Ее – если на это есть духовная сила, если на это есть терпение, если на это есть какая-то внутренняя готовность. Те, кто должен был ее решать, ее не решают. Они рассуждают в Институте Гайдара о том, нужно ли им обеспечить комфорт с помощью постепенного перехода или с помощью резкого перехода.

Они являются партией гниения и партией обрушения. Нет в элите полноценного интеллектуального спора. Нет в элите стремления к глубокому и основательному мировоззрению, которое было в эпоху Просвещения. И которое создало Великую Французскую революцию и якобинцев как символов этого Просвещения. Этого всего нет.

Значит, это должно возникнуть в том, что во всем мире называют «контрэлитой». Должна возникнуть большая общность, готовая к подобному разговору, к подобному пере-

форматированию, любящая народ и связанная с народом. Тогда возникнет и все остальное, все формы действительно политической деятельности. На сегодняшний день они ущербны. Ну, подумайте, почему за все эти 20 лет они оказались настолько ущербны? Но они же оказались по факту.

Если нас до сих пор, так сказать, институт Гайдара учит жить, значит, это по факту так. Если все распалось на малые социальные среды, которые не могут ни о чем друг с другом договориться, то это по факту так. Если место большого идеологического проекта занимает вот эта какофония микро-проектов, каких-то случайных идеологом, идеологических диссонансов, то это по факту так.

Если нам дано историческое время и полная свобода осуществлять это, а мы от этого отказываемся, то кто мы такие? Значит, мы должны это делать. И весь смысл нашего обсуждения в том, чтобы это сделать. Чтобы исследовать свое общество. Чтобы обладать аппаратом для такого исследования. Чтобы менять мировоззрение, достраивать его, базируя его на прочном фундаменте, на настоящих основаниях, вырабатывать политический язык. И, объединяя это всё вместе, ведя параллельно с этим информационную интеллектуальную войну, перестраивать изнутри социум не по разрушительным рекомендациям перестройки-2, а на созидательной основе.

И пусть они затевают свою перестройку – мы ее блокируем. И мы на нее ответим новым социальным строительством, формированием идентичности, мировоззренческим воскресением нации, или народа, или имперской общности. Это зависит от того, что, собственно говоря, мы собираемся делать.

И поэтому те разговоры, которые в любых других условиях являются избыточными, сегодня являются единственно возможными и единственно спасительными. Конфуций говорил: «Давать вещам правильные имена и называть их на всех базарах». Вот такими «базарами» и должны стать региональные и прочие секции виртуального клуба «Суть времени». И не надо возлагать на него ненужные функции,

отказываясь выполнять нужные. Если вы верите в то, что Россия не просто воскреснет, а прорвется из нынешнего полузабытья, то делать надо именно это. Ничего другого сделать нельзя в условиях регресса и такой глубокой травмы, которая была осуществлена в нашем обществе в эпоху перестройки-1 и которую хотели повторить и расширить сейчас.

Не дать это сделать и преодолеть травму – вот две задачи. Потому что мы должны не только не позволить, чтобы эту травму расширили. Нужно также преодолеть эту травму. Это две задачи. Задача-минимум, задача политическая – дать бой перестройке-2 вместе со всеми, кто является ее противником (а это люди, думающие совершенно по-разному). А другая задача – главная и основная, которая обсуждается в «Сути времени», – осуществить мировоззренческую революцию. Создать новую мировоззренческую общность. Домыслить все до конца, пользуясь моментом. И уже от этой полноты идентичности перейти к стратегическому действию.

29 марта 2011 года

Выпуск №9

Историческое время наращивает свой бег. Бег становится все более стремительным. То, что мы видим в Ливии, не может оставить равнодушным никого. Нужно быть абсолютно сумасшедшим, чтобы не понять, что этот колокол звонит по каждому из нас. И что ракеты «Томагавк» не будут различать, кто является «белым» патриотом, кто сторонником усовершенствованного Красного проекта или прямой реставрации существовавшего Красного проекта, а кто либералом. Ракеты «Томагавк» будут бить по всем сразу. И каждый может попасть под удар.

Рассуждение о том, что такой удар может быть нанесен только по Ливии и не может быть нанесен по нам, не выдерживает критики. Потому что это не так. Завтра, как понимает каждый, некая группа людей может объявить, что недовольна происходящим. Она будет иметь к этому большие или меньшие основания, а основания всегда есть. Приедут несколько телекомпаний – не «Аль-Джазира», так CNN. Снимут людей, размахивающих руками, кричащих о своем недовольстве. Потом эти люди откуда-то возьмут гранатометы и автоматы и куда-нибудь двинутся. По ним начнут стрелять. И окажется, что это не мятежники, не негодяи, а восставший народ. Восставший народ поддержат, если надо будет, или раздавят, если надо будет. Если вы выступите, вас раздавят, а

если выступят господа Каспаров, Касьянов и прочие, взятые в американскую обойму, то их поддержат.

Как только их поддержат, окажется, что страна находится в состоянии гуманитарной катастрофы и по ней надо наносить соответствующие удары. И не надо успокаивать себя тем, что у нас атомное оружие, что у нас очень много вооружения, у нас хорошая ПВО... Вы хотите проверить, что у нас в действительности осталось? Вы твердо уверены, что все эти ресурсы будут задействованы для защиты страны? Вы хотите испытать «удовольствие» от обмена ядерными ударами с непредсказуемыми последствиями?

Все-таки, наверное, все мы, на трезвую голову, хотим жить сами и хотим, чтобы в стране могли жить наши дети и внуки, хотим продолжать общественную деятельность и деятельность вообще и так далее. Мало кто жаждет Апокалипсиса и призывает: «О, приди скорей!» Значит, на кон поставлено очень и очень многое.

Я говорил и повторяю, что «крестоносцы» – это не моя риторика. Дело не только в том, что бен Ладен или Каддафи говорят о «крестоносцах», которые их атакуют. Дело в том, что «крестоносцы» – это очень поэтично, они воспеты очень многими...

Lumen coelum, sancta rosa!
Восклицал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.

Это великие пушкинские строки («Жил на свете рыцарь бедный...»). Есть и другие строки. Есть Ричард Львиное Сердце, есть Гроб Господень, есть штурм Акры, есть славные битвы христианского воинства...

Может быть, если бы кто-нибудь позвал меня в крестовый поход, то я оседлал бы коня, надел латы, взял копьё и поехал в крестовый поход вместе с другими. Правда, бывало в истории и так, что все оборачивалось ограблением Византии... Но не будем углубляться в рассмотрение этого образа.

Вопрос заключается в том, что люди, которые сейчас совершают варварскую агрессию против Ливии, не заслуживают названия крестоносцев. Это сумасшедшие, жалкие, обезумевшие люди, не понимающие, что они творят и в какой логике, чего они добиваются хотя бы для своих собственных стран и для мира. За спиной этих сумасшедших стоят расчетливые, но еще более обезумевшие силы, которые тащат мир просто в пропасть. Сознательно туда тащат!

Я беседовал с вполне холеными и умными, сдержанными людьми, которые утверждали, что в результате трансформации миропорядка А (вот этого самого Модерна) в миропорядок Б (как бы он ни назывался) должно остаться 7–8% населения, примерно 400 миллионов. А когда я спрашивал: «За счет чего это будет сделано?», – мне спокойно отвечали: «Государств уже не будет, останется 400 миллионов населения, его поделят на разряды, и тогда, вероятно, можно будет продолжать движение мировой истории в соответствии с новыми критериями».

На повестке дня стоит слишком многое. Оставим даже в стороне этот экстремальный вариант. Зададимся вопросом, что именно делают те, кто сейчас осуществляет агрессию (или «гуманитарную акцию») в Ливии? Они все время рассказывают нам о том, что они мешают преступной власти наматывать на гусеницы мясо своего народа, истреблять людей, используя военное преимущество, и тому подобное.

Перед тем, как выступить в программе у Соловьева по вопросу о Ливии («Поединок», канал «Россия», 24.03.2011), я ознакомился с выступлением моего оппонента, господина Злобина, в программе радиостанции «Эхо Москвы» («Клинч», 22.03.2011). А также с тем, как ему оппонирует очень позитивный, умный, образованный человек из «Альфы» по фамилии Филатов, который выдвигает против господина Злобина вполне весомые, конструктивные аргументы. Если бы я слушал эту передачу, то однозначно проголосовал бы за Филатова: он вполне полноценно оппонировал господину Злобину.

Но внутри этой полноценности есть одна даже не слабина, а черта, присущая нынешнему патриотическому большин-

ству, которое упорно не хочет брать определенный барьер сложности. Оно подходит к этому барьеру и отступает. Оно не перескакивает через барьер сложности, не переходит в ту зону, где можно эффективно бороться с противником. Ну не переходит оно из некоей зоны №1 в зону №2! Не хочет оно туда переходить, чурается чего-то, не понимает, что это надо обязательно сделать. Для того чтобы действительно смочь защитить Родину до конца, чтобы смочь вести информационную и идеологическую борьбу, патриотическое большинство должно взять определенный барьер. Но оно его не берет, и это оборачивается серьезнейшими последствиями.

Я не буду говорить о том, что на «Эхе Москвы» вообще очень странно ведутся голосования. Еще неизвестно, можно ли победить в этих голосованиях, потому что несколько раз, когда я начинал побеждать, все эти голосования останавливали, объявляли фиктивные результаты, а потом руководители радиоканала приносили мне извинения. Поэтому я не буду даже говорить здесь о результатах на «Эхе Москвы».

Вопрос – методологический. И барьер, о котором я говорю, – методологический. Это барьер политической семантики. Политической лингвистики. В конечном итоге, этот барьер и называется «игровым».

Если вы помните, я говорил, что русских нельзя победить в войне. Нельзя. Они один из самых боевых народов мира, хорошо воюющих. Тогда же говорил, что, может быть, из малых народов пуштуны или еще кто-нибудь воюют и лучше... Немцы тоже хорошо воюют. Но русские – это народ-воин. И там, где идет война, они побеждают. Никсон не случайно назвал свою книгу «Победа без войны». Победа без войны есть игровая победа. И в игровой победе очень важный элемент – это методология, политическая семантика, политический язык.

Если вы согласились на определенную формулировку в дискуссии, вы уже попали в ловушку, из которой никогда не выйдете. Если вам навяжут формулировку: «Должна ли власть бесчинствовать по отношению к своему народу и должно ли мировое сообщество вмешиваться, если власть бесчинствует

по отношению к своему народу?», если вы примете такую формулировку, то уже до начала дискуссии вы проиграли. Вы ее уже проиграли – неважно, на «Эхе Москвы» или где. Потому что формулировка «власть, которая бесчинствует по отношению к своему народу», – это пропагандистская схема. И тут выиграть нельзя.

«Вы хотите сказать, что власть может бесчинствовать по отношению к народу? Что если эти бесчинства ужасны, мировое сообщество не должно вмешиваться?»

А когда вы увязнете в этой дискуссии, вам покажут, что вы ее проиграли, и затем примут резолюцию Совета Безопасности ООН, начнут бомбить любую страну и поволокут мир в ужас, в катастрофу, в мировую войну.

Чтобы начать борьбу, надо оказаться по ту сторону барьера. По ту сторону барьера надо быть не фигурой, принимающей чужую семантику, чужой язык, чужую методологию, а игроком. А лучше бы хозяином игры, задающим игровые правила.

Каждый может взять этот барьер и перестать быть фигурой, стать игроком. Каждый. Нужно только однажды утром проснуться – не в обычном физическом смысле, а в духовном, – спустить ноги на пол и сказать: «Больше я так не буду жить, я буду жить по-другому». И начнется подлинное пробуждение.

Каждый может проснуться по-настоящему. О таком пробуждении говорят великие суфийские учителя. Это есть в каждой мировой религии, в мировой культуре в целом. Однако проблема в том, что пробуждаются-то, как правило, единицы.

Но русские оказались у такой черты, у такой грани, они зависли над такой пропастью, что спасти их по-настоящему может не чудо вообще (о «чуде вообще» все говорят), а чудо пробуждения. В каждом человеке есть огромные резервные силы – физические, духовные, интеллектуальные, эмоциональные. Иногда кажется, что большинство людей почему-то все эти силы для кого-то берегут, не хотят использовать. И берегут не для кого-то вообще, а ясно для кого – для могильных червей, которым они позволяют это все скушать.

Значит, эти силы надо пробуждать сейчас, сегодня. Без пробуждения решение всех остальных задач невозможно. Без пробуждения нельзя преодолеть ситуацию «сломанного хребта». И в интеллектуальном смысле вопрос простой – надо прыгать через барьер этот, прыгать через него! Не разбиваться об него, а прыгать.

А в чем состоит барьер методологии, которая превращается в политику? Если противник играет с вами на методологическом уровне, а вы, играя на уровне чисто дискуссионном, признали его методологию справедливой, вы проиграли интеллектуально-информационное состязание. И тогда повторится перестройка.

Я привожу простой пример. Для господина Злобина существует пропагандистская – идиотская, но очень сильно действующая – схема, в которой существует бесчинствующая власть и народ (народ Ливии в рассматриваемом случае). Но дело же не в том, чтобы обсудить в пределах такой схемы, как именно должны разворачиваться события. Дело в том, чтобы перечеркнуть эту схему, показать, что ее реально нет! И все понимают, последний профессор какого-нибудь заштатного американского университета понимает, что этой схемы нет. На всех международных семинарах десять лет об этом уже говорю. Кивают головами, говорят: «Oh, yes, yes, yes!» – и продолжают талдычить про «бесчинствующую власть» и «восставший народ».

Нет «народа вообще», который то ли восстал, то ли не восстал... Есть силы. В странах, подобных Ливии, Египту, Алжиру, Ираку, Ирану и так далее, есть силы № 1, 2, 3, 4...

С высшей, моральной точки зрения, мир должен регулироваться какими-то нормами, а нормы требуют духовной легитимации. В проекте «Модерн» эти нормы были. Как только вышли за рамки проекта «Модерн» – вышли за рамки норм вообще, опустились в пространство демагогии и грубой силы. Это высший уровень проблемы. Но есть и низший уровень все той же проблемы.

О'кей, господа, вы хотите воздействовать... На что и как? Вы воздействуете на какие-то силы. Вот была такая сила,

которая называлась «Саддам Хусейн и партия БААС». Вы ударили по этой силе и уничтожили ее. Какие силы вы за счет этого освободили, активизировали? Кому вы предоставили это поле? Вы кому его предоставили? Вы его предоставили курдам, которые начинают разрушать все сопредельные государства. Вы предоставили его шиитам, которые уходят в сторону Ирана. И вы предоставили его суннитам, которые устроили такой суннитский радикализм, по отношению к которому Саддам Хусейн – ангел с крылышками, либеральный юрист-цивилист.

Заркави убит, но дело его живо. Суннитский треугольник в Ираке – это реальность. Это такая штука, по отношению к которой бен Ладен покажется маленьким мальчиком.

Значит, что же вы реально сделали? Кому в руки вы кинули регион? Если вы так ненавидели Иран, то почему вы кинули все это к ногам Ирана? Если вы так любили Турцию как относительно светского союзника, то почему вы позволили разрушать курдам Турцию и все остальные сопредельные государства? Если вы так ненавидите исламский радикализм, то почему, подавив партию БААС и националистов, почему, их всех подавив, вы сделали ставку на каких-то либеральных идиотов, которые плелись в вашем обозе? Теперь эти либеральные идиоты просто исчезли со сцены, а все те, с кем вы боролись, и стали королями манежа после того, как вы вышли оттуда. Вы что сделали? Вы вот это сделали?

Перед вводом войск в Ирак меня попросили принять представителей Фонда Никсона. Встреча состоялась в зале «Экспериментального творческого центра», они здесь сидели, разглагольствовали. Мы им говорим: «Что делаете? Что собираетесь дальше делать? Если вы решили войти в Ирак, вас все равно не остановить. Но что вы будете там делать? Что?»

Они улыбались, ускользали от ответа... Потом, через несколько лет, они начали повторять все то, что мы им тогда говорили. Что они совершили чудовищную ошибку. Ах, они совершили чудовищную ошибку! «Это был негодный Буш, он совершил чудовищную ошибку!» Но Буш хотя бы не брал Нобелевскую премию мира.

Теперь пришел гений. Вошел в Ливию, в которой есть три силы:

- есть Каддафи (который, между прочим, обеспечил для народа очень даже приличную жизнь, гораздо более приличную, чем в России: учитель получает 3000 долларов; средняя заработная плата больше 1000 долларов; каждая семья получает бесплатную квартиру; семья, родившая ребенка, получает деньги, семья, родившая следующего ребенка, получает еще больше; это не наши жалкие вспомоществования, это совсем другое – медицина бесплатно, образование бесплатно; одного ребенка из семьи посылают в западные вузы бесплатно... Он много чего там сделал, этот Каддафи (да, военный диктатор);

- а есть еще клан «Сенусийя», свергнутый Каддафи;

- и есть «Исламская группа», «Ливийский Джамаат», как вы это ни назовите, то есть «Аль-Каида».

Вот есть эти три силы. И есть какие-то, изображающие из себя что-то либеральные клоуны, но они схлынут сразу же, как только очистится манеж.

Значит, уничтожая Каддафи, воздействуя на него, американцы развязывают мешок. И выбирать придется между «Сенусийей» и «Аль-Каидой». И неизвестно еще, что лучше.

И то же самое сделано в Египте, где освобождение от армейского клана развязывает руки «Братьям-мусульманам». Они прямо говорят – Сорос говорит, Кондолиза Райс говорит, Хиллари Клинтон говорит, все они говорят, бумаги их (как закрытые, так и открытые) сейчас пестрят разработками о том, что они и хотят, чтобы были «Братья-мусульмане», сила халифатистского ислама.

Значит, они устроили в Ираке то, что устроили... Признали, что обгадились там... И тут же начали делать то же самое в Египте, потом сделали то же самое в Ливии и делают по всему региону. Они освобождают регион от более или менее вменяемых, хотя и свирепых, сил, которые-то как раз и осуществляют в нем – что? Я спрашиваю – что? Авторитарную модернизацию в тех или иных видах. Они от них избавляются в пользу контрмодерна, в пользу сил халифатистского ислама,

в пользу сил исламского радикализма – любых, вплоть до «Аль-Каиды». Это они объективно делают, и они не настолько идиоты, чтобы этого не понимать. И разговаривать с ними на языке «бедный народ» и «жестокая власть» – значит, уже заранее сдаться им на милость.

Начал говорить о том, что реально в Египте происходит сдача «Братьям-мусульманам», привожу факты. Начинается: «Ах, Вы говорите, что к событиям в Египте причастна какая-то рука забугорная! Ах, Вы говорите, что у американцев есть потаенные мотивы! Ах, Вы говорите, что американцы стоят у оппозиционных сил за спиной!»

Я ничего такого не говорю. Я на этом языке разговаривать не буду, потому что есть другой язык. И я требую, чтобы, обсуждая все эти проблемы, говорили именно на нем. Внутри него есть слово «поддержка». Поддержка. Вы говорите, что поддержки этой нет?

В ходе обсуждения так называемой «арабской весны» один эксперт заявил: «Смешно говорить, что американцы содействовали этим событиям, оказывая оппозиционерам поддержку».

Ну, наконец-то хотя бы произнесено слово «поддержка». Финансовая поддержка есть? Сорос сказал, что она есть. Информационная поддержка есть. В Ливии силовая поддержка есть. Мы считали: десять видов поддержки американцы оказали! Десять. Мы не конспирологи. Мы все это понимаем конкретно.

Есть такой господин Шарп, который с 1983 года работает на так называемом «моральном сопротивлении», «моральном устрашении». В частности, изучал для этого Ганди. Первые гранты получал на то, чтобы противостоять в 1983 году возможному введению войск стран Варшавского договора в те или иные страны. Потом работал в Бирме вместе с ЦРУшниками. Потом наблюдал я его подробно, этого Шарпа, в Прибалтике, в Вильнюсе, когда военным способом, совершенно неадекватным, попытались противодействовать преступным действиям по разрушению Советского Союза, вопреки референдуму. И тогда этот Шарп там был главной фигурой, он про

все знал. Ему все планы были уже известны. Он в Швеции за две недели до ввода войск вел полный тренинг «Саюдиса» и других сил. Он был официальным советником «Саюдиса». Это конкретный человек. Руководитель конкретного Института Альберта Эйнштейна, с очень богатой биографией: ЦРУшной, армейской и прочей.

Потом он привез для этого «морального противодействия», «устрашения» в Вильнюс свою группу. Она включала снайперов как главный фактор «чисто морального устрашения». Позже это признали люди, участвовавшие в «моральном устрашении», в том числе и снайперским огнем с крыш. Потом Шарп работал в Сербии с движением «Отпор». Теперь он работает по Ближнему Востоку и по всему большому региону «исламской дуги». У него работы выше крыши.

Я же не говорю, что он один работает. Вы только мне «дурочку» не стройте, что Сорос «бабки» не платит, что туда оружие не поставляют. Посмотрите, какое оружие у этих «мирных» ливийских повстанцев, антикаддафиевских. У них оружие лучше, чем у Каддафи. Оно свеженькое.

Я не буду повторять все те аргументы, которые приводил уже в других передачах. Когда ты работаешь со своими сторонниками, то не надо заново их разжевывать. Я о другом своим сторонникам говорю: посмотрите, это же вопрос методологии! Методологии. Если вы разобьете схему «власть-народ» и перестроите ее на схему «какие силы участвуют в процессе» (а это правильная схема), то тогда вы поймете, что в действительности происходит. Если вы не будете говорить о «тянующихся из-за рубежа руках», «преступных заговорах» и всем прочем, а спросите, какие виды поддержки оказали американцы конкретно в Египте и в других странах, внимательно прочтете секретные депеши, опубликованные «Викиликсом», другие данные, разберетесь с фигурами, то окажется, что они этих видов поддержки оказали очень и очень много.

Тогда появляется возможность – на поле, которое уже по ту сторону барьера, – другой информационно-идеологической борьбы. Другой. Настало время этой борьбы. «Нет ничего

хуже, чем отказ от борьбы, когда борьба необходима». Это фраза Дантона. И никто не хочет понять, что борьба должна идти уже на указанной территории («по ту сторону...»). Другой территории нет.

Второе ошибочное умозаключение состоит в том, что нельзя использовать демократию как средство этой борьбы. Можно и нужно. Можно и нужно учиться сейчас побеждать демократическим путем. В связи с этим заявляю, что мы реально создаем организацию под названием «АКСИО». Название условно, предлагайте варианты. Это греческое слово – «ценности», и это правильно, но это также «Агентство культурно-социальных исследований общества».

Мы реально создаем общественную экспертизу, собираем социологический семинар для того, чтобы выявить ее условия, и обращаемся к тем, кто назвал себя не «нашими зрителями» (зрителям мы тоже благодарны), а нашими сторонниками с тем, чтобы объединиться в деле создания такой общественной демократической свободной экспертизы. Передачу «Суть времени» смотрит и слушает очень много людей. Мы даже твердо не знаем, сколько. Нам присылается гигантское количество писем, огромное количество людей говорят, что они готовы работать. Люди уже встречаются по регионам.

Первая задача организации «АКСИО», общественной экспертизы по исследованию культурно-социальной структуры нашего общества, очень проста: мы хотим провести общественную демократическую независимую экспертизу всего того, что предлагает нам Совет по правам человека и гражданскому обществу в лице его руководителя господина Федотова и всех остальных членов этого Совета. (См. «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы „Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении“».)

Мы не хотим спорить с ними по поводу десоветизации и десталинизации. Мы хотим получить четкий ответ на один вопрос: какая часть нашего общества поддерживает программу господина Федотова, а какая часть нашего общества эту программу не поддерживает? Мы хотим получить внятный

научный и одновременно демократический ответ. И пусть мне не говорят, что существуют какие-нибудь другие задачи важнее этой. Нет задачи важнее этой. В политической борьбе сегодня нет задачи важнее этой.

Нам нужен объективный результат без всяких подтасовок. А это значит, что нам нужно не просто выявить главные проблемные пункты всего того, что предлагает господин Федотов. И не подменять своими фантазиями эти пункты, а выявить их. Простенько разъяснить их людям и спросить у представительной выборки людей (вас научат тому, как формируется представительная выборка), поддерживают они эти пункты или нет, да или нет? Хотят они, чтобы мы каялись в преступлениях Второй мировой войны или не хотят? Хотят они вот этого, этого и этого?

Оставьте вопрос о памятниках жертвам репрессий, пусть устанавливают эти памятники сколько угодно. Возьмите цветы и положите к этим памятникам, а не возмущайтесь этими действиями. Все нормально.

Но в этой программе есть пункты очень острые и очень далеко идущие. И мы должны показать, что в 2011 году демократическим путем с соблюдением всех научных правил и с соблюдением закона демократии, которая есть власть большинства, это пройти не может.

Хотите – осуществляйте это репрессивно-авторитарными методами, пожалуйста, на глазах у всего мира делайте это. В тот момент, когда все ваши друзья так озабочены тем, чтобы процесс шел с соблюдением норм демократии, делайте, отдавайтесь в руки репрессивному аппарату. Работайте, признавайте, что вы диктаторы. Не хотите? Останавливайте свою машину, потому что демократическим путем она не проходит.

Каждый раз, когда мы побеждаем на телевидении, нам говорят, что это какие-то тренды, что это случайные выборки, что общество не таково, ссылаются на исследования господина Грушина и других. Сколько выборка у существующих социологических центров на сегодняшний день? Две тысячи? Три тысячи? Мы готовы предоставить репрезентативную

выборку в 30–40 тысяч респондентов. Можно и больше. Это не наши сторонники. Люди, к которым мы адресуемся как к общественному активу, выполняя наши указания, будут осуществлять опросы на общественной основе по такому принципу, который задается классической социологией, в существующих группах, не среди своих сторонников, а объективно. В селе, в городе, по профессиональным группам, по возрастным и так далее. Мы положим на стол математически обработанные данные.

Нам надоело, нам осточертело со времен Андропова слышать, что мы не знаем общества, в котором живем. Мы знаем общество, в котором живем. И не говорите нам, что вы его не знаете. Вы не хотите его знать! Но так и скажите, что вы его не хотите знать. Что вам не нужно его знать. Что вы хотите действовать вопреки этому знанию. Но тогда признайте, что вы существуете не как уважаемые демократы, которыми вам хочется выгладеть в глазах Запада, а как заплечных дел мастера, насилующие свое общество. И тогда мы поговорим иначе.

Но говорить с вами на демократическом языке мы умеем, и этот язык мы использовать будем, господин Федотов и другие. Мы его будем использовать полностью. Я даю несколько дней на то, чтобы составить анкету для социологического опроса, и еще месяц на то, чтобы опрос осуществить. Мы должны провести его достаточно быстро.

Нам все время говорят, что мы не знаем, что мы будем делать. Мы знаем, что мы будем делать. Мы будем осуществлять действия безупречные, дающие огромный политический результат. Мы никогда больше не сдадим поле общественной экспертизы! По каждому из пунктов того, что будут пытаться осуществлять в виде перестройки-2, мы будем проводить общественную экспертизу. И будем показывать, что есть действия, которые противоречат желанию подавляющего большинства российского населения, что эти действия не могут быть проведены демократическим путем, на необходимости которого настаивают все наши официальные политики.

Либо вы настаиваете на этом искренне, господа, – тогда вы этих действий осуществлять не можете вообще, а в выборный год особенно. Либо это фарисейство, но тогда это фарисейство будет обнаружено. Я надеюсь, что это не фарисейство. Я надеюсь, что некоторые пункты, зафиксированные президентским Советом по правам человека и гражданского общества, – личное мнение господина Федотова и еще ряда «интеллигентных людей». Но если это не так, мы должны напротив вашего мнения положить данные, объективные данные. Не свои эмоции, не победы в информационных ристалищах, а объективные данные.

Готовы ли сегодняшние люди, которые понимают, что, если завтра на основе всех этих решений Совета по правам человека будут реально приняты законы и пр., общество будет второй раз брошено в катастрофу перестройки, – готовы ли эти люди провести действительно объективное исследование? Мы призываем ничего не подтасовывать, не делать никаких цирковых кульбитов. Нам нужна правда. Нам всем она нужна. Давайте посмотрим, как реально выглядит наше общество, по этому и другим вопросам.

Если бы мы могли осуществлять только одну эту экспертизу, то мы бы уже оказали – впервые – то демократическое, открытое, респектабельное противодействие деструктивным шагам либероидов, которое никто за эти 20 лет почему-то не использовал.

Я всегда из всех путей выбираю путь, связанный с минимизацией рисков. И всегда и всех призываю выбирать именно такой путь, потому что только сумасшедший их максимизирует. Я всегда и во всех ситуациях стремлюсь быть максимально спокойным и максимально лояльным гражданином своей страны. И я буду им твердо до того момента, как сама власть не начнет реально и демонстративно отказываться от исполнения конституционного долга, которым является сохранение целостности России. До этого момента во всем, что касается этой целостности, мы готовы поддерживать тех, кто ее хотя бы формально сохраняет.

Но давайте спросим себя, готовы ли мы к созданию

очень широкой коалиции людей, которые просто не хотят разрушения целостности страны? Понимаем ли мы, что, если еще раз страна будет разделена на части или от нее будет отделена хоть одна часть, нашего народа не будет? И никакого процветания на этой территории, которое опять нам сулят, тоже не будет. Будет чудовищный геноцид. Русские очень большой народ и с трудом понимают, что такое абсолютный геноцид твоего народа, но это пора понять.

Значит, противостояние нарушению территориальной целостности страны – наш конституционный долг. Мы его исполним. Исполнит ли его власть? Если она его исполнит, то существуют определенные точки схода, в которых мы всегда готовы действовать вместе, но если она его нарушит, то номер, который прошел у Горбачева и Ельцина, тут не пройдет. Не будет ситуации, при которой нарушение конституционной целостности страны произойдет при полной пассивности общества. Не будет этой пассивности и этого паралича. Как пелось в одной песне Галича, «нет, любезный, так не выйдет, так не будет, дорогой».

Ни в каких действиях нельзя солидаризироваться с силами, замыслившими разрушение Российского государства. Этого несовершенного, скверного, назовите его как угодно, но существующего государства. Его можно исправлять, внутри него можно способствовать созреванию тех сил, которые превратят его в подлинно великую Россию. Но уменьшать его еще раз, сокращать, еще раз делить на части – нельзя. Нет ничего, что это бы оправдало. Кто бы что бы ни говорил.

На что-то рассчитывали в результате разделения Советского Союза... Что получили? 26,2 миллиона в виде «русского креста» неродившихся и рано умерших (ровно столько, сколько было жертв в Великой Отечественной войне)? Унижение русских во всех сопредельных республиках, мгновенное превращение в крепостных? Что еще получили? Деградацию образования, воспитания, культуры, деградацию жизненного уровня подавляющего большинства населения... Хотим еще раз наступить на те же грабли? Не хотим, не позволим. Такова воля большинства.

И это тоже вопрос: хотите ли вы нарушения территориальной целостности? Готовы ли вы поддержать и оправдать чем-либо подобные нарушения? Вопросов очень много.

В 1991 году или в 1992 году меня очень многое отделяло от возникшей тогда власти. И все, что надо было говорить по ее поводу, я говорил прямо. Но, когда в 1994-м возник Басаев и мне начали говорить, что Басаев лучше, чем Чубайс, я с негодованием отверг эти фокусы. Потому что привели бы эти фокусы к разрушению последнего существующего оплота государственности, еще большим бедствиям для народа и параду, который принимал бы Басаев на Красной площади. Мы этого с трудом тогда не допустили.

Никогда больше государство разрушено не будет. Пока власть не нарушила свой конституционный долг, в этом пункте мы будем абсолютными сторонниками защиты целостности государства. Мы будем четко говорить о том, что существующий курс противоречит этой целостности по таким-то и таким-то причинам. Мы будем четко выражать свои позиции по каждому решению власти, подвергающему опасности государственную целостность. Но, пока не будет поступка, тождественного поступку Горбачева, который предал Советский Союз, или Ельцина, который антиконституционно разделил его на части, пока не будет таких поступков, мы абсолютно лояльны в главном вопросе.

Нет лояльности вообще. Ее ни у кого нет. Каждый по какому-то вопросу доволен, а по другому – нет. Мы будем жестко заявлять свою позицию по всем вопросам: Ливии, реформ, сталинизации и десталинизации и так далее. Но по вопросу государственной целостности у нас есть твердая позиция: с силами, которые пытаются посягнуть на эту целостность, мы никогда не будем ни заигрывать, ни солидаризироваться ни по одному вопросу.

Это водораздел, потому что все эти соблазны – «мы сначала разделим, мы сначала обрушим, а потом воссоздадим...» – это соблазны от лукавого. В существующем мире, в существующей политической ситуации это соблазны от лукавого.

Ну нет и не было ни в 1991 году, ни сейчас никакой силы, которая может заставить меня хоть один раз, хоть в чем-то посягнуть на великие советские ценности и на великое государство, мое великое Отечество – Союз Советских Социалистических Республик. Я хранил и храню эти ценности вместе со своими соратниками, которые готовы отдать этому жизнь. И никогда ни в какой ситуации не может произойти ничего подобного.

А значит, помимо «АКСИО», то есть организации, занятой на добровольной основе общественной экспертизой начинаний того или иного масштаба, несущих в себе некую угрозу, мы считаем необходимым создание организации «Историческое наследие», которое будет защищать ценности нашей истории вообще и прежде всего советские ценности, потому что именно эти ценности будут находиться под главным ударом.

Мы обращаемся ко всем патриотам нашей страны с просьбой понять, что на сегодняшний день защита советских ценностей – наше общее дело. Кто-то может исповедовать «белые» взгляды, а кто-то может исповедовать «красные» взгляды. Кто-то может быть либералом, а кто-то может быть националистом. Но все должны понять, что если ценности советского периода длиной в 70 лет будут нарушены, попорнены и в очередной раз осквернены, то истории у народа не будет вообще никакой. Народ просто рухнет в пучину безвременности, разрушения остатков исторического сознания. Этого допустить нельзя.

Фонд «Историческое наследие» (название условно, предлагайте варианты), являющийся абсолютным аналогом – и мы сознательно это делаем – американского Фонда «Heritage» («Наследие»), так же важен, как и организация «АКСИО» (это две разные задачи). И он так же должен выполнять конкретные задачи, начиная с сегодняшнего дня и в течение всей нашей деятельности. Просто это два разных типа деятельности (рис. 38).

Рис. 38

Первая деятельность – это деятельность по общественной экспертизе. А вторая деятельность – это деятельность по защите ценностей. И это еще не вся деятельность, но давайте остановимся на ней в связи с важностью этой задачи и ее конкретностью. Я зачту направление деятельности нашего Фонда «Историческое наследие».

Первое направление деятельности – защита советского наследства. Это то, что я обозначил в предыдущих передачах как «блок Б». Помните, я нарисовал конструкцию, в которой есть несколько блоков? «Блок Б» – это великий блок, на который опирается вся конструкция нашего будущего. Это реальный опыт советского. Реальный опыт всего того, что было в нашей жизни. Есть 4 блока: то, что было сначала санкционировано советской системой, а затем осуждено или отброшено; то, что не было санкционировано советской системой; великая историческая новизна и «блок Б» (то, что реально было).

Так вот, первая задача – защита этого блока. Ибо если этого блока нет, то вся конструкция – это утопия, химера. Реальность находится здесь. Здесь, в этом опыте. Такую деятельность по защите исторического наследия еще называют «сохранением огня» или «сбережением духовного начала». Вы готовы сберечь духовное начало? Вы готовы быть хранителями огня? Вы готовы к рискам, связанным с этой деятельностью (а они могут быть)? Готовьтесь к ним. Если не готовы – отойдите в сторону. Но только не путайте одну деятельность с другой. Помните великие строки:

*А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.*

Не смейте смешивать два ремесла! У каждой деятельности свои риски. И не занимайтесь мультипликацией этих рисков и превращением одного в другое. Мы хотим проводить общественную экспертизу, и мы хотим защищать историческое наследие. В условиях существования у нас таких мощных антагонистов и такого разворачивания событий, рисков тут более чем достаточно. Но каждый, кто будет в это вмешивать другие виды деятельности, кроме тех, что мы сами себе задаем, – либо смутьян, либо провокатор. Либо человек, плохо понимающий, чем должно отличаться от произвольного, либо просто провокатор, сознательно что-то подменяющий.

Общественное самоуправление – замечательная вещь до тех пор, пока какой-нибудь провокатор не предложит вам изучать «общие конструктивные идеи Кургуиняна и Гитлера». Предложит – вы все поймете, что речь идет о банальнейшей провокации, а от провокаторов надо банальнейшим образом освободиться. Надо говорить: «Дядя, предлагай это где-нибудь в другом месте». Мы заняты своим делом. Любая деятельность может быть превращена в свою противоположность и использована для провокаций.

Мы согласовали направления деятельности «АКСИО». В течение нескольких дней мы обсудим инструкции по про-

ведению опросов и анкету. Мы учтем все ваши пожелания о введении в анкету тех или иных пунктов. Они должны твердо соответствовать тому, что сделал Совет по правам человека и гражданскому обществу. Мы не хотим проводить экспертизу «вообще чего-то», мы хотим проводить экспертизу конкретных идей – не всех пунктов программы этого Совета, а тех, которые мы называем большими, проблемными. И мы хотим понять, насколько проблемны эти узлы. Это наше право законопослушных, конституционно лояльных граждан. Это наше право экспертов и ученых. Это наш интеллектуальный, гражданский долг, и мы его выполним. Мы должны действовать быстро, а все, кто к этому не готов, – отойти в сторону.

А теперь я ознакомлю вас с письмом, которое относится к Фонду «Историческое наследие». Я зачту его, поскольку это организационное письмо, а не философская рефлексия, тут каждый пункт важен.

Любая деятельность легко может быть превращена в свою противоположность и использована для провокаций. Это не значит, что нельзя проводить деятельности, но это значит, что деятельность надо защищать от провокаций или того, что называют гапоновищиной. Не будем трогать историческое лицо господина Гапона и поставим ребром главный вопрос: чем занимаются провокаторы и чего мы не можем допустить? Провокатор подменяет одну деятельность другой и все. Поэтому надо удерживать то, что мы называем простыми и понятными словами «рамка деятельности». Действия должны быть достаточно свободными и зависеть от местной ситуации, но «рамка деятельности» должна быть. Далекий выход за «рамку деятельности» – это либо глупость, либо провокация. И вы прекрасно понимаете, что если деятельность начинается, то без провокаций не обойдется.

Итак, надо удерживать «рамку деятельности». И запрещать себе и другим подменять ту деятельность, которой решили заниматься, другой деятельностью. Людям, которые

хотят это делать, надо спокойно указывать место: «Пожалуйста, занимайтесь другой деятельностью, ради бога, мы ни в чем вам не мешаем, вы свободные люди, но только делайте это в другом месте, в том, которое приспособлено для той, другой деятельности. А это место, пожалуйста, спокойно и доброжелательно оставьте в покое».

Не надо хулить чужую деятельность. Мы уважаем все виды деятельности, осуществляемой людьми, которые граждански обеспокоены, мы ни с кем не собираемся ссориться. Я лично никого, когда нет крайней политической необходимости, вообще не атакую. Меня поносят очень многие, я спокойно молчу и наблюдаю за этим. Я опровергаю только очевидную, прямую дезинформацию – и то в той мере, чтобы не возникло недоразумений. Это тоже моя ответственность перед людьми, которые взялись меня поддерживать, но я делаю это по минимуму. Это меня в чем-то обвиняют, а я никого не обвиняю. Я не хочу и не буду ни с кем ссориться. Надо строить свою деятельность, а не хулить чужую и отсекал попытки превращения своей в чужую. А по ряду вопросов надо создавать настолько широкие альянсы, насколько можно.

Мне совершенно все равно, являются ли люди, которые хотят защитить целостность Российского государства, либералами, «белыми» патриотами, коммунистами или кем-то еще. Все люди, которые говорят: «Ни пяди русской земли больше отдано не будет, государство останется целостным, будет либо больше, либо таким же», – мои союзники в общем деле защиты целостности государства. Я просто вижу, что есть другие люди – они являются не союзниками, а противниками, – и хочу провести водораздел.

Со всеми людьми, которые в этой задаче хотят действовать вместе, мы будем действовать вместе. Но если мы хотим защищать историческое наследие, а кто-то хочет заниматься акциями другого рода, то пусть этот «кто-то» занимается своими акциями там, где занимается. Мы хотим защищать историческое наследие, и мы хотим проводить общественную экспертизу. Что мы еще хотим, я скажу ниже.

Итак, не надо хулить чужую деятельность, повторяю, надо строить свою и отсекать попытки превращения ее в чужую. Деятельность по защите советского исторического наследия уже опасна. Вы же видите и читаете все эти документы, которые я хотел бы общественно проэкспертировать. Вы понимаете, что они носят не характер маргинального, свободного начинания. Они носят совсем другой характер. Вы понимаете меру их опасности. Представьте себе, что то, что там написано, не получит демократического, конституционного, законного, спокойного, сдержанного отпора, а будет «гулять» на свободе. Вы понимаете, чем это обернется?

Еще раз: деятельность по защите советского исторического наследия уже опасна. Может стать еще опаснее. Призраки десталинизации, десоветизации и так далее бродят по просторам РФ. Вы не согласны принять на себя риски этой деятельности? Отойдите в сторону. Превратитесь из активистов в наблюдателей и сочувствующих. Мы вас пойдем, мы никому ничего не навязываем. Но только помните другое: у каждой деятельности есть свои риски. Повторяю в третий раз, не надо подменять деятельность, создавать кашу из рисков. Мы этого не допустим, это абсолютно недопустимо.

Риски любой деятельности, в том числе нашей, не надо наращивать, а надо минимизировать. Только идиот, занимаясь деятельностью, максимизирует риски или не обращает на них внимания.

Свести к нулю риски никогда нельзя, но минимизировать их абсолютно необходимо.

Мы обращаемся к своим сторонникам. Не нарывайтесь на местные, нам до конца непонятные риски. Ваша задача – не в том, чтобы нарываться (нарветесь – и что мы будем делать?), а в том, чтобы работать. То есть разумно тратить время и силы. И координировать свою деятельность с деятельностью других. В нашем мире, в нашем крайне несовершенном, регрессирующем обществе это уже поступок, а поступок такого рода в нашем мире, прошу

прощения за высокий пафос, – это героизм. Но пусть этот героизм будет предельно сдержанным, деятельным, разумным и осторожным. Мы не просто просим вас об этом, мы требуем этого.

Деятельность задает жанр. Наша деятельность должна быть антиистерична – сдержанна, доказательна. Но она должна быть. Не надо перебирать и становиться посмешищем. Не надо говорить, например, что Сталин никого не убивал или что 1937 год – это «выдумка злопыхателей», «апофеоз справедливости» и т.д. Надо исследовать, что реально происходило тогда, осваивать реальную информацию и добывать ее, учиться отличать любые мифы от реальности, осваивать аппарат – хотя бы простейший, – позволяющий действительно что-то доказывать и что-то опровергать. А главное, понимать (прошу вас еще раз это запомнить), что ситуация (особенно после Ливии) настолько скверна, что пора перестать «шизеть» как в ту, так и в другую сторону.

Антисоветская и антисталинская мифология – факт эпохи. Кто-то может помешать кому-то разоблачать мифы? Кто-то может потребовать в XXI веке, чтобы на мифы не посягали – на мифы вообще и на антисоветские, антисталинские в частности? Чтобы, если мы точно знаем, что жертвы преувеличивают в 10 раз, мы оставались спокойны и слушали всю эту ерунду? Пусть попробуют потребовать чего-то подобного! Ничего из этого не выйдет. И если вы начнете подменять мифы со знаком «минус» (то есть мифы, в которых все хулился) на мифы со знаком «плюс», вот тогда возникнет некий перекосяк. Ненужное и вредное занятие, со всех точек зрения, потому что сейчас, в той ситуации, в которой мы живем, не мифы нужны. Нужна реальность, трезвость ума нужна, а не слепая вера. И я показал, к чему приводит отсутствие желания соприкоснуться с реальностью как можно прочнее, укорениться в ней и брать барьер реальной сложности в интеллектуальной борьбе, в интеллектуальной войне, которая идет полным ходом. И в которой надо участвовать сообразно жанру этой войны.

Никто не может за вас определить меру осуществляемой вами деятельности. Потому что эта мера определяется ситуацией, возможностями. Определите ее сами и отсекайте ненужные риски, приняв на себя необходимые или отказавшись от деятельности.

Привожу примеры.

Передача «Суть времени» – наш интернет-проект. Но передача «Суд времени» – это проект федерального телевидения. В нем участвует член Общественной палаты, записной либерал г-н Сванидзе. Что, и эти передачи почему-то нельзя распространять, обсуждать и дополнять? А почему? Я привел только пример варианта деятельности с минимизацией рисков и на огромную пользу дела. Можете делать только это – делайте только это. Сообразуйтесь с ситуацией и с вашим представлением о должном. Мы предоставляем вам «меню», а не директиву.

Здесь и сейчас затеваются с памятниками жертвам репрессий. И отлично. Положите цветы к памятнику. Но у нас есть советские герои, причем безусловные, – Гагарин, например, или Зоя Космодемьянская. Мы хотим защищать их от диффамации и создать общественную Антидиффамационную лигу в рамках организации «Историческое наследие».

Мы не имеем право создать Антидиффамационную лигу общественную? Почему, если мы живем в демократическом обществе, мы не имеем на это право? Мы же не камнями хотим бросаться в своих противников. Мы делаем то, что делают все. Вам перечислить, кто именно насоздавал за последнее двадцатилетие Антидиффамационных лиг? Это самые респектабельные организации мира. Им можно, а нам нельзя? Мы хотим создать Антидиффамационную лигу по защите наших героев от диффамации. Такие лиги в мире существуют. Мы хотим защищать своих безусловных героев и консолидироваться на этой основе.

Что же касается прискорбных событий нашей истории, то мы хотим знать их реальный масштаб, понимать их реальный смысл и сопоставлять все это с мировыми историческими прецедентами. Вот и все. Не восхвалять и кричать:

«Так им и надо!», а делать только то, что необходимо для того, чтобы защитить свое историческое наследие и не дать превратить нашу историю в черную дыру.

Фотография советского героя у себя в доме – это уже мини-акция. Просмотр передачи федерального канала и ее обсуждение – это акция. У нас есть советские фильмы, их не запрещено обсуждать, ими переполнен эфир. И что, нельзя создать клуб советского кино? Или советской песни? Советской поэзии, литературы? Творчество Солженицына надо обсуждать и пропагандировать, а творчество Маяковского – нельзя? Почему? Я спрашиваю: почему? Весь мир преклоняется перед Маяковским как великим поэтом. Шолохова нельзя изучать? Горького? В гражданском демократическом обществе?

Есть безусловные советские праздники, и есть демократизация, восхваление гражданского общества. Общество изучения нашей истории – это не элемент гражданского общества, которое призывают строить? Полно вам.

Есть частная деятельность – музейная, в том числе (она впереди), и так далее. Ее кто-то может запретить?

На повестку дня встают частные школы. Воспользоваться этим для организации учебного процесса, свободного от промывки мозгов, трудно, но можно. И надо обсуждать, как. Если обычные частные школы дороги, надо создавать виртуальные с блестящим образованием, и они будут доступны всем. В последней деревне русский парень, желающий получить образование лучше, чем в классной американской школе и в Гарварде, получит это образование. И это наша гражданская, частная деятельность. Никто не запрещает нам ее вести на благо страны и общества. Или кто-то считает, что образование может быть избыточным?

Давайте обсуждать, как это делать, а я убежден, что это можно и должно делать, если у нас хватит сил. А если мы слабаки, то надо просто лечь и ждать, пока прилетят ракеты. И потом лизать сапоги оккупантам. Другого варианта нет, не предоставляет его жизнь. Многим хочется быть слабыми, но нет этой возможности, нет. Все. Поняли? Завтра

проснитесь, спустите ноги на пол и скажите, что никогда больше никакой слабости и никаких истерик не будет. Будет спокойная, планомерная деятельность – шаг за шагом.

В поселках и городах политическая жизнь не будет стоять на месте. И вполне законным образом она может сдвигаться в очень разных направлениях. По мере сдвигов в каком-нибудь муниципалитете, или в каком-нибудь небольшом городе, или где угодно еще появятся новые возможности, а по мере появления новых возможностей появятся новые сдвиги. Боритесь за школы, детские сады, пионерлагеря, спортивные секции, детские кружки. Разоблачайте мифы, не позволяйте помещать в ваше сознание и сознание ваших близких и детей старых и новых «тараканов». Это и есть контррегрессивная общественная деятельность.

Затея превращения страны в резервацию, исполняемая под видом модернизации, не пройдет. Будьте терпеливы, тактичны и разумны одновременно, абсолютно лояльны, абсолютно конституционны. Господин Шарп изучал опыт Ганди и другой опыт – мы тоже изучаем опыт спокойного, эффективного, достойного, демократического, морального действия. Мы – моральное большинство, а не вы.

В программе «Суд времени» защищалась не только советская история, а наша история вообще. Этим и надо заниматься. Советское просто в зоне особой опасности. И потому им надо заниматься особо и помнить: когда уничтожат его, не останется ничего. Когда уничтожат Сталина, займутся Невским, Петром, кем угодно еще.

Предлагаем составить вместе список видов такой деятельности строго по принципу «от самого минимума к максимуму». И приступить к деятельности с сегодняшнего дня, координировать ее, делиться опытом, потому что путь осилит идуций.

Это всего лишь одно из направлений деятельности, вытекающее из концепции, излагаемой в «Сути времени». Есть другие направления деятельности, и мы их будем изучать отдельно.

Но давайте для начала займемся теми двумя, которые мы сегодня обсудили, – «АКСИО» и «Историческое наследие». Да и третье уже тоже обозначено – «Союз защиты государственной целостности» («Территориальная целостность»). Если проблема с государственной целостностью возникнет всерьез, если окажется, что на улице клубятся толпы людей, открыто призывающих к разрушению государства, расчленению его, а также и оккупации (а такие люди есть, и мы покажем, что они есть, и что они набирают силу, и что их тренируют разные господа шарпы), если всё это окажется на повестке дня, то возникнет и другая форма деятельности. А пока что давайте обсуждать эти.

Я очень много времени посвятил сегодня деятельности потому, что мы не имеем право превратить свои разговоры в абстрактную философию. Но и без философии мы не двинемся тоже никуда.

Давайте еще раз посмотрим, что же происходит в Ливии и во всем мире. Всмотримся в контуры происходящего внимательно. Всмотримся. И мы увидим следующее: что некий мир, который существовал как на протяжении столетий (и назывался Вестфальская система), так и на протяжении последних шестидесяти шести лет (и назывался Ялтинский мир), рушат. У этого мира есть свои, более сложные производные, связанные с проектом «Модерн», советским проектом, их сосуществованием и так далее. Мы это уже разобрали. Я сейчас хочу просто подчеркнуть: этот мир реально рушат на наших глазах, а не только совершают акты несправедливости. Об этом может думать любой моральный человек.

Происходящее отвратительно. Омерзительно. Пошло. Глупо. Я уже разбирал в предыдущих передачах, что удар наносится по очень определенным силам. И это означает просто переворот мирового процесса. Вы понимаете, как это происходит? Есть разные силы, и, если ударить по одной, процесс пойдет в одну сторону. А если ударить по другой, процесс повернет в другую сторону.

Нельзя утверждать, что все американцы и все представители Запада так умны, что они это понимают. Есть моральные идиоты. Есть циники. Есть много чего другого. Но есть и те, кто целенаправленно выбирает на этой «клавиатуре сил» определенную силу, наносит удар именно по ней – и поворачивает процесс. Куда они его поворачивают?

Еще и еще раз объясняю всем – тут для меня нет никакой разницы между рядовым гражданином моей страны и любым, самым высоким политическим деятелем. Прошу прислушаться, пока не поздно, ибо на соседних столбах будут висеть эти рядовые граждане и высочайшие политические деятели. Прислушайтесь спокойно к доброму совету.

Этот процесс поворачивают глобально, понимаете?

Его поворачивают в сторону, несовместимую с жизнью России. Если в предыдущем мире у России, освободившейся от СССР, было бы жалкое, обеспечивающее лишь прозябание, но место, то при таком повороте места не будет. Страна будет уничтожена вообще. Ей не достанется места на карте тех самых проектов, из которых будут комбинировать новый миропорядок. Нет ей на этой карте места, и в эту сторону реально поворачивают.

Ну, посмотрите же внимательно, как поворачивают, как бьют! Ну, неужели вам не жалко ни самих себя, ни свой народ? А если это так, то давайте вместе подумаем, что из этого вытекает?

Из этого вытекает глубочайшая политическая мысль (и одновременно элементарная, как «дважды два – четыре»)... Если при таком повороте России места нет, а мы хотим, чтобы оно было, то нам нужно повернуть в другую сторону не российский процесс, а мировой.

Мы не можем повернуть только сами! Мы не можем рассуждать об особом пути России или о пути ее модернизации. Потому что путь модернизации предполагает, что у нее есть место в новом мироустройстве, что ее там можно разместить, в то время как этого места нет. А особый путь предполагает, что весь мир будет двигаться в эту самую «эпоху Б», а Россия будет где-то гулять сама по себе. Некоторые говорят:

«не в ногу». Может быть, она и способна «гулять не в ногу». Но это тоже уже невозможно. Возможно только повернуть мировой процесс.

Это страшно амбициозная задача. Но это задача спасения мира.

Перед русскими снова встает задача спасения себя и мира. У них есть еще возможности при героическом усилии повернуть весь мировой процесс. Но этот процесс не может повернуть обычное национальное государство. Этот процесс может повернуть только сверхдержава, обладающая новой орбитой мирового влияния.

Надо менять все. Или надо быть слепыми и не видеть, что процесс поворачивается в сторону, несовместимую с жизнью. Или надо быть предельными негодьями и хотеть, чтобы жизнь кончилась. Или надо поворачивать, даже понимая, что это чудовищно трудно, почти невозможно. Это надо делать спокойно и холодно.

Это есть огромная мировоззренческая задача. Это надо делать, разобравшись со всем, что происходит сейчас.

И поэтому, обсудив направления деятельности, я в следующем своем выступлении вернусь к мировоззренческим константам. Мы не можем позволить себе погрузиться только в них, но мы не можем действовать вне них, потому что четвертая из организаций, которые мы хотим построить, это Институт Четвертого проекта – Институт Сверхмодерна. Мы должны разбирать его – Институт миропроектных конфигураций, Институт альтернативных моделей развития (рис.39).

У русских есть понимание того, что такое альтернативные модели развития. Есть глубочайший опыт альтернативного глобального развития. И это надо доказать и обсудить. Это не слова пустые об особом пути. Это реальность, которую мы раскроем. Просто очень много времени потребовалось сейчас для того, чтобы оговорить деятельность. Мы очень долго совещались по этому вопросу. Считали это абсолютно необходимым. И мы это сделали.

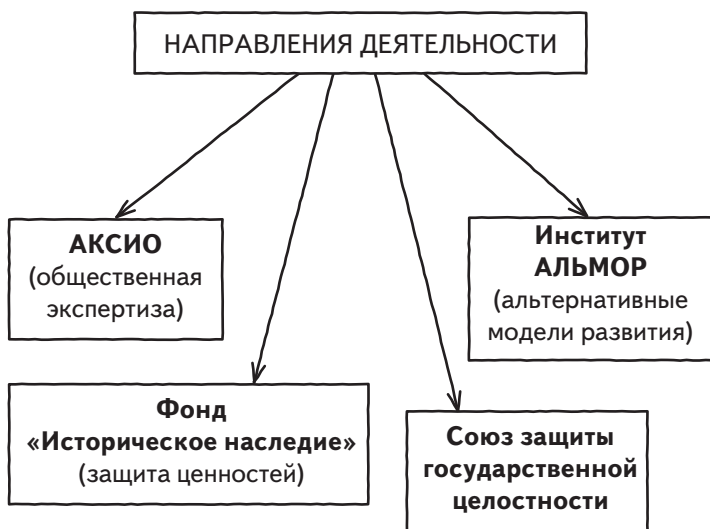

Рис. 39

5 апреля 2011 года

Выпуск №10

1 апреля 2011 года в «Независимой газете» вышла статья господина Караганова «Не десталинизация, а модернизация сознания. Предложение президентского Совета по гражданскому обществу и правам человека – это реальный путь к национальному примирению».

В тот же день на «Русской службе новостей» мой друг Владимир Семенович Овчинский, генерал милиции в отставке, доктор наук, блестящий профессионал, публицист и общественный деятель, выступил с резкой оценкой этой статьи. И я эту оценку полностью поддерживаю.

У Владимира Семеновича было меньше времени для того, чтобы развернуто проанализировать текст господина Караганова. А я считаю, что, в ущерб всему остальному, моя обязанность заключается в том, чтобы этот текст еще и подвергнуть самому внимательному прочтению, чем я сейчас и займусь.

«В популярной прессе, – пишет Сергей Караганов, – наш проект получил название „Десталинизация“. Это неточно и политически неправильно, хотя суть проекта, естественно, в том числе и в десталинизации, и в декоммунизации российского общественного сознания и самой России. Термин „десталинизация“ возвеличивает людоеда (он имеет в виду Сталина. – С.К.) и сваливает ответственность только на

него. И уводит от истины, от сути того режима, наследие которого нужно преодолевать. И от сути той трагедии, которую пережил народ. На самом деле речь идет об увековечивании памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении».

Что касается увековечивания жертв ГУЛАГов, то никаких возражений у меня это не вызывает. Но о каком национальном примирении господин Караганов говорит, называя Сталина людоедом?

У Сталина есть родственники. «Людоед» – это оскорбительная кличка. У Сталина есть сторонники. Есть общественные группы, которые считают Сталина своим героем. Караганов же не говорит, что Сталина не надо героизировать, а надо оценивать объективно. Он называет его «людоедом». То есть попросту он этим людям плюет в лицо, хамит, оскорбляет их и тут же говорит о национальном примирении. Мне кажется, что в этом есть очень важное доказательство сути переживаемого нами времени. Оно заключается в том, что любое вводимое нашими либероидами (такими, как господин Караганов) понятие на самом деле является отрицанием самого себя. Говорится все время противоположное тому, что делается.

Говорится о национальном примирении, но говорится в такой семантике, в такой лингвистике, в такой политической интонации, которая является пощечиной. Значит, говорится о национальном примирении, а на самом деле речь идет о разжигании гражданской войны и розни внутри российского общества. О раскалывании этого общества, об эскалации конфликтов в нем. Вот о чем реально идет речь. И я предоставляю моим друзьям, юристам, дать оценку подобным высказываниям и разобраться, насколько они являются корректными еще и юридически. В любом случае, хотя бы с моральной точки зрения, позволять подобным образом раскалывать общество и осуществлять этим эскалацию конфликтности, внутренней непримиримости, гражданской распри было бы непростительно. Момент сейчас, поверьте, слишком ответственный.

Что дальше пишет господин Караганов?

«Главная цель проекта – обеспечение модернизации сознания российского общества и российской элиты».

Господин Караганов с помощью этого проекта хочет «модернизировать» мое сознание... Соответственно, я должен твердо знать, что сознание господина Караганова именно модернизировано. Не алкоголизировано случайным образом, не, так сказать, подвержено неким отклонениям от нормы, не возбуждено сверх меры, а оно-то и есть эталонно-модернизированное сознание. У господина Караганова не возникает ни тени сомнения в том, что он лично будет «модернизировать» других. И что он-то, уж конечно, является модернизированным человеком.

А почему это, собственно, господин Караганов должен являться модернизированным человеком, если советскость и принадлежность к советской элите и советским институтам считается синонимом демодернизации? Господин Караганов не принадлежал к советской элите? Его семья не была интегрирована в советскую элиту? Господин Караганов не представляет собой плоть от плоти этой элиты во всех смыслах слова, которые я здесь – пока – не буду разбирать очень подробно? Да нет, господин Караганов – плоть от плоти той эпохи, прямая иллюстрация на тему одного старого анекдота.

«Больной приходит к врачу и говорит:

- Доктор, я Вам должен сказать сразу и до конца всю правду: я импотент.

- Да? И что?

- Нет, доктор, главное, что у меня это наследственное.

- Как наследственное?

- Ну, так. У меня и папа, и дедушка, и прадедушка...

-А Вы-то откуда?

- Я? Я из Воронежа».

Откуда господин Караганов с его абсолютно модернизированным сознанием? У него абсолютно партийно-элитно-советская семья. Он сам отнюдь не чурался этой партийно-советской деятельности. Так почему это вдруг он

будет модернизировать чье-то сознание? И как это вообще в демократическом обществе можно делать, коль скоро нету эталона модернизованности сознания? Мы позовем психологов и проверим, у кого модернизировано сознание? Мы будем проводить тесты на IQ? Ну, давайте, господин Караганов, мы с Вами вместе проведем тест на IQ и посмотрим, у кого он выше. Это не очень, так сказать, репрезентативный тест, но... пустячок, а приятно. Значит, дело не в IQ? А в чем еще? Каковы нормы модернизации сознания?

Когда-то Борис Николаевич Ельцин издал «гениальный» указ по поводу борьбы с фашизмом. Он там дал указание всем соответствующим структурам, что надо бороться с фашизмом. А в конце был приписан пункт: «Академии Наук в трехмесячный срок разработать и утвердить понятие „фашизм“».

Что такое «модернизированное сознание», ради которого господин Караганов хочет осуществлять идеологическую кампанию на государственном уровне? Разве антисталинизм, антисоветизм не являются идеологией? Разве эта идеология, как и любая другая, не может стать тоталитарной? Разве пятиминутки ненависти к Сталину, а потом десятиминутки или, так сказать, часовые оргии ненависти не являются столь же отвратительными, как и все остальное? О чем идет речь? О какой модернизации сознания? Кто сказал, что сознание не модернизировано, в каком смысле?

Вы чувствуете масштаб элитного бреда, безумия, овладевающего не отдельным сознанием господина Караганова (это вопрос его и его личного психоаналитика, откуда этот почтенный человек вдруг обнаружил в себе такой заряд антисталинизма, антисоветизма и всего прочего)? Речь идет о коллективном безумии. Что происходит с элитной группой, с классом? Они выслуживаются перед кем-то? Я бы хотел знать, перед кем. Они провоцируют кого-то? Я бы хотел знать, на что. Они просто сходят с ума?

Итак, модернизация сознания... Господин Федотов будет «модернизировать» мое сознание – во имя нашего продвижения к светлому «модернизированному» будущему, которое

будет состоять в том, что у нас рухнут последние заводы, а обязательным предметом станет только физкультура. Вы чувствуете масштаб бреда? «Коллективный разум», так называлось когда-то, сходит с ума...

«Модернизация страны ни на техническом, ни на политическом уровне, – пишет Караганов, – невозможна без изменения сознания общества, возвращения у народа чувства ответственности за себя, страну, гордости за нее – пусть и временами горькой, нормального патриотизма».

Оставим в стороне пока «нормальный патриотизм» и чувство гордости, которое должно возникнуть после того, как будет возбуждено отвращение к 70 годам истории своих отцов и дедов. Вот когда отвращение ко всему этому возникнет и все это будет признано тоталитарной мерзостью, антропологической катастрофой, – вот тогда, наконец, возникнет чувство гордости за свою Родину... Это не Гоголь. Это не Кафка. Это круче. Но оставим пока даже это в стороне.

«Модернизация страны ни на техническом, ни на политическом уровне невозможна без изменения сознания...»

То есть я должен понять, что Королев, Курчатов и другие, которые были, как мы знаем, вполне советскими патриотами вопреки их личным неприятностям... по крайней мере, Королеву это никак не помешало быть внутренне глубоко советским человеком... Я должен понять, что все известные мне великие советские ученые и инженеры имели сознание «немодернизированное» на техническом уровне, а Караганов имеет сознание модернизированное на техническом уровне? Все великие инженеры, которые создавали нашу индустрию, все великие управленцы, которые создали беспримерный рывок, называемый «русским чудом», обладали «немодернизированным» сознанием?.. А у Караганова оно модернизированное. А это же ведь недоказуемый факт.

Это личное мнение господина Караганова. Которое я должен разделять – почему? Потому что Караганов входит в Президентский совет. А это как называется? Это называется «тоталитарное мышление». Господин Караганов пишет статью против тоталитаризма на абсолютно тоталитарном

языке. На супероруделловском языке. Это надо читать и этим надо восхищаться. Потому что мы вновь въезжаем в это королевство суперкривых зеркал, именуемое «перестройкой», на этот раз «перестройкой-2». А «перестройка» – это всегда безумие, искусственно вызываемое безумие.

Итак, гордость за страну возникнет только тогда, когда ее проклянут – вместе с отцами, дедами, великими свершениями на протяжении 70-ти лет. Когда ее вновь превратят в «черную дыру», растопчут на административно-государственном уровне. Тогда возникнет «подлинная» гордость, «горькая», «настоящая». Подобная, так сказать, крепкому, хорошо отстоявшемуся вину.

«Модернизационный рывок невозможен или крайне затруднен при нынешнем морально-этическом состоянии общества».

Помилуйте, господин Караганов! Но «нынешнее морально-этическое состояние общества» в течение 20 лет формируется такими людьми, как Вы, господин член Президентского совета Бориса Николаевича Ельцина, если мне не изменяет память. Это Вы создали «нынешнее морально-этическое состояние». Вы забыли, господин Караганов, что Советский Союз развалился в 91-м году. А десталинизация, очередная по счету, горбачевская, началась, как минимум, в 87-м. Значит, уже прошло 24 года, милый мой человек! За эти 24 года... К 1917-му прибавьте – это 1941-й!

Только беспомощные люди ссылаются на пережитки прошлого, советского прошлого, советского тоталитарного сознания. Уже 20 лет нет этого тоталитарного сознания. Больше того, с ним борются уже 20 лет. И что же? Опять нельзя проводить модернизацию, пока не будет в очередной раз осуществлена эта борьба? Она сколько продлится? Еще 20 лет? И еще 20 лет нельзя будет проводить модернизацию? Вы хоть понимаете, что Вы говорите?

«Мы предлагаем, – пишет далее Караганов, – подготовить политико-правовую оценку преступлений прошлого. Возможно, в виде официальных заявлений от имени исполнительной

и законодательной властей. А также безусловно необходимо авторитетное правовое решение по преступлениям прошлого».

Вот пусть все, господин Караганов, и примут такое решение: судьи (конституционные в том числе), Законодательное собрание, которому надо сейчас идти на выборы, ибо оно состоит из партий... Вот пусть все они примут это решение, а мы на них посмотрим с близкого расстояния. На лица их, в глаза их посмотрим. В глаза нам они будут смотреть – эти принимающие решения. В глаза гражданского общества.

«...в виде официальных заявлений»... авторитетного решения «по преступлениям прошлого... Есть и предложение подумать о новом названии того праздника, который сейчас зовется Днем народного единства. Превратив его, скажем, в день памяти жертв гражданской войны и национального примирения».

Значит, «национального единства» мало... Выдумали праздник, «подшили» его к Смутному времени. Теперь этого мало, теперь нужно помянуть жертв гражданской войны. Всех жертв, господин Караганов? Вы из искусствоведческой отчасти семьи... Помните великий фильм Анджея Вайды «Пепел и алмаз»? В котором героя спрашивают: «Что, по полякам стреляешь?», – а тот отвечает: «А Вы – по воробьям?»... Будем помянуть всех жертв? Лазо тоже будем помянуть?

«Необходимо, – пишет Караганов, – завершить юридическую реабилитацию граждан, пострадавших от репрессий».

Занимайтесь этим сколько угодно. Это ваше право, мы вам не мешаем.

«Есть и идея о некоем законе о топонимике для того, чтобы убрать из нашей жизни имена тех лиц, которые несут ответственность за репрессии».

К вопросу об ответственности за репрессии... Никита Сергеевич Хрущев несет ответственность за репрессии? Да или нет? Господин Микоян несет ответственность за репрессии? Да или нет? Мы будем осуществлять изменение топонимики по отношению ко всем деятелям? И куда мы

ее будем осуществлять? Памятники на кладбищах мы тоже будем топонимизировать? И, вообще-то говоря, всем этим уважаемым людям, в условиях бомбардировок по Ливии и всего прочего, нечем больше заниматься, кроме как осуществлять очередную детопонимизацию?

«До сих пор, – пишет господин Караганов, – архивы открываются спорадически и с огромными трудностями. Они остаются фактически закрытыми. Безусловно, ключевым моментом является максимально полное открытие архивов».

Полностью поддерживаю этот замечательный пункт. Открывайте архивы. Полностью. И мы их прочтем. Но у каждого из нас есть право после прочтения фактического материала сделать свои выводы. Как известно, при полной открытости западных архивов историки столетиями спорят о том, кем являются Робеспьер или Наполеон. Есть разные школы, разные представления. Значит, одни из этих школ должны быть запрещены законодательными решениями? Но это называется «тоталитаризм». Это-то и называется «тоталитаризм» – запрет на мышление, запрет на точку зрения, запрет на суждение!

Читаем дальше: «Чтобы российские ученые и граждане могли их изучать и публиковать. Чтобы, в частности, можно было писать такие учебники по истории страны, которые были бы свободны от многих прежних мифологем. Потому что пока они очень даже живы».

Все великолепно. Но вы не чувствуете одну потрясающую «запятую» во всем этом деле? Архивы-то еще не открыты, российские историки всего этого еще не написали. Мы, значит, еще к истине даже не приблизились, но уже осудили одних и стали восхвалять других. Это ли не выявление глубочайшей немодернизованности сознания господина Караганова? То, что он называет «советским мышлением», это он сам. Господин Караганов борется со своим собственным мышлением. Это глубоко психоаналитический процесс. Змея, кусающая себя за хвост... Вот пусть он с ним и борется! Не с «пережитками» в сознании других своих граждан (в част-

ности, вашего покорного слуги), а со своим собственным сознанием, в котором «голова» уже вцепилась в «хвост» и поедает его лихорадочно.

Потому что, я повторяю, еще архивы не открыты. После открытия архивов нужно 10 лет на то, чтобы серьезные ученые пришли к какому-то заключению. Это будет борьба разных школ. Еще через 10 лет мы получим новое качество знаний. Тогда сможем высказать суждения, которые никогда не сойдутся в единую точку. Но, пока этих суждений нет и даже новые данные еще из архивов не извлечены, откуда нам знать, что есть истина и что есть заблуждение?

Значит, это не модернизированный акт гносеологического характера, в основе которого и лежит поиск истины на основе определенных процедур и определенной последовательности суждений. Это акт теологического характера. Это «охота на ведьм». Когда ты заранее, еще не открыв архивы, уже точно знаешь, какую оценку следует дать содержимому этих архивов. Потом ты открываешь архивы и позволяешь «ученым обезьянам» копаться в бумагах.

Но уже до этого ты вынес все вердикты: что первично и что вторично для «модернизированного» сознания, которое, если мне не изменяет память (я внимательно читал Вебера), является сознанием рациональным – сначала факты, потом исследования, потом оценки, потом суждения. Нет, сначала суждения, а потом исследования! Может быть, до конца доведем эту логику? Вначале «революционные тройки» расстреляют, а потом задним числом выяснится, что «ошибочка вышла», что «исследования» показывают другое.

«Мифологемы», конечно, «очень живы»... Одно сознание Караганова свободно от них, а также от пережитков тоталитаризма.

«Отсюда и еще одно предложение – нужен закон, согласно которому чиновники, которые публично отрицают или вообще оправдывают преступления, совершенные в годы тоталитаризма, находиться на госслужбе не могут».

Это же и есть ключевая вещь в десталинизации! Возникает запрет на историческую оценку. «Неправильная»

историческая оценка несовместима с госслужбой. Но в чем «прелесть» подобных, геббельсовских вполне, процедур? Чиновники всех уровней не могут выражать позитивную оценку советского прошлого... А кто такие чиновники всех уровней? Это все, кто находится в бюджетной сфере, то есть учителя и все прочие.

Это абсолютно тоталитарная процедура. Но продолжим эту логику. Есть, предположим, Коммунистическая партия – незапрещенная, входящая в Думу и занимающаяся общественно-политической деятельностью. Предположим, что эта партия, при определенном развитии событий, войдет в коалицию и сформирует правительство. Что, члены этой партии будут говорить одно на партийных собраниях и другое в качестве государственных чиновников? Но тогда их довольно быстро уберут из партии и они перестанут быть парламентариями. Кроме того, у них, наверное, все-таки есть какие-то убеждения. Значит, они не могут стать чиновниками? То есть парламент не может формировать правительство? А кто его должен формировать?

И, наконец, ясно же, что кончится это запретом всех тех партий, которые хвалебно или объективно (как мы считаем) высказываются о советском прошлом. Мы начинаем говорить о чиновниках, потом имеем в виду школьных учителей и всю бюджетную сферу, а затем осуществляем запрет, разгон партий. То есть последовательно идем к тоталитарной диктатуре через «борьбу с тоталитаризмом». Am I right, мистер Караганов?

«И, конечно, важную роль играют памятники. Необходимо в обеих российских столицах создать мемориалы всем жертвам политических репрессий, которые были в нашей стране. Мемориалы должны быть и в местах тысяч пока не найденных захоронений, и в городах и селах, из которых наших людей увозили на каторгу и на смерть.

И, наконец, настала пора решать вопрос с мавзолеем Ленина на Красной площади. Но не просто так, для того чтобы только вынести оттуда его тело. Предварять это безусловно необходимое решение должна большая работа».

Ну, сносите памятники. Но мы, граждане, имеем право скинуться, их построить?! – Нет.

То есть вы наши памятники сносить можете, а мы ни ваши снести не можем, ни свои построить? А почему?

Потому что мы не равноправные граждане. Гражданское неравноправие и есть основа тоталитаризма. Если господин Караганов может снести памятник, который я поставил, а я не могу снести памятник, который поставил господин Караганов, то не только о национальном примирении, но и о национальном равноправии речи быть не может. Часть общества – это изгой, чьи памятники будут сносить. Но это же только начать...

Сначала сносят памятники. Потом оскорбляют ценности. Потом люди начинают возмущаться, а их начинают подавлять. Потом они переводят все эти ценности в личную жизнь, и тогда в нее вторгается полиция. Ну, так и строится тоталитаризм. Повторяю, ничего не стоит просто чихнуть и построить антисоветский тоталитаризм с «пятиминутками» ненависти или «десятиминутками» ненависти. И просто видно, как Караганов к этому рвется. Но он же все это говорит не как частное лицо. Это говорит член Совета по гражданскому обществу и правам человека при президенте. Он же не в курилке это обсуждает. Он статью пишет. Эту статью читают. В выборный год. Это, вообще, акт безумия или акт провокации? Или акт того и другого?

«Сейчас все за себя, общество фрагментировано. Элита во многом презрительно относится к массам. Массы народа – к элитам. При этом народу и элите после последних ста лет себя почти не за что уважать».

Если «народу и элите после последних ста лет себя почти не за что уважать», то это конец – народа нет и элиты нет. Есть сообщество хамов, которым не за что себя уважать. Вы уж договаривайте, господин Караганов. Не только себя, но и своих отцов и дедов. Мы должны перестать уважать свои семьи. А не пошли бы Вы лучше куда подальше с Вашими сентенциями в духе Оруэлла?!

«Единственное, чем можно по-настоящему гордиться, – Великая Отечественная война. Но ее объединительный потенциал со временем истощается».

Как только, господин Караганов, будет осуществлено 10 процентов того, о чем Вы здесь уже понаписали, ни о какой Великой Отечественной войне речи не будет. Никто ею восхищаться не будет. Невозможно изучать Жукова и проклинать Сталина, потому что Жуков хвалит Сталина, и т.д. А значит, речь пойдет о том, что сначала будут уравнены (и вы это уже делаете) коммунизм с фашизмом, а потом «окажется», что коммунизм хуже фашизма. И как-то так случайно, незаметно вы реабилитируете нацизм. Не коммунизм осудите, а нацизм реабилитируете. И к этому уже идет. Мы внимательно следим, как это происходит. Продвинутые немцы говорят по этому поводу: «Нам надоело столько лет быть крайними, побудьте теперь вы, пожалуйста».

«Общество не может начать уважать себя и свою страну, пока она скрывает от себя страшный грех семидесяти лет коммунизма-сталинизма-тоталитаризма».

О-па! Вот оно, модернизированное сознание: «страшный грех»! Я так и вижу первородный грех. Когда человек с модернизированным сознанием говорит в терминах «грех», то следующий его шаг – конечно, создать инквизицию ради «спасения» меня от «грехов». С помощью чего? Как мы все знаем, с помощью аутодафе.

Хорошая выдумка в начале XXI века... Под завывание о демократии...

«Когда народ совершил революцию, привел к власти и поддерживал античеловеческий варварский режим (он совершил грех. – С.К.). И позволил ему существовать и участвовал в самогеноциде – системном волнообразном уничтожении лучших своих представителей...»

Короче, народ греховен, а грех народа позволяет господину Караганову, который безгрешен с его отцами, дедами и всеми остальными, начать этот народ очищать от греха, что является квинтэссенцией тоталитарной процедуры. Квинтэссенцией!

Ну, дальше – кого именно уничтожали... И голодомор, и коллективизация, и интеллигенция... Лучшие представители...

«Из-за этого страшного века большинство людей не знает своих прадедов, потеряли коренную связь со страной». Это уже просто глюки. Докажите. «Большинство людей не знает своих прадедов»... Может быть, Вы их не знаете? Вы проводили социологические исследования? Опираетесь на какие-то данные? Что это за «коммунальная кухня»? Помесь Кащенко с коммунальной кухней и агитпропом...

«Продолжать полускрывать от себя эту свою историю – неявно оставаться соучастниками этого преступления. Если мы не признаем до конца правды, мы останемся наследниками не лучшей части нашего народа и не лучшего в нашем народе...» Не лучшая часть народа? Это какая часть «лучшая», а какая «не лучшая»?

Если бы это было написано в Америке, то тут есть пунктов восемь, по которым можно начинать юридический процесс. Но я не буду начинать юридический процесс против господина Караганова. Я хочу просто до конца показать всем, В ЧЕМ цена нашей борьбы за историческое наследство. И ЧТО уже сейчас люди, вполне облеченные властными полномочиями (как им, по крайней мере, кажется), хотят навязать большинству – «не лучшей части народа». Это гитлеровская риторика. Это риторика социального, духовного геноцида. Потому что если эта часть не лучшая, то эту часть можно брать под опеку. А если она будет сопротивляться, ее можно подавлять всякими способами и т.д.

«Ссылаться на ветеранов – несостоятельный и трусливый аргумент. Тем более что ветеранов, чьи чувства могут пострадать, остались единицы. Наверное, не меньше осталось ветеранов, для которых осуждение тоталитарного режима было бы величайшим счастьем».

А давайте проверим. Если для подавляющего большинства сегодняшнего общества осуждение советского режима, как «тоталитарного», является «величайшим счастьем»... Давайте спросим ветеранов, это же не так трудно узнать.

Что значит – их осталось мало? Прямо чувствую какую-то счастливую вибрацию в голосе господина Караганова... Может, мне кажется... По-моему, их осталось еще достаточно много. Но при чем тут они? Вы считаете, что среди молодежи сейчас все хотят очередного разоблачения культа личности Сталина? Вы не читали социологические данные? В каком обществе вы живете? Что вы о нем понимаете? И нужно ли вам что-то о нем понимать?

«Ушло и поколение людей, несших прямую ответственность за уничтожение народа».

Это здорово... А косвенную? А семьи? Вы, кстати, все архивы будете открывать? Вы точно на это решились? Вы не шутите? Вы меня поняли, господин Караганов? Нет?

«Бояться, что полное признание ужаса ГУЛАГа, полное открытие архивов нанесет вред престижу страны. Это не так. Кампания по увековечиванию памяти жертв тоталитарного режима может вызвать только уважение».

Согласен. Вы и ведите эту кампанию. Ведите, мы положим цветы к могилам жертв. Мы не только не хотим трогать то, что Вам стало дорого сейчас или было дорого всегда, хотя Вы это очень тщательно скрывали... Наверное, от самого себя. Иначе бы в партию не вступали, правильно? В преступную организацию не вступали бы? Так вот, Вы это делайте, Вы нас не трогайте, а мы Вас. Вот тогда возникнет база для национального примирения.

В противном случае Вы предлагаете формулу примирения на коленях, а мы ее не примем, потому что эта формула есть не формула примирения, а формула унижения и гражданской войны. Это Вы разжигаете гражданскую войну заново. И это преступное деяние. Греховное, господин Караганов.

«Мы по-прежнему, воспитанные в традициях комидеологии, полустыдимся его – «века эксплуататоров», «реакционных монархов» и крепостников. А ведь это был век, когда Россия была среди первейших или даже первой державой Европы – гарантом стабильности и относительного мира. Это был век расцвета русской культуры...»

Это Вы сейчас говорите, но, как только начнется тотальная десталинизация и десоветизация, то начнут искать корни... Люди, вы слышите меня? 70 лет ваши отцы и деды совершали почему-то «преступления, самогеноцид» и все прочее.

А в чем корни? – «Корни в вашей рабской природе».

А почему природа рабская? – «А потому что все время был тоталитаризм. Тоталитаризм Петра, тоталитаризм Ивана Грозного...»

Дальше вся Российская империя окажется тоталитарной, потом окажется тоталитарным все Русское царство и так со всеми останковками... Это прямая логика. И мы видели ее, мы наблюдали ее в ходе передачи «Суд времени»: сначала Сталин, потом Александр Невский – все «негодяи». Потому что задача-то заключается в том, чтобы уничтожить всю историю. Под эти сю-сю, под эти безумные глюки и под все прочее надо расправиться с историей и с идентичностью народа. Народа, пытающегося сейчас срастить сломанный хребет, но которому его снова надо сломать раз и навсегда, во всех точках, до конца, уже теперь тоталитарными способами, потому что иных-то по определению быть не может: большинство уже сопротивляется «модернизации» своего сознания.

«Моисей водил народ по пустыне 40 лет. 20 лет мы уже отбродили, – говорит Караганов, – если также растратим следующие 20, то можем из пустыни и не выйти».

У Гоголя есть произведение, которое начинается почти трагически, а кончается фразой: «А у алжирского дея под самым носом шишка».

«И последнее. Понимаю, что вызову неприятные эмоции, „подрывающие“ привлекательность проекта. Но любые усилия по восстановлению общественной морали, самоуважения обесцениваются процессом Ходорковского».

Вы не вызвали у меня отрицательных эмоций, господин Караганов, Вы смешны, глубоко смешны, как и весь этот класс, который Вы представляете. Как весь этот жалкий класс, гниющий, прозябающий в постыдно-омерзительной роскоши посреди нищей страны. Не знающий, как отвечать за свою полную политическую, административную, хозяйственную,

экзистенциальную, метафизическую недееспособность. И пытающийся снова заняться привычным делом так, как мальчишка, не познавший женщину, занимается любовью. Стыдно. Так стыдно, что дальше некуда. Но внутри этого стыда есть ведь и что-то серьезное.

Люди! Десталинизация, десоветизация и прочее начинались перед программой «Суд времени». Люди, мы дали тогда бой именно потому, что знали об этом, в полную меру. Люди, мы не можем сражаться – конституционно, законопослушно, спокойно – за вас. Люди, это рубеж.

Господин Караганов, если мне не изменяет память, руководит Советом по внешней и оборонной политике. Я спрашиваю людей, входящих в эту организацию: «Люди, вы готовы, чтобы ее возглавлял господин Караганов? Это тест. Люди, это тест».

Господин Евгений Максимович Примаков, я обращаюсь лично к Вам и тем, для кого Вы авторитетны. Вы не молоды. Вы входили в советскую элиту. На Вас многие ориентируются. Вы спустите господину Караганову эту статью?

Господа ученые с советским прошлым, директора, спецслужбисты, все, кто входит в Совет господина Караганова! Он останется – после того, что он сказал – председателем этого совета? Если да, то ВВ толкаете народ на новую десоветизацию, десталинизацию. ВВ соглашаетесь на вторую перестройку. ВВ не ставите общественных запретов на ее пути. ВВ трусите уже заранее, сами не понимаете отчего.

Если же это не так, то завтра хотя бы председателем (или руководителем) этого, ничего не значащего Совета будет не господин Караганов, а кто-то другой. И вот тогда мы даем бой, хотя бы на дальних подступах к этой десталинизации и десоветизации.

А если вы сначала будете выражать свои восхищения по поводу моей гражданской позиции в программе «Суд времени» и в других, а потом сами прятаться под кровать... То вас настигнут с этой самой десталинизацией, десоветизацией, растопчут вместе со страной и обрекут на жалкое, постыдное, кровавое будущее.

Это можно было себе позволить двадцать с лишним лет назад, когда страна обезумела. Но сейчас она входит в норму. Сейчас идут совсем другие процессы. Сейчас нет никаких оправданий тому, чтобы не вести себя граждански достойно и спокойно.

Я хотел бы верить, что в нашей элите есть люди, способные к такому поведению. Что всему этому бреду будет положен предел, и немедленно. Но если это не так, то речь идет не о какой-то чудовищно непреодолимой угрозе для общества... Нет. Речь идет о том, что элита еще раз расписывается в том, что она коллективная шваль. И что она предоставляет народ своей участи. И народ, увидев это, имеет право спасаться сам.

Теперь о том, как он в этом случае будет спасаться. Он будет спасаться абсолютно спокойно, иронично, неистерично. Ничего из этой десталинизации и десоветизации не получится. Этот номер уже не пройдет. Чем больше это вот такими методами начнут разворачивать, тем глубже будет противодействие. И наша задача в том, чтобы оно было спокойным, с улыбкой на губах. Чтобы очередная конвульсивная истерика, совершенно справедливая по отношению к подобного рода «фокусам», случайным образом не разрушила страну. Или не была использована для каких-то действительно поджигательских действий. Они хотят разжечь гражданскую войну? Мы им не позволим это сделать. Этого не будет.

Именно для этого и создается фонд, общество, виртуальный клуб в защиту нашего исторического наследия. Есть сотни форм подобной защиты. Никто сейчас не сумеет провести эту оруэлловскую, антисоветско-антисталинскую оргию ненависти. Нет для этого ни общественной ситуации, ни властной системы – ничего нет. Но это не значит, что отпор всему этому не должен быть дан. Потому что если отпор не будет дан (спокойно, иронично, на уровне именно гражданского общества, с использованием всех демократических возможностей), то это будет продолжаться.

А каждый раз, когда это будет продолжаться, люди с сознанием типа сознания Караганова, будут распалаться.

У них, знаете ли, есть такое свойство – распалиться. Вот когда они распалются по-настоящему, а те, кто должен давать им отпор, подожмут хвост, вот тут могут начаться любые «фокусы». Любые! Потому что на самом-то деле (и это надо показать) вся эта «борьба» с коммунизмом, с советским, со сталинским наследием, конечно, является частью деятельности всплывающей со дна большой неонацистской подводной лодки, которая и перестраивает мир. Которой нужно убрать последние препятствия. Которая видит, что Россия осталась на карте мира – осталась как живая сущность, способная дать отпор их планам. И которая хочет уничтожить до конца Россию.

За спиной людей – таких, как Караганов, и прочих безумцев – стоят, конечно, холодные, сильно скорректировавшие свою прежнюю идеологию, но оставшиеся верными ее фундаментальным принципам человеческого неравенства неонацисты. Они сейчас правят бал, они сейчас пытаются добить Модерн и повернуть процесс в нужную им сторону. Это их звездный час. Это люди холодные и бесконечно жестокие. Караганов и прочие – это просто «петрушки», которые устраивают танец перед началом главного представления. Люди, будьте бдительны! И поймите, что стоит на кону, «что ныне лежит на весах».

У меня сейчас на спектаклях зал забит битком, люди сидят на ступенях. Спектакль – мистерия, философско-метафизическая поэма в двух действиях – длится с перерывом чуть ли не 4 часа. После спектакля остается порядка сотни человек, которые задают мне вопросы до 6-ти утра. Это люди скромно одетые, не принадлежащие к этой самой элите. Которую я сейчас в очередной раз спросил: «Элита, ты опять предашь свой народ?» Люди, которые остаются после спектакля, к ней не относятся. Но они разговаривают на глубокие философские, метафизические темы на очень изощренном языке, глубоко интеллигентном, указывающем на то, что они освоили очень и очень много. Это новая Россия. Это не Россия Караганова. Это новая молодежь.

Россия – очень живая страна... Я могу давать спектакли на фестивалях в Авиньоне или Эдинбурге, но я очень хорошо знаю, что там все гораздо более мертво... И не только потому, что это другой язык, а просто потому, что Европа на самом деле очень сильно слабеет, дряхлеет, теряет внутренний духовный темперамент. Прежде всего, это касается, конечно, Центральной Европы, но и Южной тоже. К сожалению, это так.

Но Россия – это очень живая страна с огромным интересом к происходящему, с огромным интересом к сложной духовной проблематике. И именно это говорит о том, что у России есть будущее.

Будущее – с вами. Вы – соль земли. Вы – настоящая элита, а не те, кто пишет вот такие идиотские опусы.

Главное здесь – разорвать с какими-то комплексами собственной неполноценности. В мире вообще существует некий комплекс, согласно которому не быть богатым стыдно, быть бедным стыдно. Это распространяется не только на Россию, это в последние лет 20–30 стало всеобщим европейским безумием. Очень сильно изменилась жизнь.

Так вот, быть бедным не стыдно. Стыдно быть пошлым, глупым, алчным, безлюбим, бессострадательным. И, конечно, стыдно быть слабым. Сейчас очень стыдно быть слабым. Весь вопрос заключается в том, возникнет ли настоящая сила там, где она должна возникнуть. В слоях людей, которые не перестали читать. Которые знают сегодня гораздо больше, чем они знали 20 лет назад. Если в чем-то и есть оправдание произошедшему, то оно в этом.

Возвращаясь из совсем далекого путешествия на юг Индии, вижу русскую группу. Как-то всегда страшно, что это «новые русские». И что они начнут изъясняться так, что будет страшно от того, что ты слышишь все эти слова на русском языке. Нет, смотрю: сидят молодые и современные юноши и девушки. Достоевский у них в плохой обложке. Они там что-то отчеркивают, читают, спорят...

Спрашиваю: «Что делаете?» Говорят: «Путешествуем по всей Индии». Называют огромное количество мест. Путе-

шествуют самым дешевым образом. Вменяемые, интеллигентные. Высказывают глубокие суждения по поводу страны и мира.

Сколько таких людей, как скоро они сумеют объединиться? Как скоро они расстанутся с комплексом неполноценности, согласно которому те, другие, – это элита, а они – подножье, пыль у ног этой элиты? Как скоро они обретут идентичность и связь со страной? Как скоро они поймут, куда им двигаться? Вот в чем настоящая борьба сегодня.

Борьба заключается не в том, чтобы сжимать кулаки и потрясать ими от ненависти. Борьба заключается в том, чтобы развивать начавшиеся контррегрессивные процессы, процесс духовного обновления, чтобы эти зачатки превратить в мощные тенденции. И чтобы сами эти тенденции были основаны на великой гордости за свою великую историю, за свое великое Отечество. Тогда эти тенденции и повернут мировой процесс в нужную сторону. Тогда-то и спасутся и Россия, и мир от этой всплывающей из глубокого погружения нацистской, метафизической, экзистенциальной, стратегической подводной лодки.

Мы говорим о том, какими должны быть направления работы.

Вот это большинство и этот его актив, который готов до 6-ти часов утра спорить на философские темы, который вполне образован и вполне продвинут, который никак нельзя назвать ни архаическим, ни демодернизированным, который разительно отличается от этой самой элиты и разговор с которым и есть человеческое счастье, потому что можно говорить на серьезные темы с глубокими людьми (глубокими и глубоко заинтересованными)... Как быстро этот актив создаст альтернативное образование? Как быстро он освоит высокие технологии и будет ли интернет за ним или за его противниками? Отдаст ли он интернет американцам или возьмет себе? Как быстро он организуется? Как быстро он поймет, что время кайфа прошло и что надо действовать – действовать самим, не дожидаясь, пока тебя организуют, поставят в строй и направят куда-то?

Поэтому вопросы о семинарах, связанных с освоением интернета, очень важны. Вопросы о развитии всего того, что связано с новым телевидением, для нас также важны. Это тоже направление нашей деятельности. И, конечно, ключевой вопрос – вопрос о школе. Это супервопрос. А супер-супервопрос – когда в России начнут формироваться мировоззренчески единые коммуны, интеллектуальные или другие. Что, кибуцы формировать можно, а коммуны нельзя?..

Когда люди сдвинутся с места и начнут объединяться с себе подобными на мировоззренческих основаниях? И чем они займутся, объединившись? Они будут шизеть в сектах или выйдут на большой простор философии, мировоззрения, полноценной, нормальной духовной жизни? Вот если все это возникнет, тогда, может быть, у России и есть шанс на будущее. Потому что произошедшее, конечно же, очень скверно.

Ведь в чем суть затеянного Карагановым и почему мы обращаемся ко всем, кому дорога Россия, с тем, чтобы поддержать сейчас защиту советских ценностей?

Суть – в так называемой «черной дыре». У вас есть 70 лет. И эти 70 лет объявляются «черной дырой». Много раз говорил, что я ненавижу любую аналогию между великим советским обществом, победившим фашизм, и омерзительным фашизмом. Но даже если взять эту аналогию, то надо понимать, что фашистская «дыра» («дыра» денацификации) длилась 12 лет. И мужчине, которому было 20 лет до того, как в 1933 году Гитлер пришел к власти, после того, как Гитлер ушел, было 32 года. Он был еще вполне молод. И единство дофашистского и постфашистского времени реализовывалось в пределах одной личности, одного человека, внутри его сознания. И то это был ужасный процесс. Ибо немецкая вина и впрямь была ужасна, вина перед миром и перед самими собой. Ибо фашизм и впрямь был глубочайшей дегуманизацией и величайшим преступлением перед человечеством.

Но раз советское общество, советский народ, советская политическая система, советский строй спасли мир от на-

цизма, то они не могут быть так же ужасны, как сам этот нацизм, просто по определению. А значит, их приравнивание к нацизму есть на самом деле реабилитация нацизма, как я уже говорил. Но не это главное.

Что будет, если эту «дыру» в 12 лет расширить до 70-ти? Она непреодолима. Это и есть тот самый «Воронеж». «А Вы-то откуда? – Я из Воронежа». Нельзя преодолеть эту «дыру». «Это, – говорят такие люди, как Караганов, – антропологическая катастрофа».

Антропологическая катастрофа – это неполноценный народ. Неполноценный народ требует опеки. Чьей? Понятно, что не Караганова. Это Караганову так кажется, что его. Потому что он такой же, он тоже «из Воронежа». Это оккупационная система. Караганов и иже с ним подготавливают модель оккупации от лица Совета президента по правам человека и гражданскому обществу. От лица главы государства и Верховного Главнокомандующего. Опомнитесь, что вы делаете?! Опомнитесь-то тут должны все... Не только господин Караганов. Я еще раз повторяю: выборы на носу. Выборы, господа... Или вы их отменяете?

Но оставим в стороне выборы. Антропологическая катастрофа длиной в 70 лет – это неполноценность и это, конечно же, оккупация. И все. Потому что дальше любители других периодов начнут искать корни катастрофы. Скажут: «В силу чего же?..» Это же и с немцами так было. «Какие особенности немецкого духа породили фашизм?». «Какие особенности русского духа породили совок?» – как они отвратительно говорят. Они же найдут эти особенности. Тогда они будут давить все проявления этого духа во всех исторических периодах.

Окажется, что вся история есть сплошная «черная дыра». А что такое государство? Государство – это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение. Нет исторического предназначения – нет народа. Значит, речь пойдет о демонтаже народа, о его распаде, а значит, и о распаде государства. А распад государства плюс демонтаж народа означает, конечно, расчистку всех

предпосылок для будущего геноцида. И если вам кажется, что это слишком долгий путь, то это не такой долгий путь. Если мы это не остановим... Это совсем недолгий путь. Это можно сделать достаточно быстро. И в этом есть замысел неонацизма по отношению к России.

Но нацисты никогда не простят России то, что она победила Гитлера в 1945 году, ей никогда не простят красный флаг над Рейхстагом. Как и Сербии никогда не простят сопротивления нацизму, как ее карают за это в ускоренном порядке, ибо нет ядерного оружия. Так же карают и Россию. И ее будут карать до конца.

Мы очень часто разговариваем не на том языке. Мы пытаемся все время перебирать лидеров. Персонификация в политике – это своего рода луддизм. Вот как луддиты когда-то боролись с машинами вместо того, чтобы бороться с господами этих машин, так сейчас пытаются бороться с персонами. Но давайте все-таки разберемся...

Есть персона. Есть система. Есть лидеры. Есть класс, на который опирается система. И есть общество – в идеале народ. Если система опирается на гнилой политический класс, а лидер опирается на систему, то с чем именно на данном этапе надо выяснять отношения? С персонами? Вам их заменят... а потом еще раз заменят... но если вы оставите при этом не только систему, но и класс, который на нее опирается, то ничего не изменится. И в этом опыт последних 20 лет.

Все так долго учились упражняться по поводу Ельцина, выявлять его персональные недостатки. Выявили их, отсмаковали. Потом пришел другой человек, не наделенный этими недостатками. Все выдохнули с облегчением. Сказали: «Не, ну теперь-то запляшут лес и горы!» Как запляшут, если система осталась почти той же, а класс остался буквально один к одному, за редкими исключениями?

Говорят: «Что же тогда делать?»

Говорил и повторяю: надо строить альтернативную базу опоры. Альтернативную базу опоры. Другой класс.

Говорят: «Как это можно построить класс?»

Но Чубайс же сумел это сделать!.. Он этот мерзкий класс, который сейчас поедает страну, построил за 2–3 года. Значит, в принципе, это можно делать. Но если можно строить гнилые и антинародные социальные группы, то почему нельзя строить альтернативные группы? Если можно строить группы регрессоров, то почему нельзя строить группы, занимающиеся контррегрессом? Можно и должно!

В противном случае противопоставить нынешнему процессу что-нибудь всерьез невозможно. Процесс слишком, в этом смысле, далеко зашел. Мне когда-то вдруг это стало ясно после одного разговора с моим отцом. Он, профессор, до 80 лет руководил кафедрой, потом оставил кафедру своему ученику. Преподавал до смертного часа. Я говорю (когда он уже оставил кафедру): «Папа, ну, как дела?» Он говорит: «Да все замечательно, кафедра интересно работает и все...» Потом сделал паузу и сказал: «Знаешь, только одно чувство... Если бы студентов не было, то кафедра бы еще более интересно работала». И вдруг на этом маленьком примере я понял, что такое мутация... Что такое форма, отрицающая свое содержание. Кафедре не нужны студенты.

Давайте продолжим... Кафедре не нужны студенты. Институту, отвечающему за здравоохранение, не нужны больные и врачи. И давайте еще добавим слово: они являются для этого института ОБРЕМЕНЕНИЕМ. Институту, отвечающему за оборону, не нужны солдаты и офицеры. Институту, отвечающему за народ, не нужен народ. Элите, отвечающей за человечество, не нужно человечество.

Вот это и есть макромутация. Форма начинает пожирать свое содержание. Срабатывает закон превращенных форм. Россия – это слабое звено в цепи превращений, которые сейчас распространяются по всему миру. И уж, по крайней мере, по большей части западной цивилизации.

Это не наша болезнь. Просто она у нас протекает в самых острых и ужасных формах. Это тяжелая болезнь – это не насморк, не воспаление легких. Это совсем тяжелая макросоциальная болезнь. Кончиться она может только обрушением общества и государства.

Преодолеть ее если и можно, то только за счет нетривиальных действий. За счет таких действий, которые не имеют ничего общего с тривиальной политической борьбой. Ибо политическая борьба – это прекрасное лекарство в тех случаях, когда болезнь размещается в диапазоне между насморком и тяжелым воспалением легких. Тогда, пожалуйста, – антибиотики и все остальное.

Политические средства очень хороши и нужны, их надо применять своевременно. Но в условиях, когда болезнь зашла так далеко (а запустили ее, довели ее до этой степени сами люди; большинство, проголосовавшее за Ельцина в июне 1991 года, не было картотеккой ЦРУ; XXVIII съезд КПСС не состоял из картотечных ЦРУшных агентов, а он лизал руки своему убийце Горбачеву)...

Капиталистический соблазн в его самых грубых и неприкрытых формах глубоко вьелся в плоть, в социальную жизнь и отдал в руки чудовищным монстрам страну, которой сломали хребет и кинули в регресс. А теперь этому надо противостоять. Этому противостоять надо каждый день в условиях непрерывного, скромного, хорошо организованного социального подвига. И надо восстанавливать те уровни понимания своего исторического прошлого, которые, может быть, ни один народ еще до конца не проработывал. Нас «сделали» так, как никого другого. Если мы хотим ответить, и по-настоящему ответить, на то, что было сделано, нам нужна такая глубокая, страстная системная проработка, которой ни один народ еще не осуществлял никогда.

Я вновь возвращаюсь к вопросу о Модерне и его производным. Я не могу не обсуждать статью господина Караганова. Не могу не отвечать на то, что происходит сегодня. Меня не поймут, если я не отвечу. Но я действительно призываю всех собравшихся подумать над одним – в какой степени внутри России есть драгоценности, связанные с альтернативными моделями развития? В чем мы альтернативны?

Не надо думать о своем исключительном, особом пути. Свой особый путь уже сегодня недостаточен. В чем глобальный путь, который мы указывали миру? Только ли в

коммунизме? Есть ли более глубокие уровни, на которых мы сделали великие открытия? И почему эти великие открытия растоптали? Почему Караганов предлагает их растаптывать снова? Не потому ли, что эти великие открытия миру, человечеству, гуманизму нужны сегодня больше, чем когда бы то ни было? Потому что все, что было альтернативой этим открытиям, гибнет. Гибнет великий проект «Модерн». Он устает, он вянет, он угасает. Ему помогают угаснуть гораздо быстрее. Он, может быть, мог бы продержаться еще 20–30 лет, но его добивают, добивают ускоренно. Потому что он тоже кому-то мешает.

Но в этой ситуации наш опыт становится уже безальтернативным. Мы были «бронепоездом на запасном пути» человечества, двигающегося историческим путем, путем прогресса и гуманизма. Но теперь не мы «бронепоезд на запасном пути». И не «запасен» наш путь. Наш путь только сейчас становится основным. Сейчас, когда мы слабы, как никогда. Только сейчас мы можем либо указать новые ориентиры себе и человечеству, либо сгинуть сами и вместе с человечеством.

Так что же внутри этого охаиваемого советского наследства так важно? Что является приоритетным внутри него? Почему его нельзя отдать на поругание? Только ли потому, что оно наше, что мы любим наших отцов и дедов, что мы хотим сохранять историческую идентичность и быть народом?

Конечно, и этого бы было более чем достаточно. Но есть и нечто большее. Вопрос не только в советском этапе нашего развития, который дал великие результаты – беспрецедентные, не имеющие мировых аналогов по скорости и глубине. Вопрос в том, почему это советское было принято. Не потому, что, как пишет Караганов, нелучшая часть народа, мобилизовав в себе все рабское и скотское, встала на путь самогеноцида. А потому, что Россия на протяжении всего предыдущего этапа шархалась от Модерна. То есть даже от легитимированного, точнее сказать легитимного, варианта существования буржуазного общества. Она его не принимала. Она от него шархалась на протяжении XVIII и XIX столетий.

Значит ли это, что она существовала в рамках традиционного общества? Нет. Петр – великий человек, но он сильно наломал дров. И батюшка его наломал, и предшественники. Россия с «привычкой» как «душой держав», с традицией, которая является одним из способов регулировать общество, разорвала давно. Очень давно. И Россия не встала на путь закона. Ибо главный регулятор великого проекта «Модерн» – это закон. Модерн регулируется писанным законом. Наполеоновским кодексом. Закон – это великая сила. Россия не взяла правовой барьер. Это, конечно, прискорбно. Но это глубоко исторически обусловлено.

Но что же произошло тогда – уж как минимум, с петровским и послепетровским обществом, а вовсе не с советским – на протяжении столетий, когда общество как-то регулировалось и ведь «быстро развивалось» (как тут с лживыми восторгами восклицает господин Караганов)? Ведь действительно, развивалось...

Что произошло с Россией? Как она могла быть обществом и развиваться в условиях, если традиционные регуляторы («привычка – душа держав») были сломаны Петром, да и в допетровский период, а закон регулятором не стал?

Именно на этом этапе великим регулятором для нашего общества, нашего народа, нашего мира, нашей альтернативной глобальной цивилизационной системы стала культура. Говорить просто о том, что у нас особый путь, сейчас категорически недостаточно.

Но как именно культура осуществляла регуляцию? Не закон (как в обществах Модерна), и не традиция (как в обществах Премодерна), а культура – как она осуществляла регуляцию и почему сегодня опыт этой регулятивности (а именно за счет нее возник и советский опыт развития) является бесконечно важным для человечества, находящегося в состоянии медленно, но неумолимо развивающейся катастрофы? Почему этот опыт драгоценен? И что он такое по существу?

Давайте в следующих передачах обсудим именно это, потому что нельзя же, в конце концов, заниматься только

карагановыми. Помните, как было сказано в великой пьесе «Горе от ума»? Мне всегда хотелось сыграть последнюю сцену из этой пьесы, потому что мне кажется, что все ее играют неправильно. Там говорится:

*Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нем рассудок уцелеет.*

Я с такими, как Караганов, не день один провел. Я больше 20 лет нахожусь в этой социальной среде. И горжусь тем, что рассудок у меня тем не менее уцелел.

Содержание

Выпуск №1.....	5
Выпуск №2.....	31
Выпуск №3.....	57
Выпуск №4.....	93
Выпуск №5.....	121
Выпуск №6.....	145
Выпуск №7.....	187
Выпуск №8.....	229
Выпуск №9.....	257
Выпуск №10.....	287

КУРГИНЯН
Сергей Ервандович

СУТЬ ВРЕМЕНИ
в 4-х томах

Том 1

Научный редактор – Ю. Бялый
Художественное оформление – Д. Муллагалиев

Подписано в печать 11.05.2012 Формат 84x108 1/32

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Гарнитура «Миньон».

Объем 20 печ.л. Тираж 1500 экз. Заказ №

МОФ «ЭТЦ», 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И.Яковлева, 15